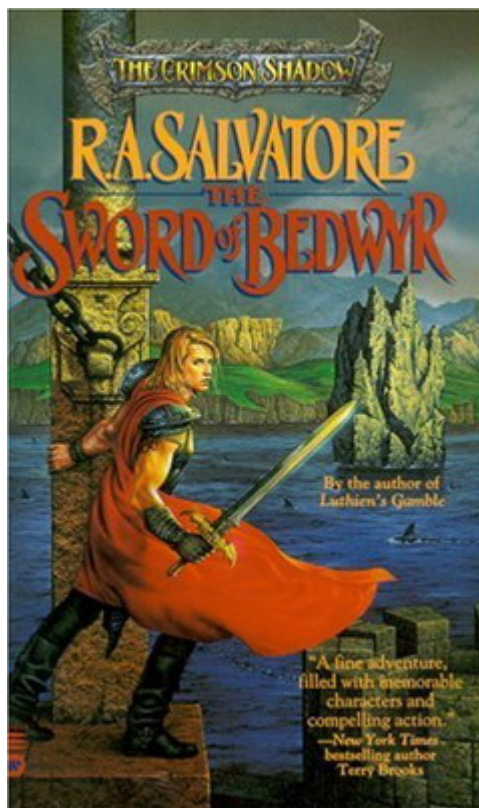

Роберт Сальваторе Меч Бедвира

Crimson Shadow – 1

&OCR - Vahmurka. ReadCheck - Vahmurka. <http://www.oldmaglib.com>
«Р. А. Сальваторе "Меч Бедвира"»: Эксмо, Домино; Москва; 2003
ISBN 5-699-02496-4

Аннотация

Прекрасна страна Эриадор, но живущие здесь в согласии между собой люди, гномы и эльфы не знают мира под властью жестокого короля-чародея Гринспэрроу.

Спасаться бегством от безжалостных солдат правителя пришлось и благородному юноше Лютиену Бедвиру, осмелившемуся добиваться справедливого возмездия за смерть друга. В долгих и опасных странствиях изгнаннику довелось столкнуться с таинственными силами древней магии и постичь многие ее тайны...

Прошло время... И вдруг по Эриадору поползли странные слухи о неизвестном бесстрашном воине. Никто не видел непобедимого героя, но от его меча один за другим гибнут приспешники короля...

**Роберт Сальваторе
«Меч Бедвира»**

Пролог

Если только найдется отважный мореплаватель, который осмелится проникнуть в самое сердце бушующего, вероломного моря, перед ним откроются прекрасные в своем разнообразии Эйвонские острова. Их смело можно назвать землей противоречий: острые горные пики и округлые холмы, ласковые дожди и свирепые ветры, дующие с севера через Дорсальское море.¹ Там располагается и тихий Барандуин, обитель людей и волшебнорожденных, земля пышной, буйной зелени и радуг. А на другом конце архипелага из волн вздымаются Пять Стражей, Ветроломы, скалистые вершины с бродящими огромными рогатыми овцами и странными многоцветными лишайниками, которые зловеще светятся после захода солнца. Мореплавателям лучше поостеречься скал в проливах этой пятерки.

Там и Претория, многонаселенный и цивилизованный остров, где много городов и поселков, а торговля с материком — обычнейшее дело.

И там же неукротимый Эриадор. Земля войн и сурового народа, знакомого с мечом так же хорошо, как с плугом. Земля кланов, где верность у людей в крови, а нанести обиду одному человеку — все равно, что обидеть весь его род.

Неукротимый Эриадор. Облака там низко нависают над холмистой равниной, покрытой густой зеленью, и даже в разгар лета дуют прохладные ветры. Там волшебнорожденные, эльфы, танцуют на вершинах таинственных холмов, а хмурые гномы куют оружие, которое непременно попробует вражеской крови еще до исхода года.

Варвары-хьюготы, дикое племя, живущее только войнами и набегами, не раз нападали на обитателей Эриадора. Но никогда захватчикам не удавалось удержаться на этой земле, никогда они не могли поработить свободолюбивый народ. За гибель каждого жителя этих земель варвары расплачивались собственной кровью.

Давным-давно из глубоких пещер Айрон Кросса вырвались циклопы, одноглазые твари, жестокие и безжалостные. Они пронеслись по земле, сжигая и грабя, убивая любого, кто не успел сбежать до вторжения их полчищ. И тогда в Эриадоре поднялся предводитель одного из кланов, Брюс Макдональд — Объединитель, который сплотил мужчин и женщин всего острова и рассеял дикие орды свирепых циклопов. Легенды повествуют, что, когда западные поля очистились, сам Брюс Макдональд прорубил проход сквозь северные отроги Айрон Кросса, так что его армии смогли прорваться на восточные земли и сокрушить циклопов, не ожидавших нападения с той стороны.

И было это шесть столетий назад.

Из-за моря пришли армии Гаскони, обширного королевства, находящегося к югу от островов. И земли Эйвона покорились захватчикам, которые поспешно начали их освоение. Но никогда гасконцы не владели Эриадором. Огромные волны Дорсальского моря выбросили один флот на берег, разнеся в щепки деревянные корабли, а гигантские киты уничтожили другой. Сплотившись под лозунгом «Брюс Макдональд», вдохновляемый примером героя древности народ Эриадора бился за каждый дюйм своей драгоценной земли. И таким свирепым было их сопротивление, что захватчики не только отступили, но и построили стену, желая отгородиться от северных земель, которые Гасконь признала

¹ Дорсальское — от английского dorsal fin — спинной плавник.

неукротимыми.

И в конце концов неугасавшее сопротивление и угроза войны на юге заставили гасконцев отбыть восвояси. Их наследие отразилось на языке, религии и одежде народа Эйвона, но не в Эриадоре, не в неукротимых землях, где религия была старше самой Гаскони, а преданность ценилась выше самой жизни.

И было это три столетия назад.

А затем в Эйвоне, в Карлайле, на реке Страттон, объявился могучий король-чародей, который пожелал захватить все острова. Гринспэрроу — именовали его друзья и враги. Он был великим воином и мудрецом, но все силы свои он посвятил служению злу. И зло лежало в основе договора, который он заключил с Крезисом, правителем циклопов, даровав тому титул первого герцога и приведя воинственных одноглазых в свою армию. Гринспэрроу за две недели захватил Эйвон, сокрушив всех, кто осмелился оказать сопротивление, а затем обратил свой ненасытный взор на земли Эриадора. Сперва его воины добились не большего успеха, чем варвары, или гасконцы, или даже свирепые циклопы.

Но затем на Эриадор накатилась тьма, которую нельзя было поразить мечом, которую не могла одолеть никакая храбрость. Непобедимый прежде народ победила чума. Люди шептались, что наслал ее могучий чародей, король Гринспэрроу. И то сказать, никого в Эйвоне не поразило черное поветрие, а вот в свободном Эриадоре погибали двое из трех, а каждые двое из трех оставшихся в живых были слишком слабы, чтобы сражаться.

Вот так Гринспэрроу захватил власть, заключив соглашение, по которому к нему отходили все земли севернее Айрон Кросса. Земли эти стали восьмым его герцогством со столицей в Монфоре — городе, славящемся своими копьями и именовавшемся прежде Кэр Макдональд в честь Объединителя.

Мрачные времена настали в Эриадоре: волшебнорожденные отступили, а гномов обратили в унижительное рабство.

И было это двадцать лет назад.

Тогда родился Лютиен Бедвир.

Эта история о нем.

1. НАСЛЕДНИК БЕДВИРА

Этан Бедвир, старший сын и наследник эрла Бедвидринского, стоя на высоком балконе дворца в Дун Варне, наблюдал за двухмачтовым судном с черными парусами, лениво скользящим по спокойным водам гавани. Он нахмурил брови еще до того, как ожидаемый флаг — скрещенные открытые ладони над налитым кровью глазом — появился в поле зрения. Только корабли короля или варваров с северо-востока осмеливались открыто бороздить темные и холодные воды Дорсальского моря, называемого так из-за жутких черных плавников хищных китов, прожорливые стаи которых тут и там мелькали в воде, но даже варвары не рисковали плавать по одиночке.

Вскоре появился второй штандарт — мускулистая, согнутая в локте рука с зажатой в кулаке шахтерской киркой.

— Гости? — послышался вопрос из-за спины.

Этан не обернулся, узнав голос отца.

— Флаг герцога Монфорского, — презрительно кивнул он.

Гахриз Бедвир шагнул на балкон и остановился возле сына. Этан неприязненно поморщился, взглянув на него, даже сейчас казавшегося гордым и сильным, каким он некогда был на самом деле. Карие глаза Гахриза ярко сверкали в лучах восходящего солнца. Леденящий ветер с океана отбрасывал назад густую копну серебристо-седых волос. Покрасневшее морщинистое лицо покрылось загаром за бесконечные часы, проведенные на маленьком рыбацьем судне, бороздившем воды опасного Дорсальского моря. Гахриз был так же высок, как Этан, выше большинства мужчин на острове Бедвидрине, а они, в свою

очередь, превосходили ростом других мужчин в королевстве. Его плечи все еще были шире, чем талия, а руки стали жилистыми за годы юности, проведенной в беспрестанных трудах.

Но когда судно с черными парусами приблизилось к пристани, а островитяне, заслышав грубые крики звероподобных циклопов, принялись подобострастно приветствовать их, выражение глаз Гахриза перестало соответствовать его гордой осанке.

Этан вновь взглянул на гавань, избегая смотреть на униженного отца.

— Полагаю, это кузен герцога, — заметил Гахриз. — Я слышал, он отправился на отдых к северным островам. Ну что ж, мы должны позаботиться о достойной встрече и развлечениях для высокого гостя.

Гахриз повернулся, словно собираясь уходить, затем остановился, заметив, что упрямец Этан не разжал пальцы, намертво вцепившиеся в перила балкона.

— Ты собираешься сражаться на арене, дабы порадовать нашего гостя? — спросил он, уже зная ответ.

— Только если кузен герцога станет моим противником, — абсолютно серьезно ответил Этан. — И если бой будет насмерть.

— Ты должен научиться принимать существующий порядок вещей, упрекнул его Гахриз Бедвир.

Этан повернулся и гневно взглянул на отца. Подобный взгляд мог бросить сам Гахриз еще четверть века назад, до того как независимый Эриадор подпал под железное правление короля Эйвона Гринспэрроу. Старшему Бедвиру понадобилось какое-то время, чтобы взять себя в руки, напомнить себе обо всем, что рискует потерять он и его народ. Дело в том, что на Бедвидрине, как, впрочем, и на остальных островах, жизнь была не такой уж и плохой. Главным образом Гринспэрроу интересовался землями, лежащими к югу от гор, называемых Айрон Кросс. И хотя Моркней, герцог Монфорский, осуществлял жесткий контроль над Эриадором, он оставлял в покое островитян — до тех пор, пока получал свою десятину, а его посланцы встречали подобающий прием, когда бы они ни оказались на одном из островов.

— Наша жизнь не так плоха, — осторожно заметил Гахриз, пытаясь затушить опасный пыл чрезмерно порывистого сына. Эрл не слишком удивился бы, услышав, что Этан сегодня же напал на кузена герцога при свете дня, на глазах сотни свидетелей и пары десятков преторианских стражников.

— Только для того, кто довольствуется счастливой участью раба, — прорычал Этан все с той же яростью.

— Ты живешь прошлым, — еле слышно пробормотал Гахриз. Он знал, что Этан грезит днями полной независимости, когда Бедвидрин сражался против любого, пытавшегося объявить себя правителем. История острова наполнена рассказами о войнах — против конных варваров, орд циклопов, самозванных королей Эриадора, пытавшихся силой объединить земли, и даже против мощного гасконского флота, когда бескрайнее южное королевство попыталось завоевать все земли, лежавшие за холодными северными водами. Эйвон пал под натиском гасконцев, но негибимые воины Эриадора сделали жизнь захватчиков настолько печальной, что те вынуждены были построить стену, отгородившую северную провинцию, объявив эти земли слишком дикими для освоения. Долгое время бедвидринцы похвалялись тем, что ни один солдат, ступивший на остров, не остался в живых.

Но теперь лишь песни и сказания повествовали о героических деяниях предков, ставших древней историей. С тех пор сменилось семь поколений, и Гахриз Бедвир склонился под порывами недоброго ветра перемен.

— Я — бедвидринец, — тихо ответил Этан, словно эта фраза служила исчерпывающим объяснением.

— Вечный бунтарь! — резко бросил Гахриз. — Черт возьми, думай о последствиях своих действий! Твоя гордость недалновидна, более того, она просто губительна!

— Моя гордость свидетельствует о том, что я — достойный сын Бедвидрина, — прервал Этан, его карие глаза, свидетельство принадлежности к клану Бедвира, опасно

вспыхнули в лучах утреннего солнца.

Гневный прищур этих глаз удержал эрла от резкости.

— Что ж, по крайней мере, твой брат способен встретить наших гостей должным образом, — произнес Гахриз, сохраняя внешнее спокойствие, и отправился на поиски младшего сына.

Этан вновь посмотрел на гавань. Теперь корабль уже достиг причала, а плечистые одноглазые циклопы бросились пришвартовывать его, отталкивая прочь островитян, оказавшихся у них на пути, и даже тех, кто старался вовремя убраться с дороги. Эти грубияны были одеты не в серебристо-черную униформу преторианской гвардии, но носили мундиры личной охраны, положенной каждому аристократу. Даже у Гахриза имелась пара десятков таких солдат — дар герцога Монфорского.

С отвращением покачив головой, Этан перевел взгляд на тренировочную площадку, слева под балконом, где, как он знал, можно найти Лютиена, его единственного брата, пятнадцатую годами моложе. Лютиен почти всегда находился там, совершенствуя искусство боя на мечах и стрельбы из лука. Тренировки, вечные тренировки. Он был гордостью и радостью отца, и даже Этану приходилось признать, что вряд ли найдется в Эриадоре равный ему боец.

Этан моментально узнал брата по длинным волнистым волосам, таким же светлым, как у него самого, но с рыжеватым отливом. Даже на таком расстоянии широкогрудый и мускулистый, ростом в шесть футов и два дюйма Лютиен выглядел весьма внушительно. Благодаря частому пребыванию под открытым небом его кожа приобрела золотисто-коричневый цвет — большая редкость на этом острове, где дождь был гораздо более частым гостем, чем ласковое солнце.

Этан нахмурился, наблюдая за тем, с какой легкостью Лютиен расправился с последним противником. Затем юноша моментально развернулся и при помощи маневра, одновременно включавшего в себя толчок, вращение и удар ногой, поверг на землю нападавшего, бросившегося на него со спины, надеясь застать отважного бойца врасплох.

Воины, наблюдавшие за схваткой на тренировочном дворе, разразились возгласами одобрения, а Лютиен, согласно правилам хорошего тона, принятым на арене, прервал схватку и поклонился.

Да, Этан знал, что брат примет их «гостей» подобающим образом, и такая мысль вызвала раздражение у этого гордого человека. Однако он на самом деле не винил юношу: его брат был молод и несведущ. В свои двадцать лет Лютиен никогда не знал истинной свободы, не помнил Гахриза до возвышения короля-колдуна Гринспэрроу.

Гахриз вышел на тренировочный двор и жестом велел Лютиену присоединиться к нему. Улыбаясь и кивая, эрл указывал на пристань. Младший сын ответил, широко улыбаясь, затем побежал прочь, на ходу растирая полотенцем тугие мускулы: добродушен, открыт, всегда готов доставить удовольствие близким людям.

— Жаль мне тебя, любезный братец, — прошептал Этан.

Он искренне сочувствовал юноше, прекрасно понимая, что однажды Лютиен лицом к лицу столкнется с правдой о положении их народа и малодушием отца.

Крик в доках привлек внимание Этана, и он взглянул в том направлении как раз вовремя, чтобы увидеть, как одноглазый стражник сшиб с ног рыбака-островитянина. Два других циклопа присоединились к своему товарищу, и все трое принялись пинать и лупить несчастного рыбака, пока, наконец, тому не удалось ускользнуть прочь. Смеясь, все трое вернулись к своим обязанностям по швартовке проклятого судна.

Этан видел достаточно. Он бросился прочь с балкона, почти налетев на двух одноглазых солдат своего отца, проходивших мимо.

— Наследник Бедвира, — обнажив в улыбке желтые зубы, приветствовал его один из них.

От Этана не ускользнул снисходительный тон грубияна. Да, он действительно был наследником Бедвира, но титулы ничего не значили для циклопов, служивших на самом деле

только королю Эйвона и его герцогам-колдунам. Эти охранники, этот «дар» герцога Монфорского, являлись самыми обыкновенными соглядатаями, Этан знал об этом так же хорошо, как и прочие жители Эриадора. Однако никто в Бедвидрине не решался признать сей факт.

— В обход, который вы обязаны делать, входят личные покои семьи правителя? — резко бросил Этан, радуясь возможности сорвать накопившуюся злость.

— Мы только шли оповестить вельмож о том, что прибыл кузен герцога Монфорского, — ответил другой стражник.

Этан смерил жуткое создание долгим взглядом. Циклопы не отличались высоким ростом, но были много толще большинства людей — вес даже самого маленького представителя племени достигал двухсот фунтов, в то время как вес самых крупных переваливал за триста. Их лбы, скрывавшиеся под копной густых, жестких как проволока волос, обычно скашивались к кустистой брови над единственным, налитым кровью глазом. Носы были плоскими и широкими, губы почти отсутствовали, оставляя на всеобщем обозрении желтые звериные клыки. И ни одного циклопа нельзя было обвинить в наличии подбородка.

— Гахриз знает о прибытии, — мрачно, почти с угрозой ответил Этан. Два циклопа переглянулись, нагло ухмыляясь, но их ухмылки исчезли, когда они вновь взглянули на кипевшего от ярости Этана, чья рука опустилась на рукоятку меча. Два юноши, слуги знатной семьи, проходившие через зал, наблюдали за неожиданной стычкой с более чем откровенным интересом.

— Странно, что наследник знатного имени не осмеливается снять меч даже в собственных покоях, — заметил один из циклопов.

— Всего лишь разумная предосторожность, когда поблизости болтаются вонючие одноглазые, — громко ответил Этан, приободренный появлением свидетелей-людей. Он настолько разозлился, что уже окончательно перестал контролировать свои речи и поступки.

— И больше ни слова, — резко скомандовал Этан. — Ваше зловонное дыхание невыносимо.

Обмен яростными взглядами усилился, но Этан не испугался. В конце концов, он был сыном эрла, и циклопы обязаны как минимум изображать почтение и покорность. Оба солдата развернулись и потопали прочь.

Этан посмотрел вслед юношам, торопливо направившимся прочь, — они откровенно хихикали.

«Вот она, молодежь Бедвидрина, — подумал будущий правитель. — Молодежь гордой расы».

Этан черпал некоторое утешение и надежду в их явном одобрении. Именно так, по их мнению, и следовало держаться с кошмарными циклопами. Возможно, грядущие времена сулят перемены к лучшему.

Но вне зависимости от надежды, которую он ощутил, Этан знал, что дал отцу новый повод для упреков.

2. ПРИЕЗЖИЕ ВЕЛЬМОЖИ И ИХ ДАМЫ

Воин-циклоп со щитом, на котором была изображена эмблема Монфора — согнутая рука с киркой, — вошел в парадный зал дома Гахриза Бедвира. Всю обстановку огромного прямоугольного помещения составляли несколько удобных кресел и огромный камин.

— Виконт Обри, — начал одноглазый герольд, — кузен Моркнея, герцога Монфорского, шестого из восьми, четвертый в роду...

Официальное представление заняло немало времени, циклоп не упустил ни одной, даже самой малозначимой детали при описании родословной и собственности виконта, его подвигов (изрядно преувеличенных и вовсе не казавшихся столь грандиозными Гахризу, который провел шестьдесят лет в суровых землях Бедвидрина), а также его великодушия и

героизма.

«Виконт, — усмехнулся эрл про себя. — Да у нас на острове каждый четвертый имеет право на титул если не виконта, то хотя бы барона».

— И его благородный друг, барон Вилмон, — продолжал циклоп, и Гахриз глубоко вздохнул, последняя фраза слишком хорошо подтверждала его мысли. К счастью, перечисление заслуг и достоинств барона Вилмона оказалось отнюдь не таким длинным, как у Обри, что же касается женщин, сопровождавших вельмож, — циклоп просто представил их как леди, Элению и Авонеза.

— Эллен и Эйвон, — еле слышно пробормотал Гахриз, осознав уровень претенциозности, обуявшей традиционно простых и скромных обитателей острова.

Виконт и его свита торжественно прошествовали в зал. Обри холеный, с седеющими волосами мужчина лет сорока пяти окинул присутствующих мимолетным взглядом, в котором явственно читалось презрение. Вилмон — щеголеватый и напыщенный молодой человек лет двадцати пяти — с любопытством оглядывался вокруг. Оба носили оружие воинов, мечи и кортики, но Гахриз, пожимавший руки приезжим вельможам, не смог нащупать мозолей, обычных для бывалых воинов, да и само пожатие не свидетельствовало о привычке к тяжелому мечу. Леди были еще хуже — не в меру накрашенные и надушенные создания с соблазнительными формами, туго затянутые в шелка и обвешанные драгоценностями, гремевшими и звеневшими при каждом кокетливом движении. Авонезе не меньше пятидесяти, как знал Гахриз, и никакие притирания и краски в мире не способны скрыть неумолимое воздействие природы.

Хотя она старалась (да как упорно!), но вид ее, по мнению Гахриза, оставался весьма жалким.

— Виконт Обри, — вежливо, с широкой улыбкой произнес он. — Это действительно большая честь — принимать одного из тех, кто удостоился доверия нашего уважаемого герцога.

— Действительно, — отозвался Обри, выглядевший изрядно скучающим.

— Могу я осведомиться, что привело столь неожиданных гостей так далеко на север?

— Нет, — довольно резко начал Обри, но Авонеза, отпустив его руку, чтобы немедленно вцепиться в руку эрла, не позволила ему закончить фразу.

— Мы отдыхаем, конечно! — проворковала она и дохнула на Гахриза винным перегаром.

— Сейчас мы прибыли с острова Марвис, — добавила Эления. — Нам говорили, что никто в северных землях не может организовать пир так, как эрл Марвиса, и мы не были разочарованы.

— У них такие прекрасные вина! — добавила Авонеза.

Обмен любезностями, казалось, утомил Обри так же, как и Гахриза, однако Вилмон был слишком занят неподатливой заусеницей, чтобы заметить что-либо.

— Эрл Марвиса действительно заслужил репутацию прекрасного хозяина, — искренне заметил Гахриз, поскольку Брюс Даргесс был его добрым другом, товарищем по несчастью в темные времена правления короля-колдуна.

— Вполне приличного, — поправил Обри. — И я полагаю, что вы также порадуете нас знаменитым луковым супом и, возможно, столь же изысканной ногой барашка.

Гахриз не знал, как ответить на откровенную издевку. Оба блюда, вместе с разнообразными видами рыбы, действительно были основными продуктами острова.

— Я ненавижу луковый суп, — продолжал Обри. — Но на борту нашего судна достаточно провизии, а мы не собираемся задерживаться надолго.

Гахриз выглядел смущенным, и это искреннее выражение хорошо скрывало неожиданное чувство облегчения.

— Но я думал... — начал было эрл, пытаясь продемонстрировать искреннее огорчение.

— Я опаздываю на встречу с Моркнеем, — величественно пояснил Обри. — Я вообще собирался миновать этот мрачный островок, но арена эрла Марвиса показалась мне

достаточно занимательной. Я слышал, что островитяне известны как одни из лучших воинов Эриадора, но должен сказать, что полуискалеченный гном из самых глубоких рудников Монфора с легкостью одолеет любого из бойцов, которых мы видели на острове Марвис.

Гахриз промолчал, но подумал про себя, что описание Обри Бедвидрина как «мрачного островка» в прошлые времена стоило бы неосторожному гостю языка.

— ...Я надеюсь, что ваши воины продемонстрируют лучшее искусство, — закончил Обри.

Авонеза крепко вцепилась в руку Гахриза, с откровенным одобрением ощупывая тугие мускулы.

— Воины всегда так возбуждают меня, — прошептала она на ухо эрла.

Гахриз не ожидал утреннего сражения на арене, но был бы рад отделаться только этим. Хотелось верить, что виконт удовлетворится зрелищем и сразу отбудет, избавив таким образом Гахриза от проблем с организацией обеда — будь это барашек или луковый суп!

— Я лично присмотрю за приготовлениями, — обратился Гахриз к Обри, осторожно освобождаясь от цепкой хватки Авонезы, чьи острые ногти он ощущал на протяжении всего разговора. — Слуги покажут вам покои, в которых вы можете отдохнуть после долгой дороги. Я вернусь через несколько минут.

С этими словами он удалился по каменному коридору своего огромного дома. Вскоре он наткнулся на Лютиена, успевшего вымыться и переодеться.

— Вернемся во двор, — сказал Гахриз, к удивлению сына. — Они приехали только затем, чтобы полюбоваться на добрый бой.

— И я буду сражаться?

— А кто же еще сделает это лучше? — спросил Гахриз, грубовато прихватив Лютиена за плечо и быстро увлекая за собой. — Подготовь пару схваток, перед тем как наступит твоя очередь, и как минимум по одному циклопу в каждой. — Гахриз помедлил, нахмутив брови. — Кого лучше всего назначить твоим противником? — спросил он.

— Этана, разумеется, — без колебаний ответил Лютиен, но Гахриз отрицательно покачал головой. Этан вообще не стал бы выходить на арену, и уж конечно не для того, чтобы развлечь приезжих вельмож.

— Тогда Гарт Рогар, — сказал Лютиен, имея в виду воина-варвара, отличавшегося гигантским ростом и столь же впечатляющей силой. — В последний раз он был в прекрасной форме.

— Но ты одолеешь его?

Вопрос, казалось, задел гордость юного воителя.

— Конечно, одолеешь, — ответил Гахриз на свой собственный вопрос, сделав вид, что ему самому он показался абсурдным. — Умоляю, покажи достойную битву. Важно, чтобы Бедвидрин и ты, мой сын, высоко поднялись в глазах герцога Монфорского.

Тут Гахриз остановился, и Лютиен умчался прочь, до краев переполненный оказанным доверием и горя желанием доставить удовольствие и отцу, и приезжим вельможам.

* * *

— До чего же стыдно будет Лютиену, когда он опозорится перед собственным отцом и его почтенными гостями! — проревел мужчина огромного роста под одобрительный хохот прочих бойцов.

Они сидели в низком и пропахшем потом помещении возле входа в туннель, ведущий на арену, проверяя оружие в ожидании своей очереди.

— Стыдно? — откликнулся юный Бедвир, словно бы в самом деле потрясенный. — Что постыдного в победе, Гарт Рогар?

Комнату потряс общий громовой хохот.

Огромный Рогар, почти на фут превышавший Лютиеновы шесть футов и два дюйма, чьи руки были толще, чем ноги юноши, неторопливо поднялся. Ему потребовалось всего два

шага, чтобы дойти до все еще сидящего юного Бедвира, а тому пришлось закинуть голову, чтобы посмотреть варвару в глаза.

— Ты запомнишь этот день, — пообещал гигант. Он начал медленно разворачиваться, не сводя хмурого взгляда с юного Бедвира. В помещении воцарилось напряженное молчание.

Лютиен ухмыльнулся и плашмя шлепнул Гарта Рогара по заду мечом. Все воины разразились громким хохотом, к которому присоединился и сам Гарт. Огромный северянин развернулся и сделал шутливый выпад в сторону Лютиена, но меч юноши мгновенно взметнулся и отбил удар гиганта.

Все они были друзьями, эти юные воины, за исключением нескольких циклопов, сидевших в дальнем углу и неприязненно наблюдавших за игрой. Только Гарт Рогар вырос не в Бедвидрине. Его принесло в гавань Дун Варны на обломках потерпевшего крушение корабля четыре года назад. Юношу, почти подростка, подобрали островитяне и вывели. Сейчас, как и прочая молодежь Бедвидрина, он учился сражаться. Для юных шалопаев все это было игрой, но игрой смертельно серьезной. Даже в мирные времена, а иных они пока не знали, на дорогах частенько бесчинствовали бандиты, да и чудовища нет-нет да и выбирались из Дорсала.

— Я сегодня разрежу тебе губу, — сказал Гарт Лютиену. — И ты уже никогда больше не поцелуешь Кэтрин О'Хейл.

Весельчаки притихли — Кэтрин была не из тех, кого можно оскорблять безнаказанно. Родом из противоположной части Бедвидрина, она выросла среди рыбаков, которые не боялись плавать по гораздо более опасным водам открытого Эйвонского моря. Клан Хейлов славился своей отвагой и твердостью, а Кэтрин считалась лучшей среди них. Кожаный снаряд пронесся через комнату и ударился о спину варвара. Гарт Рогар обернулся и увидел Кэтрин, стоявшую в дверях, положив сильную руку на рукоятку меча, острие которого упиралось в каменный пол.

— Если ты позволишь себе еще раз высказаться в том же роде, я отрежу кое-что у тебя, — мрачно пообещала разгневанная рыжеволосая девушка, и ее зеленые глаза засверкали опасным огнем. — И меньше всего тогда тебя будут волновать поцелуи.

Вновь раздался взрыв хохота, и Гарт Рогар, красный от стыда, понял, что ему не выйти победителем из этой словесной баталии. Он поднял руки в знак поражения и, вернувшись на скамью, вновь занялся подготовкой своего снаряжения.

Во время тренировочных боев на арене юные воины пользовались настоящим, но специально затупленным оружием с укороченными концами. Им можно было колоть, но почти невозможно поразить насмерть. По крайней мере, обычно этого не случалось. Несколько воинов встретили свой смертный час на арене, но за последнее десятилетие никто не погиб. Воинские игры были древней и незыблемой традицией Бедвидрина, да и всего Эриадора. Пользы от них было значительно больше, чем возможного вреда. Шрамы, которые юноши и девушки получали на арене за годы тренировок, учили их с уважением относиться к оружию и противникам и позволяли глубже понять тех, с кем им предстоит сражаться бок о бок в случае беды. Обязательными считались три года тренировок, но многие оставались на четвертый, а некоторые, подобно Лютиену, видели в тренировках смысл всей жизни.

Он выходил на арену, быть может, сотню раз, справляясь с каждым противником, кроме самого первого — своего брата Этана. Эти двое так и не успели сравняться, поскольку вскоре Этан покинул арену, и хотя Лютиен мечтал вновь испытать мастерство на своем безусловно талантливом братце, он не позволял глупой гордости отравлять истинное уважение и любовь к Этану. Сейчас Лютиен считался лучшим в группе. Кэтрин О'Хейл была быстрой и ловкой, как кошка, циклоп Букво отличался необыкновенной выносливостью, а Гарт Рогар значительно превосходил силой всех обычных людей. Лютиен же был лучшим: стремительный, сильный и ловкий юноша в мгновение ока мог нанести или парировать любой удар. Он научился превозмогать боль, и все равно шрамов на нем было меньше, чем на прочих, кроме самых свежих новичков.

Его считали совершенным бойцом, ярким светом стареющих очей своего отца, и

потому младший Бедвир был полон решимости вызвать улыбку на лице человека, который так редко улыбался.

Он провел точильным камнем по лезвию своего прекрасного меча, снимая небольшую зазубрину, а после подержал оружие перед собой на весу, чтобы проверить его балансировку. Лютиен никогда не позволял случайной небрежности повлиять на исход поединка.

Первая схватка, в которой два циклопа лупили друг друга легкими дубинками по плечам и головам, уже началась, когда Гахриз провел четырех гостей к скамьям для почетных зрителей на переднем балконе, прямо напротив туннеля, ведущего на круглую площадку арены. Сам он сел в середине и тут же оказался между Эленией и Авонезой, крепко вцепившихся в него, в то время как их знатные спутники разместились по краям. К большому раздражению эрла, три циклопа из персональной гвардии Обри встали прямо за спинами аристократов. Один из них сжимал арбалет, как заметил Гахриз, что показалось ему весьма необычным. Одноглазые, они не могли толком оценить расстояние, а потому плохо управлялись с метательным оружием. Этот, казалось, весьма неплохо владел арбалетом, и Гахриз заметил, что его оружие снабжено любопытным приспособлением — установленными под углом друг против друга зеркальцами поверх ствола.

Гахриз вздохнул, заметив, что только горсточка островитян собралась, желая полюбоваться сражением. Он надеялся на рукоплещущую толпу и сожалел, что ему не дали времени собрать ее.

Но Обри явно проявлял нетерпение. Виконт находился здесь только затем, чтобы его докучливая спутница Авонеза прекратила свои постоянные придирки.

— Циклопы? — ныла женщина. — Если бы я хотела взглянуть на свару циклопов, то могла просто швырнуть им кусок сырого мяса в замке Монфор!

Гахриз поморщился — это не предвещало ничего хорошего.

— Действительно, вы могли бы продемонстрировать что-нибудь поинтереснее, чем два циклопа, которые молотят друг друга, эрл Бедвир, — согласился Обри, и взгляд его, устремленный на Гахриза, был одновременно просящим и угрожающим. — Кузен Моркней, герцог Монфорский, будет весьма разочарован, узнав, что мое путешествие на ваш остров не было приятным.

— Это не главное представление, — попытался объяснить Гахриз, но его слова заглушил хор возмущенных выкриков.

В конце концов эрл сдался. Он подал знак распорядителю арены, из боковых помещений появились всадники, прервав схватку и приказав циклопам вернуться в туннель. Одноглазые традиционно поклонились ложе эрла и удалились, немедленно продолжив драку еще до того, как скрылись из глаз.

Следующий бой происходил между рыжеволосой Кэтрин и юной девушкой с другого конца острова, новичком на арене, но отличавшейся многообещающей скоростью и ловкостью. Стоило им выйти из туннеля, как Эления и Авонеза разразились криками протеста.

Гахриз молча ругал себя за то, что не предусмотрел подобной ситуации. Обе юные воительницы были непростительно красивыми, полными жизни и здоровья. К тому же их воинские одежды, обрезанные так, чтобы не затруднять движений, нельзя было назвать скромными, а по лицам Обри и Вилмона было видно, что им слишком долго пришлось довольствоваться обществом двух размалеванных «прелестниц».

— Это не годится! — кричала Авонеза.

— Я так хочу увидеть потеющую мужскую плоть! — мурлыкала Эления, и ее длинные ногти оставляли кровавые бороздки на руках Вилмона.

Гахриз не знал, предвкушал ли барон, какое действие произведет вид мужского тела на его страстную спутницу, или он просто боялся Элении, желавшей, чтобы перешли к следующей схватке.

— У нас мало времени, — резко заметил Обри. — Я хочу увидеть схватку,

единственную схватку между лучшими воинами, которых может представить Бедвидрин. Мне казалось, что эрл острова в состоянии понять поставленную перед ним задачу.

Гахриз по-настоящему содрогнулся, и ему пришлось по капле собирать силы, чтобы удержаться и не задушить тощего Обри. Но он невозмутимо кивнул и подал еще один сигнал распорядителю арены, сообщая, что настала очередь Лютиена и Гарта Рогара.

В нескольких шагах от ложи эрла Этан мрачно наблюдал за униженным отцом и напыщенными гостями.

Обе женщины одновременно застонали, когда Лютиен и Гарт плечом к плечу вышли из туннеля, одетые лишь в сандалии, кольчужные рукавицы, набедренные повязки, воротники и нагрудники, защищавшие жизненно важные органы.

— Бывают ли мужчины огромнее? — ахнула Эления, которую явно впечатлил светловолосый варвар.

— Бывают ли мужчины привлекательнее? — вторила ей Авонеза, бросая на спутницу сердитые взгляды. Затем она внимательно посмотрела на Гахриза и вновь, заинтригованная, перевела взгляд на Лютиена.

— Мой сын, — с гордостью объяснил эрл. — Лютиен Бедвир. А гигант — это хьюгот, которого еще мальчиком выбросило на наш берег, он действительно великолепный боец. Вы не будете разочарованы, виконт.

Очевидно, Авонеза и Эления тоже не собирались оспаривать последнее утверждение. Они продолжали отпускать весьма откровенные замечания по поводу стати и силы обоих юношей, и каждая отстаивала преимущества своего избранника.

— Варвар сокрушит его, — заметила Эления.

— Эти глаза слишком мудры, чтобы попасться в примитивные сети дикаря, — возразила Авонеза. Внезапно она вскочила с места, шагнула к перилам и бросила на арену прекрасный батистовый платок.

— Лютиен Бедвир! — крикнула она. — Ты будешь сражаться за меня. Бейся достойно, и ты почувствуешь вкус награды!

Гахриз, ошеломленный грубым натиском дамы, взглянул на виконта, опасаясь, что тот кипит от ярости. Однако эрлу показалось, что Обри почувствовал скорее облегчение, нежели гнев.

Эления, не желая отставать от соседки, также наклонилась с балкона и бросила свой платок, призвав хьюгота подойти и принять знак того, что он сражается за нее.

Лютиен и Гарт Рогар, вежливо поклонившись дамам, приняли их знаки милости и каждый заткнул платок себе за пояс.

— Не беспокойтесь, он даже не испачкается, — хвастливо сказал Лютиен Авонезе.

— Кровью — да, но не грязью, — согласился Гарт, поворачиваясь в сторону хихикающей Элении.

Лютиен в последний раз поклонился госте и торопливо последовал за противником, направившимся к центру арены, оба надели шлемы.

— Итак, ставки стали выше, — заметил юный Бедвир.

Гарт Рогар усмехнулся:

— Не стоит думать об удовольствиях перед боем, — заметил он, и как только распорядитель хлопнул в ладоши, подавая знак к началу схватки, варвар рванулся вперед, нацелив длинное копьё в живот Лютиена в расчете на быструю победу.

Дерзкая атака застала Лютиена врасплох. Он упал на бок и откатился в сторону, но все же получил жалающий укол в бедро.

Гарт Рогар отступил назад и торжествующе вскинул руки.

— Вот он и запачкался! — крикнул варвар, указывая на платок Авонезы.

Эления закричала от восторга, не обращая внимания на злобный взгляд, который метнула на нее Авонеза.

Теперь Лютиен пошел в атаку, прорываясь вперед, пригибаясь так низко, что мог использовать левую руку в качестве третьей точки опоры. Его меч метнулся к ногам Гарта,

но варвар проворно отскочил. Лютиен прекрасно понимал, что если он ослабит натиск, то противник, возвышавшийся над ним, обязательно втопчет его в грязь.

Меч юноши мелькал с непостижимой скоростью, заставляя противника раз за разом отпрыгивать. В конце концов Гарт Рогар был вынужден направить копьё прямо вниз, чтобы парировать удар по коленям. Лютиен стремительно вскочил, и хотя юный воин не имел возможности развернуть меч, он резко двинул вперед щит, ударив варвара по лицу и груди.

Гарт Рогар отшатнулся, из его носа и уголков рта потекли струйки крови. Но варвар лишь добродушно улыбнулся.

— Прекрасно проделано! — поздравил он.

Пока Лютиен отдавал традиционный поклон, хьюгот взревел и, воспользовавшись удобным моментом, снова ринулся в бой.

Лютиен был, однако, готов к очевидной атаке, и его меч молниеносно отбил копьё в сторону. Ловкий боец бросился вперед и вновь ударил по мощной груди Гарта Рогара — на этот раз лишь вскользь.

Варвар, однако, мгновенно перешел в атаку: он обхватил свободной рукой противника и резко ударил его коленом в бедро. Юноша пошатнулся, и Гарт Рогар мог бы одолеть его, но младший Бедвир успел набраться опыта в подобных схватках. Он полоснул противника по коленям и остановил стремительную атаку гиганта.

Противники вновь выпрямились и бросились вперед. Молодые люди питали друг к другу искреннюю привязанность, но здесь, на арене, ни один не желал уступить, сражаясь из гордости и любви к состязаниям. Меч и копьё скрещивались и расходились, метнувшийся вперед щит Лютиена был остановлен стремительным и мощным кулаком Рогара.

Гахриз никогда не видел своего сына и особенно Гарта Рогара, сражающихся так самозабвенно, и он явно лопался от гордости, поскольку и Вилмон, и Обри были полностью захвачены происходящим, встречая громкими криками каждый искусный удар, парированный в последнюю секунду. Но крики мужчин не могли сравниться с дикими воплями Элени и Авонезы, подбадривавшими каждую своего бойца. Обе они были не очень хорошо знакомы с правилами боя и много раз считали его законченным, полагая, что один из соперников получил неоспоримое преимущество.

Но оба воина не зря проводили долгие часы на тренировочной площадке, они были действительно достойными противниками. Молодые люди всегда успевали вовремя поставить защиту, постоянно находились в равновесии.

Гарт Рогар замахнулся копьём, но когда Лютиен парировал мечом, варвар неожиданно направил оружие вверх, прихватив с собой и меч противника. Гарт рванулся вперед и ударил Лютиена ногой в живот, от чего тот согнулся пополам.

Лютиен едва успел вскинуть щит, остановив тупой конец копья, направленный ему в голову, но затем получил новый удар ногой, на этот раз в бедро, и отступил.

— Прекрасно! — закричала Элени, и только тогда Гахриз заметил испепеляющие взгляды, которые Авонеза бросала на более молодую женщину. Он начал понимать, что называют серьезные проблемы.

Почувствовав преимущество, Гарт Рогар, взревев, обрушился на задыхающегося противника.

Лютиен отбил щитом копьё Гарта высоко вверх, поднырнул под него и обрушил стремительный меч на правую руку варвара. Стальная рукавица сохранила Гарту Рогару пальцы, но он взвыл от боли и на некоторое время потерял возможность действовать этой рукой.

Теперь Лютиен перешел в атаку, держа щит так, что Гарт не мог развернуть копьё и отразить выпад. Сильный удар меча сбоку пришелся по кожаному нагруднику варвара. Гарт Рогар сморщился от боли, но не утратил бдительности, и когда Лютиен попытался нанести второй удар, Гарт отбил его кулаком.

Лютиен снова пошел в атаку, однако, когда Гарт качнулся ему навстречу, резко остановился и упал на спину. Не ожидавший этого варвар потерял равновесие и начал падать

на противника, тогда Лютиен уперся ногами ему в живот.

— Отправь его полетать! — закричала Авонеза, и Лютиен сделал именно это, оттолкнув Гарта обеими ногами так, что тот перевернулся в воздухе и грохнулся на спину.

Противники моментально вскочили, так и не выпустив оружие из рук, глядя друг на друга с искренним уважением. Они утомились и покрылись ссадинами, и оба прекрасно знали, что на следующий день ослабеют от ран, но что значили подобные мелочи по сравнению с азартом схватки!

Теперь, сбоку от Гахриза, глаза Элении метали молнии.

— Расправься с ним! — закричала она Гарту Рогару так громко, что заглушила на мгновение все остальные вопли вокруг арены, и все присутствующие, включая Лютиена и Гарта Рогара, посмотрели на нее.

— Похоже, ты приобрел подружку, — заметил юный Бедвир.

Гарт Рогар громко расхохотался.

— Я постараюсь не разочаровать ее! — внезапно взревел он и взмахнул своим оружием, но неожиданно остановил занесенную руку, и тупой конец копья громко зазвенел о щит Лютиена. Юноша ответил прямым ударом, но варвар был вне пределов досягаемости. Второй удар копья пришелся над щитом Лютиена, едва не выбив ему глаз, скользнул по шлему, когда тот наклонился, следующий удар тупым концом копья пришелся Лютиену по спине.

Удар оказался весьма болезненным, но Лютиен проигнорировал его, понимая, что должен пойти в наступление, если не хочет погибнуть под мощным натиском противника. Он поднырнул под копье, развернулся и оказался прямо под замахнувшейся рукой Гарта. Край щита Лютиена ударил в подмышку гиганта, заставив его покачнуться. Вновь Гарт Рогар поймал меч Лютиена рукой, но ноги его запутались. Когда Лютиен неожиданно рванул щитом вверх, широко расставив руки и ноги, копье варвара отлетело прочь, и сам Рогар тяжело рухнул на землю.

— Сделай его! Сделай его! — кричала Авонеза.

— Сражайся, олух! — вопила Эления.

Лютиен едва успел принять боевую стойку, когда Гарт Рогар вскочил. Юноша полагал, что Рогар хочет поднять упавшее копье — и собирался позволить достойному противнику сделать это, — но Рогар, в котором взыграла свирепая кровь варваров, неожиданно обрушился на противника. Застигнутый врасплох Лютиен поднял щит, и его рука онемела от сокрушительного удара кулаком.

Бедвир отступил на шаг назад, в изумлении глядя на упавший с руки щит с лопнувшим ремешком. Он едва увернулся от второго удара, который мог поразить хуже любого копья, и отпрыгнул от третьего, швырнув разбитый щит в наседающего противника.

Гарт Рогар отбил щит в сторону и ринулся вперед, замедлив движение только для того, чтобы избежать короткого выпада меча Лютиена. Второй выпад заставил его уклониться. Лютиен был к этому готов, его левая рука обрушилась на переносицу варвара, и так уже сломанную.

Гарт Рогар помотал головой, чтобы исчезли круги перед глазами, и попытался изобразить улыбку.

— Ты сдаешься? — вежливо спросил Лютиен, и тут же они услышали протестующие крики Элении и победные восклицания Авонезы.

Как и следовало ожидать, Гарт Рогар бросился в атаку. В последний момент Лютиен метнул свой меч вверх, прямо в лицо варвару. Гарт увернулся и резко остановился, наравшись на встречный удар обеими руками, который мог бы свалить небольшого быка.

Лютиен поймал меч левой рукой и направил его Гарту в горло, чтобы заставить того сдаться. Разъяренный варвар поймал меч за лезвие, отшвырнул в сторону и схватил Лютиена за предплечье.

— Отруби ему руку! — кричала Эления. Авонеза перегнулась через колени Гахриза и злобно на нее зашипела.

Мышцы Лютиена напряглись, когда он сцепился с более крупным и сильным противником.

Вилмон и Обри были слегка раздражены вздохами их спутниц, явно замороженных зрелищем.

Лютиен хорошо держался против Рогара, но знал, что немалый вес противника скоро возьмет над ним верх. Он изо всех сил толкнул его вперед, затем резко отступил назад, сумев освободить левую руку, правую с мечом Гарт крепко держал. Не обращая внимания на удары в лицо, варвар нагнулся и схватил противника за промежность. Мгновение спустя юный Бедвир беспомощно болтался в воздухе, под углом, не позволяющим толком ударить, а его правая рука так и оставалась в неослабевающих тисках.

Лютиен боднул противника в лицо. Оглушенный, Гарт Рогар отшвырнул его футов на десять и попытался удержаться на ногах. Весь мир вращался перед глазами варвара.

Лютиен поднялся с земли и осторожно отступил назад, следя за тем, чтобы между ним и противником, отчаянно размахивавшим вслепую руками, оставалось свободное пространство. Силы юноши были на пределе, и он опасался, что единственный удар может свалить его на землю.

Лютиен размахивал мечом, медленно приближаясь, вынуждая мучимого головокружением варвара следить за угрожающими движениями. Выпады были ложными — Гарт Рогар знал об этом, — но таким же был и последовавший удар правой. Лютиен не довел его до конца и упал на землю, его ноги метнулись вперед и ударили варвара по коленям. Хьюгот тяжело рухнул на землю и захрипел.

Лютиен, гибкий как кошка, вскочил на ноги, но Гарт не нашел в себе сил подняться. Лютиен поставил ногу на грудь поверженного противника, а острое его меча нацелилось в переносицу Гарта Рогара, как раз между помутневшими глазами варвара.

Вопли Элени и Авонезы звучали на удивление одинаково, но чувства, вызвавшие их, естественно, были прямо противоположными.

Гахриз остался доволен выражением изумления, даже восхищения, промелькнувшим на лице Обри, но улыбка эрла исчезла, когда Авонеза вновь перегнулась через его колени, глядя на надувшуюся Элению глазами, сверкавшими от злобы.

— Прошу опустить палец вниз, эрл Бедвир, — промурлыкала она.

Гахриз чуть не задохнулся. Палец, опущенный вниз, означал, что победитель обязан прикончить проигравшего соперника. Это противоречило обычаям островитян: они сражались исключительно ради тренировки и демонстрации боевого искусства!

Эления завизжала от ярости, что только подхлестнуло жестокою Авонезу.

— Палец вниз, — вновь сказала она, медленно, не сводя глаз с протестующей Элени. Авонеза прекрасно понимала, о чем мечтала спутница, глядя на могучего варвара, и ей очень нравилась идея отнять игрушку у более юной соперницы.

— Ваш сын — мой боец, он носит данный мною талисман, и, следовательно, я получила право решить исход сражения.

— Но... — заикаясь, пробормотал Гахриз, пытаясь выпутаться из положения, когда Обри положил ему руку на плечо.

— Согласно старым традициям, это ее право, — заметил виконт, не решаясь вызвать недовольство своей порочной спутницы.

— Гарт Рогар отважно сражался, — возразил хозяин.

— Палец вниз, — с расстановкой произнесла Авонеза, выделяя каждое слово и глядя прямо в карие глаза Гахриза.

Бедвир растерянно оглянулся и заметил решительный кивок виконта. Он торопливо попытался взвесить последствия своих действий. Требование Авонезы было достаточно справедливым, согласно древним правилам. Ведь Лютиен опрометчиво согласился стать ее бойцом, так что женщина получила право решить судьбу поверженного воина. Отвергнув ее притязания, Гахриз может ожидать серьезных неприятностей из Монфора, возможно даже вторжения флота, который отберет его владения. Моркней постоянно искал причины

сместить правителей островов, вызывавших столько проблем.

Гахриз осторожно отстранил Авонезу и посмотрел на арену, где Лютиен все еще стоял над поверженным противником, ожидая сигнала к окончанию боя и аплодисментов, которых они с Гартм Рогаром заслужили. К огромному изумлению Лютиена, его отец протянул руку, опустив палец вниз.

Юноша застыл от изумления, не реагируя на вопли Авонезы, требующей, чтобы он выполнил приказ. Лютиен опустил глаза на друга: в его голове не укладывалось, что он должен убить человека.

— Эрл Гахриз, — с возросшим нетерпением воскликнул Обри.

Правитель окликнул распорядителя арены, но тот застыл так же неподвижно, как и Лютиен.

— Ну же! — воскликнула Авонеза, чья жестокая улыбка сейчас напоминала оскал хищного зверя. — Обри?

Виконт щелкнул пальцами одному из циклопов, стоящих позади, тому самому стражнику с необычным арбалетом.

К этому моменту Лютиен отступил назад и протянул другу руку. Гарт Рогар дотянулся до нее, схватился и начал подниматься, но тут послышался щелчок тетивы арбалета. Варвар неожиданно дернулся и тяжело обвис на руке юноши.

Сперва Лютиен не понял, что произошло. Затем хватка Гарта Рогара ослабла, и время, казалось, почти остановилось — гордый варвар медленно осел на арену.

3. ПРОЩАЙ, БРАТ

Лютиен в шоке уставился на Гарта Рогара. Обрамленное светлыми волосами, грубоватое, покрытое ссадинами лицо оставалось удивленным даже после смерти, или, возможно, именно благодаря ей.

— Улетай, Смерть! — взвыл Лютиен, отбрасывая в сторону меч и бросаясь на колени возле друга.

— Убирайся отсюда, не тронь то, что тебе не принадлежит! Больные, старики, дети, не имеющие сил противостоять этому жестокому миру, — вот твоя добыча, но не трогай этого человека, этого юношу, который моложе меня.

Лютиен приподнял голову варвара и взял его за руку. Он чувствовал, как тепло покидает тело Рогара, а пот, покрывший тело друга за время сражения, становится липким. Лютиен пытался выдавить из себя более убедительный протест, но обнаружил, что язык не повинуется ему. Что он мог сказать Смерти, этой самой безжалостной из духов, которая издавна отказывалась внимать самым проникновенным мольбам? Да и что пользы в словах, когда тепло быстро покидало юное и сильное тело Гарта Рогара?

Лютиен беспомощно оглянулся на ложу для почетных гостей, растерянность сменилась яростью. Но компания Обри, включая Гахриза, уже скрылась из глаз. Удалился и Этан, стоявший поодаль.

Взгляд Лютиена растерянно блуждал вокруг. Многие зрители разошлись, но отдельные группки задержались, перешептываясь и недоверчиво показывая на мужчину, лежавшего на арене, и сына Бедвира, склонившегося над ним.

Лютиен повернулся к Гарту Рогару. Он увидел конец стрелы, торчавшей из бока друга между двух ребер, и осторожно потянулся к ней, словно надеялся, вытащив ее, вернуть дыхание погибшему. Лютиен попытался обхватить металлическое древко, но обнаружил, что пальцы не повинуются ему.

Какой-то шум заставил его поднять глаза, и несчастный победитель увидел остальных воинов, выбегающих из туннеля под предводительством Кэтрин. Она упала на колени перед погибшим, но мгновением позже вздохнула и нежно закрыла ему глаза. Ее грустный взгляд встретился со взглядом Лютиена, и девушка медленно покачала головой.

Лютиен вскочил на ноги, издав крик, вырвавшийся из глубины его сердца. Он дико

огляделся вокруг, сжав кулаки, затем обнаружил предмет, на котором можно было сорвать ярость. Юный Бедвир сорвал шарф Авонезы со своих бедер и швырнул на землю, а затем втоптал в грязь.

— Смертью Гарта Рогара, друга и товарища, — начал он, — я, Лютиен Бедвир, клянусь...

— Достаточно, — прервала Кэтрин, вставая рядом и взяв его руку в свои. Он недоверчиво посмотрел на девушку, с трудом осознав, что она могла прервать его в столь торжественный момент. Однако, взглянув на ее лицо, Лютиен не заметил признаков раскаяния, лишь некое смутное предостережение, которое он не имел сил осмыслить.

— Достаточно, Лютиен, — мягко, полностью владея собой, сказала Кэтрин. — Гарт Рогар погиб как воин, согласно древнейшим и священнейшим традициям арены нашего народа. Не позорь его.

Ужаснувшись, Лютиен отпрянул от девушки. Он смотрел на товарищей, на бойцов, тренировавшихся рядом с ним все последние годы, но не находил поддержки. Юноше внезапно показалось, что его окружают абсолютно чужие люди. А затем он бросился прочь, пересек арену, промчался по узкому туннелю и устремился вдоль берега на север, к гавани, испытывая только одно, всепоглощающее желание — остаться в одиночестве.

* * *

— Это неприятный случай, — начал Гахриз, пытаясь преуменьшить значение произошедшего.

— Это было убийство, — поправил Этан, и его отец нервно оглянулся вокруг, словно ожидая, что один из циклопов Обри скрывается неподалеку.

— Не слишком ли сильно сказано? — прошептал Гахриз.

— Часто сила является обрамлением правды, — резко и громко ответил Этан, не отступая ни на дюйм.

— Ни слова больше об этом, — потребовал Гахриз. Все еще оглядываясь вокруг, он бросил смущенный взгляд на разъяренного сына, осмелившегося осуждать собственного отца. — Ни слова больше, слышишь!

Этан насмешливо фыркнул, глядя на этого человека, этого чужака, которого удалось настолько запугать и сломить. Он понимал осторожную позицию Гахриза слишком хорошо, понимал политическую ситуацию на их землях. Если Гахриз предпримет любые действия против Обри или кого-либо из его окружения, герцог Монфорский, разумеется, вмешается — возможно, пошлет военный флот. Однако Этан не заботился об этом и не сочувствовал тревогам Гахриза. Молодой человек считал, что за некоторые вещи следует сражаться до последней капли крови, а гибель в этой борьбе — почетна.

— А как насчет леди Авонезы? — спросил Этан, с сарказмом выделяя слово «леди».

Гахриз вздохнул, показавшись в этот момент своему сыну очень старым и дряхлым.

— Обри намекал, что хочет оставить ее, — признался правитель. — Он думает, что ее влияние окажет положительное воздействие на Бедвидрин.

— Новая жена для Гахриза, — саркастически выплюнул Этан. — Шпион Моркнея в доме Бедвира.

Старший не ответил.

— А как насчет женщины, которая с такой готовностью меняет спутника? — громко и ядовито осведомился Этан. — Должен ли я называть ее матерью?

Искра ярости вспыхнула в Гахризе, и прежде чем он успел овладеть собой, его рука протянулась и хлестнула по лицу Этана, перешедшего все мыслимые границы дозволенного.

Этан лишь слегка дернул головой и окинул отца долгим взглядом яростно горевших, сузившихся глаз. Гахриз не хотел, чтобы дела зашли так далеко, но сейчас над ним и над всем народом Бедвидрина собирались опасные тучи. На мгновение в голове седовласого эрла промелькнули воспоминания о любимой жене, умершей во время великой чумы.

Припомнились и свободные времена, задолго до воцарения короля-чародея Гринспэрроу. Но те дни давно миновали, и некогда было предаваться праздным сожалениям. Гахриз резко выпрямился, и решительный взгляд ясно давал понять, что правитель знает, в чем заключается его долг перед собственным народом.

* * *

Лютиен оглянулся назад с высокого обрывистого берега на северной стороне залива лишь тогда, когда последние огни погасли в городе Дун Варна. Он все еще не мог поверить в реальность событий прошедшего дня, не мог осознать, что Гарт Рогар, его друг, мертв. Оберегаемый от всего дурного, юноша впервые почувствовал гнилостный привкус жизни под властью короля Гринспэрроу, и, неопытный во всем, что не касалось арены, Лютиен не знал, как справиться с неожиданно нахлынувшими чувствами.

Возможно, именно с этим было связано постоянно мрачное настроение Этана? Лютиен знал, что брат питал мало уважения к Гахризу, но младший сын Бедвира, который знал отца как благородного и смелого воина, всегда относил это за счет недостатков характера Этана. Для Лютиена Гахриз был выше упреков, уважаемый эрл Бедвидрина, чей народ любил своего правителя и доверял ему.

Лютиен не знал всех древних традиций арены, но понимал, что Гахриз один отвечал за события. Гарт Рогар мертв, и его кровь, конечно же, была на руках Гахриза Бедвира.

Но почему? Лютиен не мог понять причину произошедшего, а ему отчаянно хотелось найти для отца хоть какие-нибудь оправдания. Он перебрал самые невероятные варианты — возможно, стало известно, что хьюготы готовили набег на Бедвидрин, а Гарт Рогар действовал как шпион. Возможно, Гахриз узнал, что варвар планировал покушение на него!

Лютиен помотал головой, отбрасывая нелепые мысли. Он знал Гарта несколько лет. Благородный воин не был шпионом и, конечно, не мог оказаться подлым убийцей.

Тогда почему?

— Многие в городе беспокоятся за тебя, — послышался позади него голос. Лютиену не было нужды поворачиваться, чтобы узнать Кэтрин О'Хейл. — И думаю, твой отец среди них.

Лютиен продолжал молча глядеть через спокойные воды на погружившийся во тьму город. Он не пошевелился даже тогда, когда девушка подошла, чтобы встать рядом с ним, и взяла его руку в свои, как она сделала на арене.

— Ты вернешься сейчас назад?

— Месть — не бесчестье, — прорычал Лютиен в ответ. Он неожиданно повернул голову, чтобы взглянуть в лицо Кэтрин, хотя с трудом мог разглядеть ее в сгущавшихся ночных сумерках.

Юная воительница молчала долгое время, прежде чем ответить.

— Да, — согласилась она. — Но открыто поклясться отомстить, в центре арены, перед тем, кто именует герцога Монфорского своим другом и родственником, это глупо. Ты хотел дать повод убить тебя и сместить твоего отца за неповиновение?

Лютиен отпрянул от нее, прекрасно осознавая справедливость ее упрека и от этого еще больше приходя в ярость.

— Тогда я дам клятву сейчас, — сказал он. — Только перед тобой. Могилой моей матери клянусь, я отплачу тому, кто убил Гарта Рогара. Чего бы это не стоило, какие бы последствия это не вызвало для меня, моего отца, Бедвидрина.

Кэтрин не могла поверить в услышанное, но разве смела она упрекать мужчину за слова чести? Она также пылала бессильной яростью, впервые в жизни чувствуя себя пленницей. Она выросла в Хейле, в открытом Эйвонском море. Ее жизнь проходила среди опасностей, на маленьком рыболовном суденышке, отважно сражавшемся с яростными волнами и хищными китами, — жизнь, полная опасностей. Но Хейл был укромным уголком, и сама его удаленность служила защитой от посещений неприятных гостей. Какие бы новости ни доходили из Бедвидрина или Эриадора и Эйвона, в Хейле этим не

интересовались. И из-за своего неведения гордый народ Хейла чувствовал себя свободным.

Но теперь Кэтрин воочию убедилась, насколько призрачной и ненадежной была эта свобода, и на душе у нее было не намного легче, чем у Лютиена. Она развернула юношу к себе и прижалась к нему, используя тепло их тел как защиту от холодного ветра августовской ночи, одновременно пытаясь защититься от жестокой правды, так внезапно обрушившейся на них.

* * *

С утренним ветром корабль с черными парусами, на котором гордо реяли стяги Монфора и Эйвона, покинул гавань Дун Варны.

Кэтрин вернулась в казармы, но Лютиен все еще оставался на лесистом кряже. Глядя на уменьшающийся корабль, юноша осознал, что ему придется проделать долгое путешествие, если он собирается сдержать свою клятву мести. Но он был молодым человеком с долгой памятью и сейчас вновь поклялся, что не забудет Гарта Рогара.

Лютиену хотелось бы еще много дней не возвращаться в Дун Варну; он не имел ни малейшего желания встречаться с отцом, поскольку тот вряд ли мог предложить достойное объяснение. Но Лютиен продрог и проголодался, а ближайший город, в котором его к тому же узнают, был более чем в дне пути.

Едва он прошел сквозь ворота Дома Бедвиров, как к нему подошли два циклопа.

— Отец желает видеть тебя, — грубо объявил один из них.

Лютиен продолжал идти и уже почти миновал обоих, когда они скрестили на его пути длинные алебарды. Рука юноши немедленно потянулась к бедру, но при нем не было никакого оружия.

— Отец желает видеть тебя, — повторил циклоп и, протянув длинную руку, грубо схватил Лютиена за плечо. — Он велел привести тебя, даже если нам придется применить силу.

Лютиен резко отпрянул, устремив на грубияна жесткий взгляд. Очень хотелось ударом кулака напомнить мерзким тварям, с кем они имеют дело, или хотя бы просто отшвырнуть обоих, но мысль о том, что его приволокут за ноги в покои отца, не доставила ни малейшего удовольствия.

Юноша вошел в кабинет Гахриза, где тот хранил немногие книги, принадлежавшие лично их семье (большую часть весьма небольшого количества книг, имевшихся на острове Бедвидрин), вместе с другими семейными ценностями. Старший Бедвир сгорбившись стоял возле камина, подкладывая дрова в и без того бушующее пламя, словно холод пробирал его до костей, хотя сегодняшнюю погоду нельзя было назвать особенно холодной. Над очагом был аккуратно прикреплен самый ценный предмет, принадлежавший их семье испокон веков: семейный меч Бедвиров. Его сверкающее лезвие поражало совершенством формы, а золотому эфесу, украшенному драгоценными камнями, была придана форма свирепого дракона, чьи поднятые крылья служили необычной крестовиной. Много лет назад чудесное оружие выковали гномы Айрон Кросса, но его лезвие, изготовленное из сотен слоев стали, становилось только острее от многократного использования. Немало циклопов лишились своего единственного глаза, встретившись с этим мечом во время жестокой войны, бушевавшей шестьсот лет назад. И потому прославленное оружие получило имя «Ослепляющий».

— Где ты был? — спокойно и тихо спросил Гахриз. Он обтер запачканные сажей руки и выпрямился, но не повернулся лицом к сыну.

— Мне нужно было побыть вдали отсюда, — ответил Лютиен, пытаясь быть таким же спокойным.

— Чтобы успокоиться?

Лютиен вздохнул, но не пожелал ответить.

Гахриз повернулся к нему.

— Это было мудро, сын мой, — сказал он. — Действия, совершенные в порыве гнева, ведут к самым ужасным последствиям.

Он казался настолько спокойным и рассудительным, что Лютиен почувствовал раздражение и обиду. Ведь его друг был мертв!

— Как ты мог? — воскликнул он и бессознательно шагнул вперед, сжав кулаки. — Убить... что ты... — он беспорядочно выпаливал слова, поскольку его чувства оказались слишком пылкими, чтобы выразить их членораздельно.

Седовласый Гахриз, напротив, говорил тихо и ласково, воркуя, словно лесной голубь:

— А что, ты считаешь, я мог сделать в этой ситуации? — спросил он, словно это могло послужить достойным объяснением.

Лютиен беспомощно разжал кулаки.

— Гарт Рогар не заслужил подобной судьбы! — закричал он. — Будь проклят виконт Обри и все его нечестивые спутники!

— Спокойней, сын мой, — вновь повторил Гахриз. — Мы живем в мире, не всегда прекрасном и не всегда справедливым, но...

— Этому нет оправдания, — сквозь зубы проговорил Лютиен.

— Даже если стремишься сохранить мир? — неожиданно резко спросил Гахриз.

Лютиен коротко выдохнул.

— Ты не подумал ни о полях, политых кровью, — пояснил Гахриз, — ни о наконечниках копий, красных от крови павших врагов, ни о дерне, изрытом копытами коней. Подобные ужасы никогда не отражались в твоих ясных глазах, и пусть этого никогда не случится! А то они погаснут, понимаешь ли, — пояснил он, указав на собственные. Действительно, его взгляд был совершенно тусклым этим августовским утром.

— А глаза Брюса Макдональда также потухли? — с сарказмом спросил Лютиен, напоминая о величайшем герое Эриадора.

— Рассказы о войне полны героизма, — мрачно ответил Гахриз. — Но только тогда, когда ужасы войны уходят из памяти. Кто может сказать, какие шрамы носил Брюс Макдональд в своей измученной душе? Кто из ныне живых заглядывал в глаза этого человека?

Лютиен подумал, что эти слова абсурдны: Брюс Макдональд умер три столетия назад. Но затем он понял, что именно это и имел в виду его отец. Старший Бедвир серьезно продолжил:

— Я слышал поступь коней, видел мой собственный меч, — он взглянул на великолепное оружие на стене, — покрасневший от крови. Я слышал рассказы — рассказы других — о тех героических битвах, в которых я участвовал, и я могу сказать тебе абсолютно честно, со своей стороны, что там было больше ужаса, чем доблести, и больше сожалений, чем побед. Могу я принести подобное горе в Бедвидрин?

На этот раз вздох Лютиена свидетельствовал о покорности.

— Выдохни так же свою гордость, — посоветовал Гахриз. — Это наиболее смертоносное и опасное из чувств. Оплакивай друга, но смиришься со случившимся. Не следуй примеру Этана... — Он внезапно прервался, передумав излагать последнюю мысль, но его упоминание о старшем сыне, герое младшего Бедвира, привлекло внимание юноши.

— А что Этан? — потребовал он ответа. — Какую роль он играет во всем этом? Что он сделал в мое отсутствие?

Вновь Гахриз успокаивающе заворковал, пытаясь отвлечь внимание сына.

— С Этаном все в порядке, — уверял он Лютиена. — Я говорю лишь о его темпераменте, его глупой гордости и о моих надеждах на то, что ты смягчишь свою ярость. Ты хорошо поступил, уйдя из Дома Бедвиров, я уважаю тебя за это. Мы ходим на длинном поводке у Монфора и еще на более длинном у трона в Карлайле, и хорошо бы так и продолжалось.

— Что сделал Этан? — настаивал Лютиен, не убежденный объяснениями отца.

— Он ничего не сделал, кроме того что протестовал — громко! — огрызнулся Гахриз.

— И это разочаровало тебя?

Правитель фыркнул и повернулся спиной к юноше, чтобы взглянуть на огонь.

— Он мой старший сын, — ответил Гахриз. — И по праву наследования будет эрлом Бедвидрина. Но что это может означать для народа?

Лютиену показалось, что Гахриз теперь говорил не с ним, а более с самим собою, словно пытаясь оправдаться в чем-то.

— Несчастье, говорю я, — продолжал старик, и он действительно показался Лютиену очень старым. — Несчастье Этану, Дому Бедвиров, всему острову. — Внезапно он обернулся, указав пальцем на младшего. — Несчастье тебе! — закричал он, и Лютиен, потрясенный, отступил на шаг назад.

— Ничто не научит упрянца Этана знать свое место, — продолжал Гахриз, снова понизив голос и поворачиваясь к огню.

— Став однажды эрлом, он, безусловно, накликает смерть на свою голову и принесет разрушения в Дом Бедвиров, чем привлечет внимание недремлющих очей ко всему Бедвидрину. О, как глуп гордый человек! Никогда! Никогда! Никогда! Я не допущу этого!

Гахриз взвинтил себя, размахивая кулаком во время своей речи, и первым порывом Лютиена было подойти к нему и попытаться успокоить. Однако что-то удержало юношу, и вместо этого он тихо покинул комнату. Лютиен любил отца, питая к нему огромное уважение, но сейчас его слова были для юноши пустым звуком — в ушах все еще стояли роковой щелчок арбалета и последний жалобный хрип Гарта Рогара.

4. КРАСНЫЙ ОТ КРОВИ ПАВШЕГО ВРАГА

Как могли повернуться события, если бы родители короля так и не встретились? Что, если бы герой был убит в молодости той стрелой, которая, к счастью, просвистела мимо, пронзив воздух всего в дюйме от него? Часто простейшие случайности влияют на историю наций, и именно это произошло той августовской ночью, когда Лютиен, выйдя к конюшням из Дома Бедвиров, обнаружил Этана, седлающего коня, с седельными вьюками, набитыми едой.

Лютиен подошел к брату, разглядывая его с любопытством, в котором читался очевидный вопрос.

— Меня отсылают прочь, — ответил Этан.

Лютиен, казалось, не понял.

— Я еду на юг, — продолжал Этан, с отвращением выплевывая каждое слово. — Отправляюсь вместе с солдатами короля в Гасконь сражаться на стороне гасконцев против королевства Дария.

— Благородное дело, — ответил Лютиен, слишком подавленный, чтобы осознать его слова.

— В качестве наемника, — огрызнулся Этан. — В качестве наемника для короля, не признающего законы.

— Тогда к чему ехать?

Этан перестал завязывать сумки и скептически посмотрел на своего наивного юного братца. Лютиен пожал плечами, все еще не понимая.

— Потому что эрл Бедвидрина приказал мне поехать, — внятно и медленно произнес Этан, возвращаясь к своему занятию.

Лютиен продолжал растерянно глядеть на брата.

— Я прослаблю нашу семью и весь Бедвидрин, как сказал Гахриз, — продолжил Этан.

Лютиен кивнул, сперва позавидовав, что Гахриз отдал предпочтение старшему сыну в столь славном деле.

— Не лучше ли было взять «Ослепительный», если ты отправляешься во славу Дома Бедвиров? — спросил он, заметив ничем не примечательный меч, болтавшийся в ножнах у пояса Этана.

— Как ты можешь быть настолько слепым? — поразился Этан, Лютиен поморщился.

— Гахриз отсылает меня, — продолжил старший сын. — Следуя советам, нашептанным Обри, Гахриз посылает меня на смерть.

Будничный тон Этана потряс Лютиена больше, чем сами слова. Он грубо схватил брата за плечо и повернул к себе лицом.

— Будь его воля, он не выбрал бы меня наследником, — процедил Этан, и Лютиен, припомнив последний разговор с Гахризом, не мог не согласиться. — Но законы ясны. Я старший сын, следовательно, я — следующий эрл Бедвидрина.

— Я не оспариваю твоих прав, — ответил Лютиен, все еще не понимая.

— Но Гахриз оспаривает, — объяснил Этан. — А моя репутация бунтовщика, кажется, вышла далеко за пределы Бедвидрина.

— Поэтому Гахриз отсылает тебя с армией добыть славу и восстановить свою репутацию, — убеждал Лютиен, хотя и подозревал, что его мысли все еще идут по неверному пути.

— Поэтому Гахриз посылает меня на смерть, — спокойно перебил Этан. — Я стал для него проблемой — даже Обри слышал обо мне и понял, что с моим приходом к власти начнутся сложности. Возможно, это мое самомнение, но я не думаю, что единственной целью приезда кузена Моркнея в Бедвидрин было полюбоваться на спортивные состязания.

— Ты полагаешь, Обри осмелился пересечь Дорсальское море и проделал долгий путь в Бедвидрин, просто чтобы отослать тебя?

— Не только для этого, мой юный брат, — сказал Этан, и впервые за это время в его речи прозвучали нотки сочувствия. — Мой юный брат, который никогда не знал свободы. Который всю жизнь прожил под властью Карлайла и Монфора.

Лютиен нахмурился, теперь по-настоящему смущенный.

— Обри объезжал северные острова, — объяснял Этан. — Карит, Марвис, Бедвидрин, даже Даймондгейт на обратном пути, желая удостовериться, что на севере все происходит как должно, желая обеспечить безопасность во владениях Моркнея. У политиков не бывает дней отдыха. Они всегда работают, живут для работы, для увеличения своего могущества. Это их страсть и источник жизненной энергии. Обри приехал в Бедвидрин, частично чтобы разобраться со мной, а также потому, что у герцога здесь не хватает соглядатаев. Это необходимо исправить. — Завершив работу, Этан взлетел в седло.

— У тебя будет новая мать, Лютиен, — продолжил он. — Относись к ней с уважением и страхом. — Он собрался прищипорить лошадь, но Лютиен, потрясенный и разъяренный, вцепился в поводья и задержал животное.

— Кое-кто, известный тебе, — продолжил Этан, — некто, чей стяг ты однажды носил во время битвы.

Глаза Лютиена расширились от удивления.

Авонеза? Этого не может быть!

— Никогда! — воскликнул он.

— В воскресенье утром, — уверил его Этан. — Герцог вынудил Гахриза, — объяснил он. — Леди Авонеза остается и станет идеальным шпионом, будучи женой Гахриза. Это возможность ускорить падение Дома Бедвиров. Гахриз согнется под влиянием событий, или Моркней получит повод осуществить желаемое, позволив Гринспэрроу наполнить гавань кораблями под черными парусами.

— Как ты можешь уехать? — беспомощно выкрикнул Лютиен, чувствуя, что рушатся стены, ограждавшие его от жестокого мира.

— Как я могу остаться? — спокойно спросил Этан. — Гахриз отдал приказ. — Этан помедлил, мрачно глядя на брата, его спокойствие умирло возбуждение юноши.

— Ты мало знаешь о том, что лежит за пределами Бедвидрина, — негромко произнес Этан. — Ты не видел глаз бедных детей, страдающих от голода на улицах Монфора. Ты не видел крестьян, вконец разоренных непосильными налогами. Ты не сталкивался с бессильной яростью человека, чью дочь забрали, чтобы она «служила» в доме аристократа,

не слышал воплей матери, чье дитя погибло от голода у нее на руках.

Рука Лютиена, державшая поводья, разжалась.

— Я не хочу принимать мир таким, какой он есть, — продолжал Этан. — Я просто знаю, каким он должен быть. А наш отец, лакей беззаконного короля, не имеет силы и храбрости восстать и согласиться со мной.

Этан понял, что его резкие рассуждения наконец начали проникать в наивное сознание Лютиена. Если бы он ударил юношу молотом гномов, тот не был бы настолько оглушен. Несмотря на все их различия, Этан любил и жалел младшего брата, никогда не знавшего жизни без Гринспэрроу, короля, который незаметно лишил их истинной свободы.

— Прощай, мой брат, — серьезно произнес Этан. — Ты — единственный из семьи, по кому я буду скучать. Держи уши и глаза открытыми, а пуще всего опасайся леди Авонезы!

С этими словами он пришпорил коня, оставив растерянного Лютиена посреди двора наедине с необычными мыслями.

Лютиен не спал в эту ночь и одиноко бродил весь следующий день, не слышал Кэтрин, которая звала его через поле. Он не спал и следующей ночью, думая об Этане, о Гарте Рогаре, о своем новом взгляде на Гахриза.

Больше всего Лютиену хотелось встретиться с отцом лицом к лицу, чтобы тот очистился от обвинений, столь смело выдвинутых Этаном.

«Возможно, существует другая сторона вопроса?» — надеялся он.

Но юноша понимал, что этой надежде не суждено осуществиться. Несколько слов, брошенных Этаном, открыли глаза Лютиену, и он не верил, что сможет закрыть их вновь.

И потому на следующее утро он отправился повидать Гахриза не для того, чтобы найти объяснения, но желая высказать собственные мысли, выразить свою ярость по поводу трагедии на арене. К тому же он содрогался при одной мысли, что такая тварь, как Авонеза, собирается стать его матерью.

Он улыбнулся, осознав, насколько совпадают его мысли с мнением Этана, и задался вопросом, не отошлет ли отец и его сражаться на дальней войне.

Он вошел в кабинет, даже не постучавшись, но нашел комнату пустой. Гахриз уже отправился на утреннюю прогулку. Лютиен собрался уйти, спуститься в конюшни и, взяв коня, догнать отца. Однако немедленно изменил намерения, осознав, что Авонеза, вероятно, поехала с отцом, а меньше всего ему хотелось видеть эту женщину.

Юноша удобно устроился в кабинете, изучая книги на полках или глядя на огонь в очаге. Он откинулся на спинку удобного кресла, положив ноги на стол. Лютиен рассеянно перелистывал какую-то книгу, когда дверь распахнулась и дюжий стражник ворвался внутрь.

— Ты здесь откуда? — рявкнул циклоп, угрожающе взмахнув трезубцем. Однако он не осмелился пройти дальше, глядя на Лютиена через комнату.

— Откуда? — с иронией переспросил Лютиен, а затем нахмурился, поскольку он не узнавал стражника, хотя юноша знал всех, принадлежавших Гахризу.

— Откуда! — прорычал грубиян. — Что ты делаешь в личных покоях эрла и эрлессы Бедвидрина?

— Эрлессы? — едва слышно пробормотал Лютиен, чуть не подавившийся этим словом.

— Я задал вопрос! — взревел циклоп, вновь взмахнув трезубцем.

— Во имя всех вулканов Пяти Стражей, кто ты такой, чтобы спрашивать меня? — требовательно спросил юный Бедвир.

— Личный охранник эрлессы Бедвидрина, — без колебаний ответил одноглазый солдат.

— Я — сын эрла, — объявил Лютиен.

— Я знаю, кто ты, боец арены, — ответил циклоп, поводя трезубцем.

И только тогда, когда тот развернулся, показав арбалет, болтавшийся за его широкими плечами, Лютиен узнал его. Он вскочил на ноги, швырнув книгу на стол.

— О тебе не докладывали, — настаивал циклоп бесстрашно. — Так что тебе нечего тут делать. Убирайся, пока я не научил тебя должным правилам поведения!

Циклоп прижал трезубец к груди и стал медленно поворачиваться к двери, как можно дольше не сводя с Лютиена налитого кровью глаза.

Лютиен замер, прикованный к месту чудовищностью ситуации, неожиданно свалившейся на его плечи. Он поклялся отомстить, и сейчас его заклятый враг, который должен был нестись прочь под черными парусами, стоял перед ним.

«Но каковы последствия?» — задавался он вопросом. И какие цели преследовал Обри, оставив здесь именно этого циклопа? Другое дело — Авонеза. Лютиен не мог поднять руку на женщину, не владевшую воинским искусством, но позволить убийце остаться в Бедвидрине — это было выше понимания Лютиена. Уж конечно, виконт должен понимать, что может случиться...

Слова Этана насчет повода ускорить падение Дома Бедвиров прозвучали в мозгу Лютиена, и он понял, что от принятого сейчас решения зависит вся его дальнейшая жизнь.

— Следуй за мной, — велел циклоп, не оглядываясь и открывая Лютиену прекрасный вид на арбалет, при помощи которого он убил Гарта Рогара.

— Скажи, — спокойно начал Лютиен. — Тебе нравится убивать людей, когда те, беспомощные, лежат на земле?

Циклоп обернулся и злобно взглянул на юношу, кривая улыбка расплзлась по его физиономии, обнажив ряд желтых звериных зубов.

— Мне всегда нравится убивать людей, — сказал он. — Ты уберешься или предпочтешь убедиться в этом на собственном опыте?

Действуя почти рефлекторно, Лютиен схватил со стола камень, которым его отец прижимал листы пергамента. А затем стремительным движением швырнул его через комнату, угодив в бедро увернувшемуся циклопу. Тот, взревев, направил трезубец в сторону Лютиена.

— Это была не лучшая идея, — пробормотал юноша, осознав, что у него даже нет при себе оружия. Циклоп вошел в комнату, Лютиен поднял деревянное кресло, чтобы использовать его в качестве щита. Но первый же мощный удар обратил его в щепки, оставив Лютиена без прикрытия.

Он перескочил через стол к камину и схватил длинный металлический крюк, которым ворошили дрова, затем развернулся и принял боевую стойку — как раз вовремя, чтобы встретить второй удар. К счастью, крюк зацепился за конец трезубца, отведя его в сторону. И ловкий Лютиен вновь увернулся. Все же он получил болезненную царапину на животе, и длинная кровавая полоса окрасила его разорванную белую рубашку.

Циклоп широко улыбнулся, оскалив острые зубы.

— У меня нет оружия! — запротестовал Лютиен.

— Это еще забавнее, — ответил циклоп, наметив прямой удар, затем, изменив направление, развернул трезубец тупым концом, намереваясь ударить по ногам. Вовремя разгадав маневр, Лютиен подпрыгнул вверх, уходя от удара, затем шагнул вперед и ткнул пальцами прямо в единственный глаз циклопа.

Мощный удар трезубца вновь отшвырнул юношу, настигнув его еще до того, как тот сумел причинить какой-либо вред огромному, налитому кровью глазу, однако Лютиен ошеломил циклопа достаточно, чтобы приостановить схватку.

Теперь Лютиен хорошо знал, куда бежать.

Он изо всех сил рванулся обратно к камину.

— Тебе следовало прикончить меня, когда ты мог это сделать, — закричал он, вцепившись в драконоподобный эфес знаменитого меча Бедвиров. Он рассмеялся, рванул и освободил меч — почти.

Теперь смеялся циклоп — и снова нацеливался своим жутким трезубцем.

Лютиен сорвал крюк, на котором держался эфес, но второй, возле острия, упрямо держался на стене. Меч достаточно отклонился, но его острый как бритва конец лишь прочертил линию на каменной стене. Лютиен вновь рванул, но не добился успеха. Он отклонился назад, чтобы всем весом надавить на крюк, и под этим углом увидел атаку

циклопа.

Юноша закричал и рванул изо всех сил. Освобожденный меч описал сверкающую дугу и обрушился на наконечник трезубца за какое-то мгновение до того, как тот должен был вонзиться в грудь Лютиена. Оба сражающихся теперь потеряли равновесие, их оружие невозможно было использовать для атак, поэтому Лютиен оттолкнулся ногой от камина, ударил противника плечом в грудь и вместе с ним упал на пол.

Юноша, ловкий как кошка, первым вскочил на ноги. Он развернулся и ударил мечом сверху вниз, однако на удивление проворный циклоп поймал его оружие наконечником трезубца и резко отвел в сторону.

— Я не новичок на арене, — взревел одноглазый. — Я был капитаном преторианской гвардии!

Он обрушил на Лютиена каскад молниеносных ударов и финтов, намеренно орудя то наконечником, то тупым концом древка. Циклоп обращался с длинным трезубцем с такой необычайной легкостью, словно держал в руках крохотный ножичек, заставляя Лютиена уйти в глухую защиту.

Но и сына Бедвира нельзя было назвать новичком на арене. Он каждый раз угадывал направление следующего удара и успевал его отбить. Ни единого раза трезубцу не удалось даже поцарапать кожу юноши.

Лютиен, однако, понимал, что попал в серьезную переделку, и его уважение к циклопу росло с каждой атакой, проведенной одноглазым. Они кружили по комнате — Лютиен с более коротким оружием, поэтому вынужденный отступать и уворачиваться, и стремительно наступавший циклоп. Улучив мгновение, юноша метнулся за диван, оказавшийся прекрасным щитом, защищавшим его ниже талии.

И тут же, когда последовал удар снизу, взмахом меча припечатал трезубец к спинке дивана. Он прочел выражение сокрушительной ярости в единственном глазу циклопа и ловко отступил назад, когда противник неожиданно рванулся вперед, словно пытаясь прорубиться сквозь небольшой диван.

Циклоп предусмотрительно остановился, прежде чем проломиться насквозь, осознав, что не сможет достаточно быстро поймать ловкого юношу, и понимая, что, если его ноги запнутся о диван, проворный противник непременно использует свое преимущество. Тогда циклоп попытался оттолкнуть с пути помеху, но Лютиен, понимавший, что при его более коротком оружии диван оказывает ему неоценимую услугу, отскочил назад и взмахнул мечом, чуть не отрубив руку циклопу и оставив глубокий разрез на обивке.

— Гахриз будет недоволен, — заметил Лютиен, пытаясь говорить уверенно и спокойно.

— Ну еще бы, ему ведь придется хоронить сына! — прорычал циклоп и вновь остервенело ткнул своим жутким оружием.

Он ожидал, что Лютиен вновь попытается пригвоздить трезубец к спинке дивана, а если это произойдет, циклоп собирался рвануть вперед, прижав к стенке и Лютиена, и диван.

Но вместо этого юноша неожиданно пригнулся, и его парирующий удар последовал в прямо противоположном направлении, меч пошел наперерез удару циклопа — не вниз, а вверх. Трезубец откинуло в сторону, а проворный Лютиен стремительно перекатился через диван. Циклоп инстинктивно отскочил, пытаясь изменить направление удара, но юноша поднырнул под его руку и коротко ударил мечом.

Острые «Ослепительного» глубоко вошло в брюхо циклопа, а затем резким движением вверх распороло ему диафрагму, сердце и легкие. Одноглазый как раз поднял над головой трезубец, и юноша почти уже не сомневался, что кошмарные зубы найдут свою цель.

Затем младший Бедвир увидел, как гаснет свет в единственном глазу циклопа, а силы медленно покидают умирающего противника. Трезубец упал на пол, его мертвый хозяин соскользнул с меча юноши и упал на собственное оружие.

Лютиен неуверенно поднялся на ноги, глядя сверху вниз на абсолютно неподвижного циклопа. Его первое убийство. Юноша не испытывал удовольствия, вовсе нет. Он смотрел на

мертвого циклопа и много раз напоминал себе, что это убийца Гарта Рогара и что тварь убила бы его, не окажись он лучшим воином. К тому же убитый был циклопом. Лютиен не полностью осознавал значение этого факта, но он понимал, что циклоп не являлся человеком ни по сущности, ни по характеру. Одноглазый был жестоким, злобным созданием, лишенным любви и милосердия. Одно только это избавило Лютиена от мук совести и сняло тяжесть с души. Глубокий вздох помог юному воину взять себя в руки.

Лютиен взглянул на окровавленный меч. Его сбалансированность казалась совершенной. А смертельный удар — невероятным. Лютиен не мог поверить, насколько легко «Ослепительный» прошел сквозь толстую кожу куртки циклопа и сквозь его тело. Он одним движением прошел через несколько досок, находившихся, насколько знал юноша, на его пути. Крепко сжимая меч, он понимал, что клятва выполнена, его друг отомщен, и кровь гордых предков забурилась в жилах юноши.

Затем Лютиен успокоился и понял, что он упустил из виду множество обстоятельств — обстоятельств, которые могут стоить ему жизни, если он останется в Дун Варне. Но Лютиен не собирался проливать слезы по поводу своего тяжелого положения. Он сделал свой выбор, запустив камнем в циклопа и спровоцировав столкновение. Покорный, смирившийся с чужой волей Гахриз вряд ли нашел бы этому оправдание, если все, что говорил Этан, было правдой. Сейчас, вспоминая последнюю встречу с отцом, Лютиен воспринимал его слова в новом свете обвинений Этана. Нет, брат не солгал ему.

Лютиен с трудом мог поверить, что его жизнь настолько резко изменилась. А ведь теперь она изменится еще сильнее, потому что ему, преступнику, оказавшемуся вне закона, придется бежать прочь из Дун Варны, прочь из Бедвидрина. Он подумал, что должен перехватить Этана по дороге, поскольку его брат, безусловно, будет доволен действиями младшего и поможет ему в пути. Лютиен поежился. Возможно, Этан уже достиг переправы на Эриадор. Куда его брат отправится оттуда? Скорее всего, в Монфор? Или вокруг Айрон Кросса до Карлайла?

Лютиен выглянул из маленького окошечка и увидел, что солнце уже поднялось довольно высоко. Его отец скоро вернется; Лютиену придется искать ответы на все вопросы по дороге.

Он подумал о том, чтобы забрать меч — никогда еще юноша не видел такого великолепного оружия. Но «Ослепительный» не принадлежал ему, особенно теперь. Хотя Лютиен и считал свои действия оправданными, к тому же вызванными соображениями чести, юноша все же чувствовал себя виноватым перед Домом Бедвира. Он не хотел усугублять ситуацию, опустившись до заурядной кражи.

Он не стер кровь с клинка, заботливо возвращая меч на прежнее место над камином. Лютиен подумал, что таким образом Гахриз узнает, какое оружие отомстило за смерть Гарта Рогара.

5. НЕ ОГЛЯДЫВАЯСЬ НАЗАД

Вскоре после этого Лютиен покинул Дун Варну и помчался по северной дороге верхом на своем любимом скакуне Ривердансере. Коротконогий мускулистый белый жеребец передвигался по мягкой, постоянно влажной почве Эриадора лучше, чем любое другое животное. Эта порода отличалась длинной, лохматой шерстью, прекрасно защищавшей от холода и измороси. У многих животных она выглядела колючей и спутанной, но шерсть Ривердансера была мягче самого лучшего шелка и блестела при каждом движении подобно капелькам бурлящей воды в солнечный весенний день.

Сегодня Ривердансер нес на себе немалый груз, обремененный припасами, необходимыми Лютиену в дороге, и рыболовным снаряжением, включая поставную сеть. Юный Бедвир нередко отправлялся на рыбалку, особенно учитывая, что он почти не тренировался после смерти Гарта Рогара. Разумеется, мало кто в Дун Варне ожидал, что Лютиен скоро вернется на арену.

Не многие заметили его, когда он ехал по немощеным и булыжным улочкам города. Юноша не торопил коня и даже остановился, чтобы перекинуться парой слов с капитаном рыболовного суденышка, расспросив его, кстати, что происходит на севере залива и достаточно ли спокойно море, чтобы ставить сети. Казалось, не происходило ничего необычного, что вполне согласовывалось с планами юного хитреца. Однако, когда Лютиен добрался до утесов, отъехав подальше от обитателей каменных, крытых соломой домишек, он немедленно пустил Ривердансера галопом. В пяти милях от города юноша свернул и стал спускаться к берегу, к одному из своих любимых мест для рыбалки. Там он оставил снасти и один сапог на камнях, недалеко от воды. Лютиен подумал, что желательно оставить вероятным преследователям как можно больше загадок, хотя и содрогнулся при мысли о том, какую боль испытает Гахриз, если действительно поверит, что Лютиен канул в свирепом Дорсальском море.

Но юноша благоразумно решил, что тут уж ничего не поделаешь. Вновь вскочив в седло, он принялся осторожно выбирать дорогу среди камней, пытаясь оставлять как можно меньше следов. Беглец сокрушенно вздохнул, когда лошадь, подняв хвост, уронила несколько очевидных знаков своего здесь пребывания.

Отъехав от берега, Лютиен повернул на запад, направляясь к Хейлу, а затем вновь свернул к югу. Ранним утром он вновь проехал мимо Дун Варны, углубившись на несколько миль в глубь страны, вне пределов видимости из города. Он задавался вопросом, какой переполох вызвали его действия. Что Гахриз, а особенно Авонеза подумали, когда вошли в кабинет и обнаружили мертвого циклопа? Заметил ли Гахриз окровавленный меч на стене?

Разумеется, сейчас кто-нибудь уже отправился к северу на поиски Лютиена. Возможно, они даже обнаружили его снасти и сапог, хотя он сомневался, что весть об этом достигла ушей Гахриза.

Вновь юный Бедвир решил, что тут ничего не поделаешь. Он следовал велению своего сердца. По правде говоря, Лютиен всего лишь защищался от вооруженного циклопа. Он мог остаться в Доме Бедвира и оправдаться: даже после всего, что сказал ему Этан, Лютиен с трудом мог поверить, что отец не встанет на его сторону. И потому не реальный страх перед законом погнал Лютиена прочь. Он только сейчас осознавал, что, возможно, сумел покинуть дом в самый последний момент. Этан посеял в его душе сомнения, глубоко пустившие корни, заставившие Лютиена задаться вопросом о ценности своего существования. В чем заключалась правда о короле и королевстве? И был ли он действительно настолько свободным, насколько всегда полагал?

Только дорога могла дать ответы на эти вопросы.

Обычно от Дун Варны до переправы Даймондгейт можно было добраться за три дня, но Лютиен надеялся, что сможет достичь ее за два, если будет как следует гнать Ривердансера. Конь радостно кинулся в галоп, довольный представившейся возможностью продемонстрировать свои силы, и они помчались к центральной равнине острова. Так что, когда Лютиен остановился на ночлег, он был уже далеко от Дун Варны. В первую ночь лил сильный дождь. Лютиен съезжился под одеялом возле огня, который больше шипел и трещал, чем полыхал. Однако он почти не ощущал холода и сырости, слишком поглощенный вопросами, которые вновь и вновь крутились у него в голове. Он вспоминал задорную улыбку очаровательной Кэтрин и выражение ее зеленых глаз, когда они занимались любовью. Возможно, ему следовало предупредить девушку.

Беглец забылся сном лишь перед рассветом, но все равно проснулся рано, приветствуя проблески солнечного дня.

День и вправду обещал оказаться чудесным, и Лютиен, вскочив на Ривердансера, вновь отправился в путь, наслаждаясь каждым его мгновением. На небе не было ни облачка — крайне редкий случай для Бедвидрина! — и чувство восторга охватило Лютиена, ему казалось, что никогда еще он не испытывал подобной полноты жизни. Птицы бесстрашно порхали вокруг, и даже осторожные звери осмеливались выйти к самой дороге, восторженно приветствуя один из последних действительно чудесных дней перед хмурой осенью и

суровой зимой. Лютиену все казалось новым и необычным, ведь ему редко случалось выезжать за пределы Дун Варны, и он всегда знал, что скоро вернется домой.

Сейчас перед ним лежала широкая дорога, которая рано или поздно должна была привести к Эриадору или к Эйвону, или даже Гаскони и в конце концов к Дари, если он сможет перехватить брата. Мир вдруг показался настолько большим и грозным, что юношу охватило возбуждение, прогнавшее прочь печаль по Гарту Рогару и страх за отца. Хотелось только, чтобы рядом скакала Кэтрин, разделяя его радостное возбуждение.

К полудню он проделал две трети пути до переправы. Ривердансер бежал легко, словно совсем не ощущая усталости. Дорога заворачивала к юго-востоку, проходя сквозь небольшой лесистый район и через поле, как раз на южной оконечности леса. Там Лютиен обнаружил узкий бревенчатый мостик, перекинутый через речку с сильным течением, а на противоположной стороне виднелся другой небольшой лесок.

Одновременно с ним на другой конец моста въехал купеческий фургон. Его возница-циклоп, безусловно, видел Лютиена и мог остановиться, позволив всаднику пересечь реку и уйти с дороги, но с типичной для циклопов бравадой и грубостью циклоп хлестнул лошадей, направляя их по бревенчатому настилу.

— Поворачивай! — рявкнул одноглазый, когда они оказались напротив Ривердансера.

— Ты должен был остановиться, — запротестовал юноша. — Я достиг моста раньше тебя и мог пересечь его быстрее!

Он заметил, что циклоп не мог похвастаться достойным оружием и не носил специальных знаков различия. Этот одноглазый принадлежал к личным охранникам, а не к преторианской гвардии, а пассажиры в повозке явно были купцами, а не аристократами. Тем не менее Лютиен собирался отступить, поскольку развернуть одну лошадь проще, чем фургон и упряжку.

Толстое лицо, угреватое и прыщавое, появилось в окне фургона.

— Скинь глупца вниз, если он не уступает дорогу! — грубо приказал купец и вновь исчез внутри фургона.

Лютиен пришел в ярость и уже собирался объявить, что является сыном эрла Бедвидрина, рука юноши потянулась к мечу, а с уст его чуть не сорвалось приказание пятиться вместе с фургоном до самой переправы. Но молодой человек предусмотрительно подавил свою гордость, напомнив себе, что сейчас не лучшее время для того, чтобы открыть свое имя. Он простой рыбак или фермер, и ничего более.

— Ну, ты уберешься, или мне сбросить тебя в воду? — рявкнул циклоп и слегка прищелкнул вожжами, заставляя упряжку из двух лошадей подойти на два шага ближе к Ривердансеру. Все три лошади недовольно пофыркивали.

Несколько возможных сценариев возникло в голове Лютиена, и большинство из них кончалось неприятностями для циклопа и его мерзкого хозяина. Однако прагматизм одержал верх, и Лютиен, не сводя глаз с возницы, принудил Ривердансера медленно попятиться назад, с моста, и отступить в сторону.

Фургон покатился следом, причем жирный купец постоянно высовывал голову и визгливо кричал:

— У меня нет времени, не то я бы остановился и поучил тебя приличным манерам, ты, грязный мужлан!

Он взмахнул мягкой, пухлой рукой, и возница поднял кнут, посылая вперед упряжку.

Лютиену понадобилось много раз глубоко вздохнуть и сосчитать до пятидесяти, чтобы смириться с оскорблением. Наконец он покачал головой и громко рассмеялся, возвращая прекрасное чувство радости жизни. В конце концов, какая разница, за кого его приняли? Он знал, кем он был и почему позволил себе уступить, и только это имело значение.

Ривердансер рысцой преодолел мостик и двинулся по дороге, заворачивавшей к северу, чтобы миновать крутой холм, и Лютиен быстро выкинул происшествие из головы. Однако чуть погодя, когда юноша оглянулся назад с холма, он заметил, что повозка купца движется по параллельной дороге, всего в паре сотен футов от него. Фургон вновь остановился, и на

этот раз возница-циклоп оказался лицом к лицу с самым любопытным созданием, которое Лютиену Бедвиру приходилось когда-либо видеть.

Причиной остановки послужил хафлинг, представитель расы, довольно редко встречающейся так далеко на севере Эриадора. Он ехал верхом на рыжем скакуне, больше напоминавшем осла, чем пони, благодаря своему почти лишенному волос хвосту. Одежда хафлинга казалась еще более примечательной, чем его конь. Хотя наряд выглядел весьма поношенным, Лютиену он показался верхом моды. Пурпурный бархатный плащ с капюшоном свободно струился по плечам из-под длинных коричневых локонов. Спереди он открывал взору голубой дублет без рукавов, из-под которого виднелись пышные белые рукава шелковой нижней туники, туго перехваченные в запястьях. Парчовая перевязь, прошитая золотом и украшенная кисточками по всей длине, шла через его грудь слева направо, завершаясь еще большей кисточкой, колокольчиками и петлей, предназначенной для рапиры, которая сейчас находилась в руке, одетой в зеленую перчатку.

Его бриджи, как и плащ, сшитые из пурпурного бархата, на середине икры встречались с зелеными чулками с шелковым верхом, украшенными позади бантами. Огромная шляпа довершала картину. Ее широкие поля с одной стороны загибались вверх, а сзади болталось длинное оранжевое перо. Лютиен не мог разглядеть черты лица, но заметил, что хафлинг носил аккуратно подстриженные усы и эспаньолку.

Лютиен никогда раньше не слышал о хафлингах с растительностью на лице и не мог даже представить себе кого-либо в подобной одежде, восседающего на осле, или пони, или как там называлось это животное, угрожая рапирой купеческой повозке. Юноша направил Ривердансера вниз, к берегу, желая незамеченным подобраться поближе под прикрытием низких кустов, чтобы полюбоваться зрелищем.

— С дороги, говорю, или я растопчу тебя! — рычал дюжий возница-циклоп.

Хафлинг рассмеялся, вызвав улыбку и на губах Лютиена.

— Да ты что, не знаешь, кто я? — негодуяще спросил крошечный грабитель, и его густой акцент подсказал юноше, что хафлинг был родом не из Бедвидрина и вообще не из Эриадора. В устах хафлинга «ты» звучало как «ти-ы-ы», а «не» превратилось в двусложное «ни-е-е». — Я — Оливер де Берроуз, — объявил необычный разбойник. — Грабитель с большой дороги. Вы попались и должны сдаться без борьбы. Я сохраню вам жизнь, но ваши монеты и драгоценности объявляю своей собственностью!

«Гасконец», — решил Лютиен, поскольку он слышал много анекдотов, рассказчики которых подражали подобному акценту.

— В чем дело? — нетерпеливо закричал купец, высовывая жирное лицо из повозки. — В чем дело? — спросил он другим тоном, бросив взгляд на Оливера де Берроуза, грабителя с большой дороги.

— Легкая задержка, мой повелитель, — ответил циклоп, бросая грозный взгляд на Оливера. — Ничего больше.

— Разберись с этим! — воскликнул купец.

Циклоп продолжал глядеть через плечо, хотя голова купца уже скрылась в фургоне. Затем тварь развернулась, сделав это неожиданно и резко, в руках у него, словно бы ниоткуда, возник огромный меч, и циклоп взмахнул им над головой хафлинга. Лютиен затаил дыхание, считая этого потрясающего воображение Оливера де Берроуза покойником, но левая рука хафлинга с молниеносной быстротой метнулась вперед, сжимая кинжал с большим лезвием и защитной, в виде корзины рукояткой, — леворучный кинжал, так называли это оружие.

Оливер резко повернул кинжал и зацепил меч циклопа у самой рукоятки. Продолжив движение, он отклонил меч в сторону, а затем неожиданным выпадом заставил оружие вырваться из руки одноглазого и отлететь на дюжину футов от них. Рапира Оливера рванулась вперед, ее острие зацепило верх кожаной куртки циклопа. Клинок угрожающе согнулся в каком-то дюйме от голой шеи одноглазого.

— Крысенок! — прорычал циклоп.

Разбойник вновь расхохотался.

— Мой папа — хафлинг, и он всегда говорил, что гордость хафлингов обратно пропорциональна их росту, — ответил Оливер. — И я уверяю тебя, — продолжил он после драматической паузы, — я очень короткий.

На мгновение, казалось, возница потерял дар речи. Лютиен, скорчившийся за кустами, едва не лопааясь от смеха, сомневался, смог ли циклоп вообще осознать смысл сказанного.

— Насколько глубоко может воткнуться мой прекрасный клинок, как ты думаешь? — спросил Оливер с коротким смешком. — Итак, сегодня у меня удачный день, я выиграл и ваши монеты, и камешки.

Однако, к удивлению хафлинга, вместо единственного охранника-циклопа перед ним оказалось шестеро, поскольку еще несколько одноглазых выскочило из двери фургона, а двое даже вылезли откуда-то из-под днища. Незадачливый грабитель, осознав, что шансы стали слишком уж неравными, ослабил давление рапиры и закончил свое блестящее высказывание совсем не так, как собирался:

— Впрочем, я мог и ошибиться.

6. ОЛИВЕР ДЕ БЕРРОУЗ

Модно одетый грабитель, сидевший на странном рыжем животном, был почти на две головы ниже обступивших его циклопов. И, тем не менее, одноглазые, безусловно, столкнулись с серьезным противником. Хафлинг парировал удар копьем, моментально натянул поводья, подняв лошадь на дыбы, и развернул ее как раз вовремя, чтобы успеть отразить удар мечом сзади. Он двигался стремительно, как ветер, но возница, злобно ухмыляясь, уже достал другое оружие — заряженный арбалет.

Тут бы и пришел конец легендарному (по крайней мере, в собственных глазах) Оливеру де Берроузу, но неподалеку, в густых кустах на другом берегу речушки, юный Лютиен Бедвир вновь решился на отчаянный поступок. Юноша никогда не питал особой любви к жадным купцам, искренне полагая, что их алчность не намного лучше наглости циклопов. Хафлинг грабил на дорогах проезжих купцов — этого нельзя было отрицать, — но, по мнению Лютиена, жирные торгаши не сильно от него отличались. Юноша не отдавал отчета в эмоциях, руководивших его действиями, но просто следовал велениям своего сердца.

Измученное выражение застыло на лице возницы, когда стрела Лютиена поразила его в грудь и опрокинула с сиденья, а арбалет выскользнул из ослабевшей руки.

Если Оливер даже и заметил выстрел, то он не подал вида.

— Ну, иди сюда, ты, с глазом, как кошачья задница! — орал он, обращаясь к одному из циклопов. При этом хафлинг не переставал стремительно (хотя и абсолютно безрезультатно) вращать рапиру, так что тонкая полоска стали превратилась в ослепительно сверкавшее облако. Циклоп, слегка растерявшись, был вынужден отступить на два шага от рыжего скакуна.

Лютиен выехал из зарослей и направил Ривердансера вниз по склону. Могучему скакуну потребовалось всего лишь мгновение, чтобы одним прыжком преодолеть поток, едва коснувшись воды. Лютиен на полном скаку выпускал стрелу за стрелой. Ему больше ни разу не удалось попасть в цель, но выстрелы, безусловно, отвлекли внимание циклопов от хафлинга.

Одноглазые разразились яростными воплями. Один сорвал длинную алебарду с борта фургона и устремился навстречу юноше, затем, под градом стрел, циклоп изменил свое намерение и укрылся за упряжкой. Оливер, занятый отражением атак с трех разных сторон, вряд ли понял, чем вызваны вопли его противников. Хафлинг, однако, заметил, что циклопы, находившиеся позади его скакуна, ослабили натиск.

— Прошу прощения, — обратился он к атакующему циклопу и швырнул свой кинжал так, что его ошеломленный противник отступил на шаг, не получив, впрочем, ни царапины. В тот же миг Оливер сорвал широкоую шляпу и хлестнул ею по крупу своего скакуна. Пони

немедленно взвился на дыбы и угодил передним копытом прямо в ребра замешкавшемуся циклопу. Вот тут Оливер наконец заметил Лютиена, во весь опор мчавшегося к нему. Хафлинг невозмутимо пожал плечами и вернулся к решению насущных проблем.

Однако соотношение сил все еще оставалось неблагоприятным для грабителя, к тому же он располагал теперь только одним оружием.

Другой стрелок, распростертый на крыше фургона, изменил цель, оставив в покое Оливера, и занялся новым врагом. Циклоп поднял арбалет, но не смог как следует прицелиться, поскольку Лютиен низко наклонился, используя Ривердансера в качестве щита. Циклоп выстрелил и промахнулся, а юноша выпрямился настолько, чтобы сделать ответный выстрел. Его стрела вонзилась в крышу фургона чуть ниже склоненного лица циклопа. Даже на скаку Лютиен умудрился перезарядить арбалет раньше противника, и его второй выстрел, сделанный не более чем с двадцати футов, поразил одноглазого в лицо.

Но тут из-за фургона выскочил другой солдат с занесенной для удара алебардой. Лютиену оставалось только скатиться с седла. Он тяжело приземлился и только тут обнаружил, что находится в дюйме от очередного циклопа. Юноша все еще предусмотрительно сжимал в руках лук. Взмахнув им, словно дубинкой, Лютиен умудрился вскочить на ноги как раз вовремя, чтобы отбить следующий удар.

Оливер сумел развернуть пони так, что оба оставшихся циклопа оказались лицом к нему. Его рапира свистела над предусмотрительно склоненной головой скакуна, отражая удар за ударом. Хафлинг пытался демонстрировать безразличие, даже скуку, но, честно говоря, он был немало встревожен. Циклопы оказались неплохими бойцами, к тому же прекрасно вооруженными. Однако Оливер не протянул бы целых два десятка лет, занимаясь грабежами на большой дороге, не имея про запас нескольких козырей в своих пышных белых рукавах.

— Сзади! — крикнул он неожиданно, и один из циклопов, почти попавшись на примитивную уловку, начал поворачивать голову, чтобы взглянуть через плечо, — нелегкая задача, если у тебя только один глаз, помещенный в центре лица!

Другой циклоп, не моргнув глазом, отразил атаку, а более глупый вернулся назад, вдвойне раздраженный, как только осознал, как глупо он выглядел.

Но Оливер прекрасно знал, что твари не попадутся второй раз на его уловку, более того, он надеялся именно на это.

— Сзади! — крикнул хафлинг снова, просто чтобы унизить их, посмеявшись над легковерием одноглазых. Естественно, оба циклопа взревели и усилили натиск.

Оливер ударил пони пятками, и животное рванулось вперед, оказавшись как раз между циклопами. Они были так заняты своей наступательной позицией, что даже не заметили стремительного маневра, когда хафлинг отпустил поводья и перекатился через круп пони, проделав кувырок и легко приземлившись на ноги. Циклопы развернулись, когда лошадь врезалась между ними, и Оливер немедленно вонзил клинок рапиры в зад одного из них.

Циклоп взревел и отпрянул, а следующий удар рапиры вышиб у него из рук меч.

— Одноглазый глупец, нюхающий навоз! — воскликнул хафлинг, потешно разводя руками. — Я, уважаемый Оливер де Берроуз, даже предупредил тебя, что опасность сзади!

Хафлинг принял лучшую фехтовальную стойку — левая рука на бедре. Он заорал и прыгнул вперед, словно собираясь нанести удар, и раненый циклоп, развернувшись, бросился бежать, крича и потирая пораженное место.

Однако другой циклоп не ослабил натиска.

— Лучше бы ты последовал примеру своего приятеля, — насмехался Оливер, парируя один удар, подныривая под другой и перепрыгивая через третий. — Где тебе справиться с Оливером де Берроузом!

В ответ циклоп выдал свирепый шквал ударов, так что Оливеру пришлось отступить, и хотя он мог, пожалуй, дюжину раз ткнуть своей рапирой, его попытка перейти в наступление позволила бы циклопу нанести ответный удар, а это Оливера никак не устраивало. Тварь была сильной, а его меч — почти таким же тяжелым, как сам хафлинг.

— Я мог ошибаться, — снова признал хафлинг, яростно отмахиваясь, чтобы не подпустить к себе циклопа. Он коротко и резко свистнул, но циклоп не обратил на это внимания.

Мгновение спустя рыжий пони Оливера обрушился на спину циклопа, опрокинув того на землю, а затем принялся топтать орущую тварь. Невероятный скакун, воспитанный необычным хозяином, принялся подпрыгивать на месте, при каждом прыжке круша кости противника.

— Как тебе мой пони? — вежливо осведомился Оливер.

Циклоп взревел и попытался подняться, но копыто обрушилось ему на лицо.

* * *

Лютиен попал в серьезную переделку. Он не был опасно ранен, но все же кровь, струившаяся по лицу, заливала глаза, а наконечник алебарды, мелькавший перед ним, казалось, двоился.

Юноша даже не имел возможности выхватить меч, поэтому, чтобы принудить преследователя хотя бы ненадолго ослабить натиск, ему пришлось вновь использовать лук в качестве дубинки.

Отступая, Лютиен наткнулся на дерево и даже задохнулся от удивления. Проворный юный Бедвир отклонился в сторону, когда циклоп, полагая, что ему некуда деться, нанес удар, и острие алебарды оставило глубокий след на коре.

Лютиен ударил луком, но промахнулся и попал по дереву. Он посмотрел на лук и страдальчески поморщился — тот был сломан пополам.

Циклоп расхохотался; Лютиен бросил лук в него, тварь отбила его в сторону, смех сменился ревом, когда одноглазый вновь ринулся в атаку. Однако теперь циклоп обнаружил, что его противник вооружился мечом.

* * *

Пони Оливера все еще танцевал на ревущем циклопе, когда хафлинг вскочил в седло. Он собирался развернуться и броситься на помощь юноше, который столь своевременно вмешался в неравный бой, но задержался, услышав шепот внутри повозки.

— Застрели его! — требовал женский голос. — Или ты трус?

Оливер согласно кивнул, догадавшись, что неведомая путешественница разговаривала с купцом. Хафлинг был уверен, что большинство купцов трусы. Он вскочил ногами на седло, направил пони к фургону и легко вспрыгнул на крышу, чуть не наступив на распростертое тело циклопа, в лицо которого глубоко вонзилась стрела. Оливер опустил глаза на ботинок, запачканный кровью циклопа, и лицо его скривилось от отвращения. Неожиданно огромная рука шевельнулась и обхватила лодыжку хафлинга, едва не сбросив его с крыши.

Возница упрямо держался, несмотря на стрелу, торчавшую из его груди. Оливер хлестнул его сверху клинком рапиры, а когда циклоп отпустил его лодыжку, чтобы схватиться за новую рану, хафлинг двинул ему в глаз. Циклоп захрипел, попытался закричать и мешком свалился с сиденья между фургоном и лошадьми, нервно переступавшими с ноги на ногу.

— Твое счастье, что ты не запачкал мою прекрасную ворованную одежду, — сообщил ему хафлинг. — Тогда я, безусловно, убил бы тебя.

Насмешливо фыркнув, Оливер продолжил путь по крыше фургона и опустился на одно колено. Мгновение спустя купец высунулся из окна, сжимая в пухлых руках арбалет, направленный в сторону Лютиена и последнего оставшегося солдата.

Что-то стукнуло купца по макушке.

— Не думаю, что тебе в голову пришла мудрая идея, — услышал он сверху. Купец медленно повернул голову вверх, увидев хафлинга, все еще стоящего на одном колене,

упершись локтем в другое. Рука в зеленой перчатке сжимала рапиру, направленную купцу в лицо, а указательный палец хафлинга небрежно постукивал его по носу.

— Я, конечно, не знаю точно, — небрежно продолжил хафлинг, — но думаю, что он может стать моим другом.

Купец заорал и попытался извернуться, чтобы навести арбалет на другого противника. Рапира неожиданно метнулась вперед, мелькнув перед глазами неудачливого воина, и тот замер в шоке. Как только купец слегка пришел в себя и понял, что даже не ранен, он попытался завершить движение, умудрившись нажать на спусковой крючок арбалета. Вот только к тому времени стрелы больше не было в ложе арбалета, поскольку ее легко извлекла оттуда умело нацеленная рапира.

Оливер развел руками и пожал плечами.

— Я молодец, ты должен признать, — сказал он. Купец снова завопил и исчез в фургоне, где на него тут же накинута женщина, обзывая его трусом и многими другими еще более худшими словами.

Оливер удобно уселся на корточках, получая удовольствие от всего в целом, и устремил взгляд на продолжавшуюся схватку.

Циклоп свирепо размахивал алебардой. Юноша, к его чести, не получил новых ран, но он беспорядочно размахивал своим клинком, явно не привычный сражаться против такого длинного оружия.

— Бросайся вперед, когда он пойдет в атаку! — крикнул ему Оливер.

Лютиен услышал совет, но стратегия осталась для него непонятной. Юноше приходилось сражаться против копий, используемых на арене, но те были не более восьми футов длиной. Древко этой алебарды почти вдвое превышало их.

Следуя полученному совету, Лютиен рванулся вперед, когда циклоп вновь ударил, и кончик алебарды немедленно вонзился в правое плечо юноши. Тот с криком упал назад, перекинув меч в левую руку и схватившись за раненое плечо.

— Не так! — выругался Оливер. — Не бей под углом, открывающим твоему врагу линию для атаки!

И Лютиен, и его противник на мгновение застыли, недоумевая, о чем это, черт возьми, толкует этот странный хафлинг.

— Не подставляйся приближающемуся вражескому наконечнику, — поучал Оливер. — Так поступает только неразумная гадюка, неужели ты глупее ползучей твари?

Хафлинг разразился долгой речью об особых методах отражения ударов длинного оружия и о нападении гадюк, но Лютиен больше не слушал. Скользящий удар вынудил его откатиться в сторону, а прямой — отшатнуться назад. Циклоп изменил направление и вновь ринулся вперед, полагая, что юноша потерял равновесие. Впрочем, он как будто действительно потерял его. Лютиен упал лицом на землю под алебарду. Кончик оружия циклопа царапнул юношу по спине, но не нанес серьезных повреждений, и Лютиен, извернувшись, ухватился рукой за древко алебарды, а меч резко направил вверх. Длинное оружие треснуло.

— Отлично проделано! — последовал крик хафлинга с крыши фургона.

Однако циклоп не остался безоружным. Он все еще сжимал сломанное древко, которое эффективно использовал в качестве копья. Едва похвала сорвалась с уст хафлинга, как одноглазый взревел и рванулся вперед, навалившись на юношу, пытавшегося встать. Он наставил импровизированное копье на поверженного противника, вознамерившись немедленно проткнуть его.

— Ох, — выдохнул хафлинг, когда циклоп всем своим весом навалился на копье и начал безжалостно вкручивать его в распростертое тело. Лежа на земле, Лютиен извивался и вопил.

Оливер прижал свою огромную шляпу к груди и склонил голову в знак уважения. Но циклоп неожиданно дернулся и выпрямился, выпустив оружие. Он шатаясь отступил на несколько шагов и попытался повернуться, и Оливер заметил, что тот прикрывает живот,

надеясь удержать вываливавшиеся внутренности. Прямо на земле лежал меч юноши, наполовину окрашенный кровью. Лютиен сел и отбросил древко в сторону. Оливер громко рассмеялся, поняв, что произошло на самом деле. Копье вовсе не проткнуло Лютиена — он зажал под мышкой оружие циклопа и перекатился на бок, чтобы обман не был замечен.

— Полагаю, этот парень может мне понравиться, — заметил хафлинг, приветствуя победителя взмахом шляпы.

— Ну, трусливый жирный купец, теперь ты признаешь себя побежденным? — заорал Оливер, распахивая дверцу повозки. — Ты можешь выйти сам — или тебя вытащит острие моей прекрасной рапиры!

Дверца со скрипом открылась, и купец вылез наружу, сопровождаемый накрашенной и надушенной дамой, облаченной в малиновое шелковое платье с очень глубоким декольте и вызывающе короткой юбкой. Женщина окинула хафлинга презрительным взглядом, но выражение ее лица резко изменилось, когда она заметила привлекательного юного Бедвира, собиравшегося присоединиться к группе.

Лютиен поймал ее похотливый взгляд и ответил презрительной ухмылкой. Он немедленно вспомнил Авонезу, и его левая рука бессознательно потянулась к эфесу окровавленного меча.

Три изящных прыжка — на сиденье, на круп лошади и на землю — привели Оливера вниз, к остальным, и он закружился вокруг двух пленников. Хафлинг свободной рукой сдернул кошель с пояса купца, а острием рапиры — ожерелье с шеи женщины.

— Ступай обыщи фургон, — велел он Лютиену. — Я не просил тебя о помощи, но милостиво соглашусь разделить добычу.

Разбойник помедлил, на мгновение задумавшись, подсчитывая улов. Сперва он записал на счет Лютиена трех циклопов, половину врагов, затем напомнил себе, что возница принадлежит ему.

— Ты расправился с двумя из шести, — признал он. — Следовательно, четыре шестых добычи — мои.

Лютиен выпрямился, пораженный.

— Ты полагаешь, тебе причитается половина? — возмутился хафлинг.

— Я не грабитель! — объявил юноша.

Все трое — Оливер, купец и дама — оглядели окружающую бойню, мертвых и раненых циклопов, валявшихся в грязи.

— Теперь ты стал им, — сказали они хором, и Лютиен вздрогнул.

— Фургон! — напомнил Оливер, нарушив наконец затянувшееся молчание. Лютиен пожал плечами и двинулся за ним, войдя в фургон. Он содержал массу отделений, заполненных съестными припасами, шальями, парфюмерией и прочими вещами, необходимыми в пути. Однако после нескольких минут поиска Лютиен обнаружил под сиденьем маленький железный сундучок. Он вытолкнул его в открытую дверь и вылез следом.

Оливер поставил купца на колени, обыскивая его одежду до нижнего белья и утомленно постанывая.

— Так много карманов, — объяснил хафлинг юноше, обшаривая огромный камзол.

— Ты можешь обыскать меня, — промурлыкала женщина, обращаясь к Лютиену, и он отступил на шаг, стукнувшись об открытую дверь фургона.

— Если ты прячешь под этим что-либо стоящее, — ответил ей хафлинг, окидывая оценивающим взглядом ее облегающий наряд, — то ты даже наполовину не являешься такой женщиной, какой прикидываешься!

Он смеялся своей собственной шутке, пока не заметил железный ящичек в руках у Лютиена. Затем глаза Оливера вспыхнули.

— Я вижу, нам пора, — сказал он, отшвырнув прочь камзол.

— Как насчет них? — спросил Лютиен.

— Мы должны их убить, — небрежно ответил Оливер. — Или они наведут на нас всю

преторианскую гвардию.

Лютиен сердито нахмурился. Одно дело — схватка с вооруженными циклопами, но убийство беззащитных пленников и раненых врагов (даже если они были циклопами), побежденных на поле чести, — это совсем другое. Однако еще до того, как юноша запротестовал, хафлинг застонал и воздел руки в притворном отчаянии.

— О, но один из одноглазых удрал, — с преувеличенным ужасом воскликнул Оливер. — Так что мы не сможем устранить всех свидетелей. Может статься, милосердие сослужит нам неплохую службу.

Он оглянулся вокруг на стонущих циклопов. Возница лежал позади повозки, другой циклоп, втоптаный в землю скакуном Оливера, теперь приподнялся на одном локте, наблюдая за происходящим. Тот, которому Лютиен пропорол живот, все еще стоял на коленях, прижимая руку к брюху, а циклоп, которого отправил в полет пони Оливера, уже, хотя и нетвердо, поднялся на ноги, однако не делал попыток приблизиться к грабителям. Не считая того, которого Оливер обратил в бегство, поразив в зад, оставался только мертвый арбалетчик на крыше фургона.

— Между тем, — добавил хафлинг с ухмылкой, — ты единственный, кто действительно убил кого-то.

— Возьмите меня с собой! — неожиданно возопила дама, бросаясь к Лютиену. Она обрушилась на него, и юноша уронил сундучок — прямо себе на ноги. Вдохновляемый болью, одуряющим запахом духов женщины и вернувшимися воспоминаниями об Авонезе, Лютиен взревел и отшвырнул ее назад, а затем, прежде чем сообразил, что он делает, юноша ударил ее кулаком прямо в лицо, заставив тяжело рухнуть на землю.

— Мы должны поработать над твоими манерами, — заметил Оливер, покачив головой. — И над твоими представлениями о рыцарстве, — попенял он купцу, который даже слабо не попытался заступиться за свою спутницу.

— Но это, как и сундучок с сокровищами, может подождать, — пояснил хафлинг. — В дорогу, мой друг!

Лютиен пожал плечами, не имея представления, что делать, не отдавая отчета даже в том, что он уже успел натворить.

— Тредбар! — выкрикнул Оливер, и Лютиен понял, что так, вероятно, именовался скакун хафлинга. Сообразительный пони Оливера рысцой обежал упряжку и опустился на колени, чтобы хафлинг мог с удобствами взобраться в седло.

— Пристрой сундучок на лошадь, — командовал Оливер. — Я пойду поищу свой кинжал. А ты, — обратился он к дрожащему купцу, приподняв ему голову острием рапиры, — считай, как если бы ты считал свои монеты. И не останавливайся, пока ты не сосчитаешь их как минимум тысячу раз!

Лютиен привел Ривердансера и пристроил сундучок перед седлом. Затем он отошел и помог женщине подняться на ноги. Юноша хотел принести искренние извинения — это, в конце концов, была не Авонеза (а они с хафлингом только что ограбили ее), но женщина немедленно снова обвилась вокруг него, покусывая за мочку уха. Приложив немалые усилия (и чуть не оставшись без уха), Лютиен умудрился отодвинуть ее на длину руки.

— Такой сильный, — промурлыкала стареющая прелестница.

— Твоя дама? — осведомился Оливер, проезжая мимо коленопреклоненного купца.

— Моя жена, — кисло отозвался тот.

— Кажется, перед нами весьма покладистый супруг, — сказал Оливер. — Но все же теперь у нас есть деньги.

Лютиен так резко оттолкнулся и вскочил в седло, что чуть не перелетел на другую сторону. Он послал Ривердансера в галоп, с некоторым испугом оглядываясь на женщину, которая делала отчаянные попытки догнать пригожего грабителя.

Оливер с иронией взглянул на юношу, затем развернул Тредбара к купцу и его жене.

— Теперь вы можете рассказывать всем своим жирным приятелям купцам, что вас ограбил сам Оливер де Берроуз, — сказал он, словно это могло утешить пострадавших.

Пони взвился на дыбы, и Оливер, взмахнув шляпой, умчался прочь.

7. ПЕРЕПРАВА ДАЙМОНДГЕЙТ

— Я — Оливер де Берроуз, — произнес хафлинг, переводя пони на неспешную рысь, после того как оба всадника оставили позади не менее двух миль. — Грабитель с большой дороги, — добавил он, грациозно взмахивая шляпой.

Лютиен собирался назвать себя, но Оливер, оказывается, еще не закончил.

— Я раньше говорил «хафлинг с большой дороги», но купцы не относились к этому серьезно, так что приходилось гораздо чаще использовать клинок рапиры. Чтобы настоять на своей точке зрения, если ты понимаешь, о чем я говорю.

С этими словами он вытащил рапиру из петли перевязи и взмахнул ею, чуть не угодив в лицо спутнику.

— Я понимаю, — уверил его юноша, осторожно отводя опасное оружие прочь. Он попытался представиться, но его вновь перебил франтоватый джентльмен удачи.

— А это мой замечательный пони Тредбар, — объяснил Оливер, ласково похлопывая желтого конька. — Не самый красивый, конечно, но посообразительнее многих лошадей, да и большинства людей тоже.

Лютиен потрепал собственного мохнатого скакуна и начал:

— Риверда...

— Я ценю твою неожиданную помощь, — продолжал Оливер, игнорируя попытку Лютиена заговорить. — Конечно, я и сам бы справился, понимаешь, их ведь было всего шестеро. Но как говаривал мой папаша-хафлинг: «Принимай помощь везде, где ты ее найдешь», — так что я благодарю...

— Лют... — начал юноша.

— Конечно, моя благодарность не выходит за рамки раздела добычи, — быстро добавил Оливер. — Одна четверть — твоя. — Он оглядел простое платье Лютиена с явным пренебрежением. — И в ней, возможно, будет больше монет, чем ты когда-либо видел.

— Возможно, — немедленно отозвался сын эрла Бедвидрина, пытаясь скрыть улыбку. Лютиен, однако, вспомнил, что покинул дом, не прихватив с собой достаточно денег. Ему хватило бы на переправу и на то, чтобы продержаться несколько дней, но, когда юноша покидал Дун Варну, он не слишком задумывался о том, что будет дальше.

— Стало быть, я не в долгу перед тобой, — сказал Оливер, переведя дыхание, прежде чем Лютиен смог в четвертый раз назвать свое имя. — Но я позволю тебе ехать со мной, если хочешь. Этот купчик не слишком удивился, увидев меня, — и он прекрасно понимал, что я не стану связываться с фургоном, который охраняют шестеро циклопов. Однако он спрятал их, — воскликнул хафлинг, разговаривая, казалось, сам с собою. Затем он щелкнул пальцами и так резко повернулся к Лютиену, что юноша вздрогнул.

— Я думаю, он спрятал одноглазых, чтобы заманить меня! — воскликнул Оливер.

Он помедлил мгновение, теребя бородку рукой, затянутой в зеленую перчатку.

— Да, да, — продолжил он. — Купец знал, что я на дороге, — это не первый раз, когда я граблю его. Я поймал его возле Принстауна однажды, я уверен. — Он поднял глаза на Лютиена, кивая головой. — И, конечно, в любом случае, он слышал мое имя. Итак, ты можешь ехать со мной, — позволил он. — Временно. Пока мы не вырвались из ловушки этого типа.

— Ты думаешь, опасность подстерегает впереди?

— Я только что сказал это.

Лютиен вновь спрятал улыбку, поражаясь искренней вере этого коротышки в то, что является неким легендарным разбойником. Лютиен никогда не слышал об Оливере де Берроузе, хотя купцы, бывавшие в доме его отца в Дун Варне, часто рассказывали истории о грабителях на дорогах.

— Я уверяю тебя, — начал Оливер, но остановился и с любопытством взглянул на

юношу. — Ты знаешь, — сказал он, казалось, немного смутившись, — тебе следует представиться должным образом, когда путешествуешь с кем-то, кого не встречал ранее. Это необходимый этикет, особенно для порядочных грабителей. Ну ладно, — закончил он, глубоко вздохнув. — Возможно, ты приобретешь должные манеры за время, проведенное рядом с Оливером де Берроузом.

— Я — Лютиен, — торопливо выкрикнул юноша, прежде чем Оливер смог снова прервать его. Странно, что юноша не сообразил представиться вымышленным именем. Но ни одно в тот момент не пришло ему в голову, да он на самом деле не видел в этом смысла. — Лютиен Бедвир из Дун Варны. А это Ривердансер, — добавил он, еще раз похлопав лошадь.

Оливер коснулся шляпы, затем слегка подскочил в седле.

— Бедвир? — спросил он более себя, нежели Лютиена, словно хотел еще раз услышать звук имени. — Бедвир. Это имя не кажется мне незнакомым.

— Гахриз Бедвир — эрл Бедвидрина, — пояснил Лютиен.

— Знакомое имя! — широко улыбнулся Оливер, подняв вверх палец. Затем улыбка сменилась удивлением.

— Родственник?

— Отец, — признался Лютиен.

Оливер попытался ответить, но чуть не задохнулся от возмущения.

— И ты здесь, на дороге — для забавы! — воскликнул хафлинг. В Гаскони, где Оливер провел большую часть жизни, беспутные дети из знатных семей часто влезали в разного рода авантюры, включая грабеж купцов на дорогах, зная, что семейные связи спасут их от неприятностей. — Доставай меч, ты, глупый мальчишка! — заорал хафлинг, размахивая рапирой и кинжалом. — Я терпеть не могу подобные выходки!

— Оливер! — откликнулся Лютиен, развернув Ривердансера, чтобы оставить свободное пространство между собой и разъяренным хафлингом. — О чем ты говоришь?

Когда хафлинг развернул пони, вознамерившись преследовать юношу, Лютиен нехотя вытащил оружие.

— Ты позоришь каждого порядочного грабителя в нашей стране! — продолжал хафлинг. — Зачем тебе монеты и драгоценности?

Тредбар боком приближался к Ривердансеру, и хотя хафлинг был вполтину ниже Лютиена и едва мог дотянуться до его жизненно важных органов, грабитель решительно взмахнул рапирой.

Меч Лютиена перехватил оружие и отвел его в сторону. Оливер ответил серией стремительных ударов, финтов и взмахов, включавших в себя даже ложные выпады кинжалом.

Лютиен умело парировал каждое движение, используя свое совершенное умение только для защиты.

— Но это игра для сына эрла, — саркастически заметил хафлинг. — Ему надоело изо дня в день терроризировать своих подданных.

Оливер не ослаблял натиска, явно настроившись весьма серьезно.

Однако последнее обвинение, брошенное им Лютиену, оскорбляло и его, и его отца, который никогда не стал бы действовать подобным образом. Лютиен откинулся в седле, предоставив Оливеру выплескивать ярость, затем ответил серией собственных атак, решительно скрестив меч с рапирой хафлинга. Оливер завопил и взмахнул кинжалом, полагая, что он может выбить оружие Лютиена, как он проделал с циклопом.

Юноша оказался проворнее одноглазого, и ему удалось развернуть клинок прежде, чем Оливер начал вращать кинжалом, захватившим в ловушку его меч, почти выбив оружие из руки хафлинга и освободив собственное.

Огромная шляпа Оливера свалилась на землю, и оба поняли, что голова хафлинга могла оказаться внутри нее, если бы Лютиен пожелал этого.

Рывок поводьев заставил Тредбара попятиться на несколько футов назад.

— Я мог и ошибаться, — признал хафлинг.

— Ты ошибаешься, — резко ответил Лютиен. — Я не сомневаюсь, что ты с легкостью найдешь недостатки в характере Гахриза Бедвира. Он не следует велениям сердца, если речь идет об указах короля Гринспэрроу, или герцога Монфора, или любого его представителя. Но под угрозой смерти не смей говорить о Гахризе как о тиране!

— Я же сказал, я мог ошибаться, — ответил Оливер рассудительно.

— Что касается меня... — продолжил Лютиен упавшим голосом, поскольку внезапно вся ситуация, в которой он очутился, показалась абсурдной.

«Что касается меня? — задался он вопросом. — Что произошло сегодня?» Растерянному юноше никак не удавалось собраться с мыслями.

Оливер хранил молчание, не прерывая раздумий Лютиена, понимая, что его рассказ может оказаться очень важным — и для Оливера, и для самого юноши.

— Я больше не претендую на какие-либо права, связанные с именем Бедвир, — мрачно сказал Лютиен. Я сбежал из дома, оставив позади труп циклопа-стражника. И теперь я выбрал свой путь.

Он задумчиво вертел в руках меч, так что лучи солнца отражались от блестящей поверхности клинка, все еще покрытого кровью охранника-циклопа.

— Я также вне закона, как и ты, Оливер де Берроуз, — объявил Лютиен. — Вне закона в землях, управляемых королем, не признающим законов. Так пусть мой меч послужит справедливости.

Оливер поднял рапиру, словно в салюте, демонстрируя свое согласие. Он подумал, однако, что Лютиен — глупый мальчишка, не понимающий ни правил, ни опасностей дороги. «Справедливость»? — Оливер чуть не расхохотался вслух при этой мысли. Меч Лютиена может сражаться во имя справедливости, но рапира Оливера трудилась ради выгоды. Все же юноша был мощным союзником — Оливер не мог этого отрицать. «К тому же, — размышлял хафлинг, демонстрируя Лютиену понимающую улыбку, — если молодого человека действительно интересовала в основном справедливость, то большая часть добычи придется на долю Оливера».

Внезапно хафлинг с большой дороги сообразил, что их союз может оказаться долговременным.

— Я принимаю твоё объяснение, — сказал он. — И прошу прощения за свои слишком поспешные действия.

Он вновь потянулся к шляпе, но вспомнил, что она валяется на земле. Лютиен также заметил ее и хотел было нагнуться, но Оливер взмахом руки удержал его. Низко склонившись с седла, хафлинг легко подцепил шляпу острием рапиры. Затем последовало неумовимое движение рукой, и шляпа аккуратно приземлилась на макушку хозяина.

Лютиен восхищенно покачал головой в ответ на довольную ухмылку Оливера.

— Но нам небезопасно оставаться на этом острове, мой друг вне закона, — сказал Оливер, чей тон стал серьезным. — Этот купец знал меня, или обо мне, и ожидал меня. Возможно, он прибегнул к помощи твоего собственного отца, чтобы организовать охоту на Оливера де Берроуза. — Хафлинг сделал паузу и фыркнул. Он взглянул на Лютиена и громко расхохотался. — Чудесная ирония! — закричал Оливер. — Он обращается за помощью к эрлу, в то время как сын эрла ищет поддержки у меня! — Оливер продолжал хохотать, и Лютиен присоединился к нему — впрочем, более из вежливости.

Путникам не удалось достигнуть переправы до заката, на что надеялся Лютиен. Юноша объяснил Оливеру, что перевозчики не станут выходить в неспокойное море ночью. В темноте наблюдатели с острова не могут разглядеть, зашли ли дорсальские киты в узкие проливы. Описания десятитонных людоедов оказалось достаточно, чтобы убедить Оливера отказаться от планов сегодня же покинуть остров, и беглецы решили раскинуть лагерь.

Ночью Лютиен долго сидел возле шипящего и дымящего огня, не обращая внимания на мелкую изморось. Тредбар и Ривердансер тихо стояли в стороне, опустив головы, а по другую сторону костра удовлетворенно посапывал Оливер.

Наконец юноша забился под одеяло, спасаясь от холода. Он все еще не мог поверить в то, что произошло за последние несколько дней: Гарт Рогар, его брат, стражник-циклоп, а теперь нападение на купеческий фургон. Юному Бедвиру казалось, будто он свалился в реку неконтролируемых событий и теперь просто плыл по течению.

«Нет, — решил наконец Лютиен. — Просто эти события были неизбежными». Мир, открывшийся перед ним, оказался вовсе не таким, как ожидалось. Возможно, его последние действия в Дун Варне — его решение уйти и схватка с циклопом — стали чем-то вроде расставания с детством, впрочем, довольно болезненного. Наивному отпрыску знатного семейства пришла пора пробудиться от сладкого сна и лицом к лицу столкнуться с жестокой реальностью.

Пока что Лютиен твердо знал только одно: он последовал велениям своего сердца и в Дун Варне, и когда он увидел схватку Оливера с охранниками купца. Возможно, ему вскоре придется пожалеть о принятых решениях. И все же юноша не сомневался, что, если бы все повторилось, он вновь поступил бы также.

Следующий день был таким же серым и сырым, но компаньоны быстро собрались и отправились в путь. Скоро на них пахнуло свежим морским ветром, а на языке появился привкус соли.

— Если бы день был ясным, — объяснил Лютиен, — отсюда мы могли бы разглядеть северные пики Айрон Кросса.

— Откуда ты знаешь? — с иронией спросил Оливер. — Разве на этом острове случаются ясные дни?

Насмешка была легкой, и так же легко было у них на сердце. (Впрочем, казалось, Оливер вообще нечасто печалился!) Лютиен чувствовал какое-то облегчение, словно он обретет свободу, как только пересечет узкий пролив и ступит на Эриадор. Широкий мир неодолимо манил неопытного юношу.

Но сперва им следовало переправиться.

С вершины скалистого утеса парочка бросила первый взгляд на Даймондгейтский перевоз и материк, видневшийся за узким проливом. Место называлось так благодаря маленькому ромбовидному² островку, глыбе мокрого черного камня в середине пролива.

Две плоских открытых баржи покачивались у длинных деревянных причалов, чьи сваи были такими же толстыми, как древние дубы. В стороне виднелись останки старых паромов, так же прекрасно сконструированных, их гибель свидетельствовала о силе и ярости моря.

Паромы, в том числе оба ныне стоящих на якоре в канале, были изобретены и построены гномами Айрон Кросса более трех столетий назад. До сих пор островитяне берегли их и чинили, когда скалам, течениям или дорсальским китам удавалось все же повредить баржи. Их конструкция была простой и эффективной: открытая плоская площадка для грузов и путешественников с закрепленными на каждом углу толстыми балками, которые аркой сходились в десяти футах над центром. Здесь балки соединялись с длинной металлической трубой, а сквозь нее проходила толстая веревка, по которой паром двигался от берега к берегу. Огромные шестеренки виднелись по обе стороны трубы, заходя внутрь нее через прорези в стенках. Установленный на палубе ворот соединялся с этими шестеренками посредством многоступенчатой зубчатой передачи, они же, в свою очередь, цеплялись за узлы на туго натянутом канате и двигали паром. Благодаря великолепно изготовленным гномами механизмам один сильный человек мог двигать паром, даже если тот был тяжело нагружен.

И все же переправа всегда оставалась опасной. Вода в этот день, как, впрочем, и в любой другой, пенилась белыми гребнями на многочисленных скалах. Одна из барж постоянно находилась в нерабочем состоянии. Ее вытаскивали на берег, чтобы поменять канат или укрепить настил палубы. Несколько дюжин человек целыми днями работали у

² Даймондс (англ.) — бубновая карточная масть.

Даймондгейта, только чтобы содержать переправу в порядке.

— Они собираются чинить вон ту, — объяснил Лютиен, знакомый с работой перевозчиков, указывая Оливеру на северную баржу. — И кажется, другая собирается отчалить. Мы должны поторопиться, или придется долго ждать, возможно, пока следующая начнет переправу.

Он причмокнул, подавая знак Ривердансеру, и конь направился по тропинке, ведущей к пристани.

Несколькими минутами позже Тредбар догнал их и взвился на дыбы, а Оливер схватил Лютиена за руку, подавая тому знак остановиться.

— Но паром... — запротестовал Лютиен.

— Впереди засада, — объяснил Оливер.

Юноша недоверчиво взглянул на спутника, затем вновь посмотрел на пристань. Более двух десятков людей бродили внизу, но среди них была только пара циклопов, да и у тех вроде бы не было оружия — просто путники, ожидавшие переправы. Правда, насколько знал Лютиен, на Бедвидрине было всего несколько циклопов, и они принадлежали лишь купеческой охране или его отцу лично. Тем не менее по указу короля Гринспэрроу циклопам позволялся свободный проезд — как гражданам Эйвона, и происходящее на Даймондгейте вовсе не казалось из ряда вон выходящим.

— Ты должен научиться чутать такие вещи, — пояснил Оливер, заметив сомнения юноши. Лютиен пожал плечами и двинулся вперед по дороге настолько быстро, насколько позволял хафлинг.

Оба циклопа и многие люди заметили приятелей, когда те находились в сотне футов от пристани, но никто из них, казалось, не проявил чрезмерного интереса к новым путникам. Оливер, однако, еще немного замедлил ход, его глаза шныряли туда и сюда из-под полей шляпы.

Протрубил рожок, давая понять, что все должны отойти назад от края пристани, поскольку баржа сейчас отчалит. Лютиен немедленно рванулся вперед, но Оливер придержал его.

— Они отчаливают, — шепотом запротестовал юноша.

— Спокойней, — уговаривал его Оливер. — Пусть они думают, что мы просто собираемся подождать следующей переправы.

— Пусть думает кто? — спросил Лютиен.

— Видишь те бочонки вдоль пристани? — спросил Оливер.

Лютиен перевел взгляд в том направлении, но спутник крепко сжал его руку.

— Не так явно! — шепотом выругался хафлинг.

Лютиен вздохнул и незаметно посмотрел на бочонки, которые имел в виду Оливер. Они выстроились длинной линией вдоль пристани, вероятно, в ожидании обоза, который перевезет их в глубь острова.

— Они помечены крестиками, — пояснил Оливер.

— Вино, — объяснил Лютиен.

— Если там вино, почему тогда у многих открыты отверстия? — спросил хафлинг, находящийся в постоянной боевой готовности.

Лютиен взглянул более внимательно и действительно заметил, что в каждом третьем была вынута затычка.

— И если циклопы на пристани — простые путники, — продолжал Оливер, — то почему они не на отходящей барже?

Лютиен снова вздохнул, на этот раз показывая, что готов слушаться, соглашаясь с доводами хафлинга.

— Твой конь может прыгать? — спокойно спросил Оливер.

Лютиен заметил, что баржа медленно отходит от причала, и понял, о чем подумал хафлинг.

— Я скажу тебе, когда начинать, — уверил его Оливер. — И сбрось бочонок в воду,

если по дороге будет возможность.

Дрожь возбуждения пробежала по телу юноши, и слегка засосало под ложечкой, словно ему вновь предстояло выйти на арену. Теперь юноша не сомневался, что жизнь рядом с Оливером де Берроузом не покажется скучной!

Их скакуны легко ступили на доски тридцатифутовой пристани, без приключений миновав двух рабочих. Третий рабочий, один из грузчиков, приблизился к ним с улыбкой.

— Следующий паром будет за час до полудня, — объяснил он приветливо и указал на небольшой сарай, начав объяснять, что там путники смогут отдохнуть и поесть, пока ожидают переправы.

— Слишком долго! — неожиданно завопил Оливер, и вслед за Тредбаром Ривердансер рванулся вперед. Грузчик бросился с дороги, два циклопа закричали, извлекая короткие мечи из-под плащей. Как и предсказывал Оливер, каждый третий бочонок начал двигаться, крышки полетели прочь, и наружу полезли циклопы.

Но благодаря осторожному хафлингу обоих приятелей не удалось застать врасплох. Ривердансер метнулся вслед за пони Оливера и пролетел мимо двух циклопов, расшвыряв их в разные стороны. Оливер двинул Тредбара к краю причала, вдоль длинного ряда бочонков, и умудрился столкнуть многие в море.

Медленно двигавшийся паром находился в пятнадцати футах, когда Лютиен достиг края пристани, не особенно сложный прыжок для мощного Ривердансера. Юноша напрягся и послал коня вперед.

Оливер последовал за ним, приподнявшись в седле и размахивая шляпой в одной руке, в то время как Тредбар перелетел через узкую полоску воды и приземлился, скользя и подпрыгивая, на палубе возле Ривердансера. Позади, на пристани, дюжина циклопов возмущенно орала и размахивала оружием, но Оливер, более осторожный, чем его неопытный товарищ, не обращал на них внимания. Хафлинг соскочил с коня, его оружие взметнулось навстречу циклопу, неожиданно появившемуся из-за штабеля грузов.

Рапира и кинжал превратились в ослепительное пятно, какой-то завоораживающий танец стали, сверкающим облаком окутавший противника хафлинга. Потрясенный циклоп застыл на месте, не в силах защищаться. Но когда танец завершился, циклоп не только не был убит, но даже, казалось, не получил ни царапины. Его взгляд опустился на кожаную куртку, и тварь заметила, что хафлинг вырезал на ней изящную букву «О».

— Я мог написать мое полное имя, — заметил Оливер. — И я уверяю тебя, оно у меня очень длинное.

С яростным ревом циклон рванулся вперед, подняв тяжелый топор, но Оливер немедленно двинулся навстречу, проскочив прямо между широко раздвинутыми ногами циклопа, и извернулся, уколотив циклопа в зад рапирой.

— Я мог бы еще поиздеваться над тобой, — объявил хафлинг. — Но я вижу, что ты слишком глуп и просто не поймешь, что над тобой издеваются.

Циклоп взревел и обернулся, затем инстинктивно посмотрел вперед, как раз вовремя, чтобы заметить летящий в лицо кулак Лютиена. Оливер тем временем переменял позицию и ринулся вперед, ударив плечами под колени циклопа. От удара он тяжело грохнулся на палубу. Еще мгновение он дергался, затем затих.

Всплеск заставил Лютиена повернуться. Теперь циклопы на пристани раздобыли копья и метали их в баржу.

— Попроси капитана, чтобы эта посудина двигалась побыстрее, — спокойно сказал Оливер юноше, проходя мимо. Затем протянул ему небольшой мешочек с монетами. — И заплати ему.

Оливер направился на корму, демонстративно не замечая непрекращавшегося града копий.

— Вы пахнете, как твари на скотном дворе! — насмеялся он. — Неуклюжие глупцы, которые попадают в глаз, когда хотят поковырять в носу!

Циклопы взревели и стали швырять активнее.

— Оливер! — закричал Лютиен.

Хафлинг обернулся, чтобы успокоить его.

— У них только один глаз, — объяснил он. — Никакого глазомера. Неужели ты не знаешь, что циклопы не умеют метать?

Он повернулся, расхохотавшись, затем закричал:

— Привет! — И подпрыгнул, когда копье воткнулось в палубу прямо у него между ног.

— Ты мог ошибаться, — сказал Лютиен, имитируя акцент и обычную манеру хафлинга выражаться.

— Даже одноглазым иногда везет, — ничуть не смутившись, признал хафлинг, прищелкнув пальцами, затянутыми в зеленую перчатку. И желая вернуть доверие к своей точке зрения, выпустил новый залп насмешек в сторону циклопов на причале.

— Что происходит? — осведомился немолодой, выдавший виды мужчина, схватив Лютиена за плечо. — Я не потерплю. — Он остановился, когда Лютиен сунул монеты ему в руку. — Что ж, тогда ладно, — сказал мужчина. — Но лучше привяжите лошадей, иначе вы сами будете виноваты в потере.

Лютиен кивнул, и жилистый старик пошел обратно к вороту.

Паром двигался удручающе медленно для встревоженных компаньонов, фут за футом преодолевая беспокойные темные воды залива, где Эйвонское море встречалось с Дорсальским. Они видели циклопов, которые сустились на причале, пытаясь спустить на воду вторую баржу, чтобы броситься в погоню. Лютиен не слишком тревожился, понимая, что баржи, рассчитанные на пересечение опасных вод, не могут развить приличную скорость. Они с Оливером сильно оторвались от преследователей, а Ривердансер с Тредбаром, коснувшись земли, оставят позади милю или больше, прежде чем циклопы сойдут с парома.

Оливер присоединился к юноше возле лошадей, хромая и жалуясь.

— Ты ранен? — встревожился Лютиен.

— Мой башмак, — ответил хафлинг, взяв его в руку, чтобы показать юноше. Башмак казался неповрежденным, хотя и очень грязным и мокрым, словно Оливер сунул его прямо в воду.

— Пятно! — пояснил хафлинг, поднимая его выше, почти к лицу Лютиена. — Когда я гулял по крыше купеческого фургона, я наступил на кровь мертвого циклопа. Теперь я не могу стереть пятно!

Лютиен пожал плечами, недоумевая.

— Я украл эти башмаки в лучшей закрытой школе в Гаскони, — ворчал Оливер. — У сына друга самого короля! Где я найду себе другие в этих диких землях, которые ты называешь домом?

— По-моему, с ним все в порядке, — возразил Лютиен.

— Он никуда не годится! — сокрушался Оливер, скрестив руки на груди и притопывая другой ногой, глядя на пострадавший башмак с истинным огорчением.

Лютиен посчитал, что лучше воздержаться от насмешек над расстроенным товарищем.

В нескольких футах от них поверженный циклоп застонал и начал шевелиться.

— Если он очнется, я дам ему в глаз, — ровным голосом предупредил Оливер. — Дважды.

Оливер устремил пылающий взгляд на Лютиена, которого распирало от смеха.

— А затем я напишу свое имя, свое полное имя, мое очень длинное полное имя на твоей толстой заднице, — пообещал хафлинг.

Лютиен уткнулся лицом в лохматую шею Ривердансера и затрясся от хохота.

Паром уже удалился на сотню ярдов и приблизился к островку Даймондгейт. Казалось, друзьям удался побег, и даже надувшийся Оливер повеселел.

Но затем канат неожиданно дернулся. Лютиен с Оливером оглянулись на берег и заметили циклона, повисшего на высоком шесте, державшем канат. Циклоп пытался перерубить канат топором.

— Эй, не смей этого делать! — заорал капитан парома, бросившись на корму. Лютиен уже собирался спросить, что же может случиться, и тут канат свободно провис. Юноша получил ответ на свой вопрос, когда паром, подхваченный течением, начал вертеться и его понесло к югу, прямо на скалы.

Капитан побежал в другую сторону, выкрикивая приказы единственному матросу. Тот бешено работал воротом, но паром не мог двигаться быстрее. Он продолжал ползти с удручающей медлительностью, и его неотвратимо увлекало к югу.

Лютиен и Оливер крепко вцепились в седла и пытались как-нибудь удержаться на ногах, когда паром резко качнуло. Он задел за несколько небольших скал, с трудом миновал огромный острый выступ и наконец врезался в скалы, обступившие маленькую узкую бухточку.

Груз посыпался в воду, циклоп, который только что начал приходить в себя, свалился вниз, ударившись о покрытый водорослями камень, где и затих. Одного из пассажиров постигла столь же печальная участь: он кувырком полетел в воду, извиваясь и вопя. Тредбар и Ривердансер удержались на ногах, хотя пони слегка наклонился на бок, наступив на босую ногу Оливера. Тот немедленно преодолел свое отвращение к испачканному башмаку и достал его из кармана.

Волны бушевали под ними, перетирая паром о камни, в щепки разбивая деревянные борта. Лютиен бросился ничком на палубу, подполз к борту, сгреб упавшего человека и выдернул его из воды. Капитан закричал, чтобы матрос вернулся к вороту, но выругался, поняв, что с незакрепленным концом управляющего каната паром не сможет вырваться из течения.

— Приведи Ривердансера! — закричал Лютиен Оливеру, поняв проблему. Он склонился с кормы парома и поймал конец каната, затем оглянулся вокруг, решив наконец, за который из множества камней лучше всего зацепить его. Юноша передвинулся на самый край и свернул канат петлей, готовясь к броску.

Волна чуть было не смыла смельчака за борт, но Оливер вцепился в пояс товарища и удержал на месте. Лютиен накинул канат на скалу и подтянул его как можно туже. Оливер вскарабкался на спину Ривердансеру и развернул лошадь, а молодой человек вскочил позади, привязав канат к задней луке седла.

Хафлинг очень осторожно двинул лошадь вперед, и веревка натянулась, выровняв качавшийся паром. Оливер заставлял лошадь двигаться вперед, не допуская ни малейшего провисания каната, пока Лютиен закреплял и натягивал его. Затем приятели освободили Ривердансера, и механизм вновь заработал, осторожно уводя паром из бухты и от скал. Вздых облегчения вырвался из груди капитана, матроса и четырех остальных пассажиров.

— Я отведу паром к Даймондгейтской пристани, — сказал капитан Лютиену, указывая на причал за скоплением скал. — Там мы подождем, пока с противоположной стороны за нами придет другая баржа.

Лютиен указал капитану назад, на пролив, где другой паром, полный циклопов, уже начал свой путь через канал.

— Нам необходимо попасть на другой берег, — сказал юный Бедвир. — Я прошу вас.

Капитан кивнул, с сомнением глядя на временно укрепленный канат, и двинулся назад, на нос парома. Однако всего через несколько минут он вернулся обратно, сокрушенно качая головой.

— Мы должны остановиться, — объяснил он. — На Даймондгейтской пристани подняли желтый флаг.

— И что? — спросил встревоженный Оливер.

— В пролив зашли киты, — объяснил Лютиен хафлингу.

— Нам нельзя туда, — добавил капитан. Он одарил парочку откровенно сочувственным взглядом, затем вернулся на нос. Лютиен и Оливер беспомощно взглянули друг на друга, затем на приближавшееся судно с циклопами.

Когда паром достиг Даймондгейтской пристани, Лютиен и Оливер помогли всем

пассажирам сойти на берег. Затем хафлинг передал капитану еще один мешочек с монетами и вернулся к пони, демонстрируя нежелание покинуть судно.

— Нам нужно добраться до места, — объяснил Лютиен капитану. Оба смерили взглядом две сотни футов, отделявших их от земли.

— Флаг означает только то, что китов видели сегодня утром, — с надеждой заметил капитан.

— Мы знаем, что циклопы вполне реальны, — отозвался Лютиен, и капитан, кивнув, сошел, давая знак матросу поступить так же, предоставляя судно Лютиену и Оливеру.

Лютиен взялся за рукоятку ворота, уделяя больше внимания тому, что творится по сторонам, чем происходящему прямо перед ним. Оливер остался на корме, наблюдая за паромом с циклопами и до странности взволнованными людьми, оставшимися на острове. Выражение их лиц не на шутку встревожило обычно невозмутимого хафлинга.

— Эти киты? — спросил Оливер, присоединяясь к Лютиену. — Они очень большие?

Лютиен кивнул.

— Больше, чем твоя лошадь?

Лютиен мрачно взглянул на спутника и снова кивнул.

— Больше, чем паром?

Вновь последовал утвердительный ответ.

— Отвези меня обратно в док, — потребовал Оливер. — Я буду сражаться с циклопами.

Лютиен не отвечал, он изо всех сил крутил ворот и внимательно поглядывал из стороны в сторону, ожидая, что вот-вот над волнами поднимется злобный черный плавник.

Циклопы миновали Даймондгейт, высадив двоих на островок. Оливер застонал, понимая, что те непременно попытаются вновь повредить канат. Но страхи хафлинга вскоре сменились восторгом. Канат был натянут очень высоко, и циклопам пришлось соорудить импровизированную пирамиду, чтобы до него добраться. Однако, как только судно с остальными циклопами отошло на безопасное расстояние, капитан парома, его матрос и другие пассажиры, включая того раненого, которого Лютиен вытащил из воды, подобрались поближе и столкнули и циклопов, и их башню с края причала в темную воду.

Слыша одобрительные возгласы Оливера, Лютиен повернулся, чтобы взглянуть на потрясающее зрелище. Юношу очень порадовала неожиданная помощь, хотя он понятия не имел, каким важным окажется этот маленький бунт впоследствии.

Оливер прошелся колесом, подскочил и застыл на месте, глядя на север и огромный плавник — раза в три как минимум превышавший его рост, — появившийся из темной воды.

Лютиен заметил выражение, внезапно появившееся на лице друга, и улыбка его погасла. Он поспешно огляделся вокруг, пытаясь определить источник тревоги.

Плавник дорсального кита стремительно разрезал волны совсем неподалеку от них, а затем скрылся под водой. Юноша, лихорадочно пытавшийся припомнить все истории о грозных обитателях моря, которые он когда-либо слышал от местных рыбаков, оставил рукоятку и даже попытался повернуть ее в обратную сторону, чтобы притормозить паром.

— Крути! — заорал Оливер, бросаясь вперед, но Лютиен схватил его за руку и заставил остановиться.

— Молчи и не двигайся, — еле слышно прошептал молодой человек на ухо другу.

Они стояли абсолютно неподвижно, тесно прижавшись друг к другу, когда вода вокруг них потемнела и волна от проплывшего в глубине кита качнула паром, чуть не порвав канат. Когда сорокафутовая туша с кожей, испещренной черными и белыми пятнами, появилась с другой стороны парома, Оливер наконец воочию увидел его во всей красе. Десятитонный убийца! Несчастный хафлинг чуть не рухнул на палубу, ноги отказывались держать его.

— Стой спокойно, — прошептал юный Бедвир.

Теперь Лютиен подумал о циклопах. Они были обитателями горных нор и, естественно, немного знали о повадках дорсальных китов.

Огромный плавник появился по правому борту судна, на этот раз двигаясь медленно,

словно кит еще не решил, что ему делать дальше.

Лютиен посмотрел назад, на быстро приближавшуюся баржу с циклопами. Он улыбнулся и помахал рукой, показав им на огромный плавник.

Как и ожидал юноша, циклопы, слишком поздно заметившие опасность, впали в неистовство. Они заметались по палубе, а стоявший у ворота начал крутить рукоятку в другую сторону, пытаясь подать назад. Некоторые одноглазые даже начали карабкаться на канат.

— Неплохая идея, — заметил Оливер, поглядывая на их собственный направляющий канат.

Лютиен только молча указал на их преданных скакунов, и Оливер немедленно извинился.

Затем Юноша оглянулся на огромного кита, который, как он и ожидал, наконец принял решение. Циклопы, подняв панику, невольно привлекли его внимание, взбаламутив воду.

Когда курс чудовища, казалось, определился, Лютиен снова взялся за рукоятку и начал медленно продвигать паром вперед так, чтобы не привлечь внимание чудища.

С типичной для всего рода циклопов преданностью и взаимовыручкой те немедленно швырнули одного из собственных товарищей в воду, навстречу приближавшемуся киту, надеясь, что тот удовлетворится принесенной жертвой и оставит их в покое.

Одноглазые даже не подозревали, насколько прожорливы дорсальские киты.

Черно-белое чудовище приблизилось к борту парома, затем, взмахнув огромным хвостом, почти целиком обрушилось на плоскую палубу, наполовину погрузив несчастное суденышко в воду. Циклопы повалились, вопя и извиваясь. Кит ушел обратно под воду, но появился с другой стороны парома. В чудовищной пасти монстра виднелся еще живой циклоп. Несчастный кричал и отчаянно пытался вырваться.

Кит слегка сжал челюсти, и верхняя половина туловища циклопа закачалась в покрасневшей воде.

Однако столь скудная трапеза не удовлетворила дорсальского кита. Удар гигантского хвоста подбросил двоих циклопов футов на тридцать в воздух. Затем одноглазые рухнули вниз, один был вновь подброшен, а другого кит моментально перекусил пополам.

Этот ужас продолжался несколько мучительных минут, а затем неожиданно плавник кита появился вновь, с огромной скоростью разрезая воду по направлению к северу.

— Лютиен, — предостерегающе окликнул Оливер.

В нескольких сотнях футов от них кит высоко подпрыгнул, развернулся в воздухе и вновь погрузился в воду.

— Лютиен, — позвал Оливер снова, и юному Бедвиру не было нужды смотреть на север, чтобы догадаться, какую цель теперь избрал кит.

Лютиен сразу понял, что они не успеют достигнуть причала, до которого оставалось еще добрых пятьдесят футов. Он отскочил от ворота и заметался по палубе в поисках выхода из кошмарной ситуации.

— Лютиен, — вновь крикнул Оливер, застывший на месте при виде приближавшегося чудовища.

Внезапно юношу осенило. Лютиен бросился на корму парома и закричал, обращаясь к людям на Даймондгейте:

— Рубите канат!

Сперва они, казалось, не услышали или как минимум не поняли, что от них требовалось, но затем Лютиен закричал снова и указал вверх, на канат. Капитан немедленно подал знак матросу, и проворный малый, зажав в зубах большой нож, полез вверх по шесту.

Лютиен подошел и остановился возле Оливера, наблюдая за приближавшимся китом.

Оставалось сто ярдов. Восемьдесят.

Пятьдесят ярдов. Лютиен слышал тихое бормотание Оливера. «Молится», — понял юноша.

Неожиданно паром накренился и начал раскачиваться. Лютиен потянул Оливера к

скакунам. Оба, Ривердансер и Тредбар, нервничали, ржали и били копытами, словно чуяли приближавшуюся опасность. Лютиен торопливо подвязал свободно обвисший канат, так что паром не мог скользить по нему.

Кит продолжал их преследовать.

Тридцать ярдов. Оливер уже мог разглядеть черный глаз кита.

Паром несясь вперед на хорошей скорости, подхваченный быстрым течением, но кит все равно двигался быстрее.

Двадцать ярдов. Теперь Оливер молился вслух.

Паром подскочил, ударившись о скалу, и когда Оливер и Лютиен нашли в себе силы оторвать взгляд от кита, они увидели, что находятся вблизи береговой линии скал. Они оглянулись назад как раз вовремя, чтобы заметить, как удалялся плавник кита, чьи мечты о вкусном обеде разрушила береговая отмель.

Однако друзьям не суждено было насладиться передышкой и порадоваться своему чудесному спасению. Прибрежные скалы надвигались с угрожающей скоростью, поскольку паром двигался вперед гораздо быстрее, чем когда их канат перерезало возле Даймондгейта.

8. БЕЗОПАСНЫЙ ПУТЬ

— В седло! В седло! — кричал Оливер, вскочив на Тредбара и натянув поводья, чтобы удержать возбужденное животное.

У самого Лютиена не нашлось подходящего плана действий, поэтому он подчинился команде, не понимая, впрочем, что имел в виду хафлинг. Как только юноша вскочил на Ривердансера, он заметил, что Оливер установил своего пони как раз напротив места, где паром, вероятно, должен был удариться, и тогда Лютиен понял, что задумал его отчаянный спутник.

— Ты должен успеть вовремя прыгнуть! — кричал хафлинг. Паром неожиданно накренился, когда его днище задело за скалы. Доска обшивки в дальнем конце парома оторвалась и осталась качаться на волнах, поднятых стремительно несущимся суденышком.

— Прыгать? — крикнул Лютиен.

Приближавшаяся стена камней была всего несколько футов высотой, и юноша не сомневался, что Ривердансер мог бы совершить подобный прыжок на твердой земле. Но качавшуюся палубу парома нельзя было назвать твердой землей, к тому же Лютиен понятия не имел, что находилось по другую сторону стены. Однако он хорошо понимал, что может произойти, если он не прыгнет, и потому, когда Оливер пустил Тредбара по палубе, молодой человек последовал за ним.

Лютиен спрятал лицо в пышной гриве коня, не желая видеть, как они поднимаются вверх, оттолкнувшись от палубы парома. Он слышал, как затрещало судно, ударившись о скалы, а моментом позже понял, что они преодолели стену.

Юноша поднял голову, когда Ривердансер перешел на легкую рысь и помчался по травянистому холмику. Тредбар стоял в стороне, без всадника, слегка поранив переднюю ногу. На мгновение Лютиен испугался, что Оливер свалился на середине прыжка и разбился о камни. Затем он заметил, что хафлинг валяется на траве и дико хохочет.

Оливер вскочил на ноги и поднял упавшую шляпу. Он оглянулся на Даймондгейт и лихо взмахнул своим чудовищным головным убором, давая знать тем, кто помогал им, что они с Лютиеном спаслись.

Юноша направил Ривердансера к краю холма и посмотрел вниз, на разбитый паром. В двадцати ярдах от него свирепый кит, вернувшись, кружил вокруг обломков.

— Это было не так плохо, — заметил Оливер.

Лютиен не знал, то ли соскочить с коня и вздуть хафлинга, то ли подбросить его в воздух, радуясь победе. Его кровь бурлила в жилах, сердце отчаянно колотилось. Он чувствовал себя более живым, чем когда-либо раньше. Никакая победа на арене не могла сравниться с нынешним ощущением полноты бытия. Но если Оливер говорил правду, тогда

с чем еще может столкнуться юный Бедвир, находясь рядом с хафлингом? Какие приключения ожидают их впереди?

Несмотря на радостное возбуждение, дрожь пробежала по спине Лютиена.

— Они приближаются, чтобы поздравить нас и воздать должное нашей находчивости, — сказал Оливер, привлекая внимание юноши и указывая на север от холма, назад, по направлению к причалам на этой стороне пролива. Две дюжины людей бежали к ним, крича и размахивая инструментами.

— Чтобы поздравить?! — воскликнул Лютиен.

Оливер посмотрел на разбитый паром.

— Ты думаешь, они хотят заставить нас заплатить за него?

Кивок юноши заставил хафлинга моментально взлететь на своего пони.

Он развернулся в седле и поклонился, изящно взмахнув шляпой вдоль бока Тредбара.

— Я высоко ценю ваши аплодисменты, — крикнул Оливер приближавшейся толпе. — Но теперь, боюсь, занавес закрывается!

И с этими словами они помчались прочь со всей скоростью, на которую оказались способны их утомленные скакуны. Трудно было представить себе более странных спутников: пышно разодетый хафлинг с большой дороги на уродливом рыжем пони и потомок Бедвиров на сверкающем коне.

Следующие несколько дней усталые компаньоны наслаждались передышкой. Они неторопливо двигались на юг через земли крестьян, принимая пищу и ночлег там, где находили их. Это было не особенно трудно, поскольку крестьяне северного Эриадора оказались дружелюбным народом. Они более чем охотно делились пищей и предоставляли сараи для ночлега в обмен на новости о большом мире, столь редко доходивших до их забытых богом уголков.

Оливер всегда играл первую скрипку в разговоре, рассказывая крестьянам и Лютиену байки о своей жизни в Гаскони, повествуя о приключениях, далеко превосходящих «маленькие неудобства», которые они с Лютиеном испытали со времени схватки у купеческого фургона.

Юноша молча выслушивал подобные истории, хотя и понимал, что в них было на три четверти хвастовства и только на четверть правды. Впрочем, молодой человек не видел вреда в безудержном хвастовстве хафлинга, тем более что крестьяне, казалось, получали огромное удовольствие от подобных историй и никто из них не беспокоился о достоверности. Только одно огорчало Лютиена: никто из добродушных земледельцев слухом не слыхивал об Этане. Каждое утро, когда Лютиен и Оливер покидали очередной дом, их провожала вся семья, а иногда и соседи, так что вслед путникам несли нестройный хор голосов, на разные лады желавший им удачи.

У Лютиена хватало поводов для беспокойства, так что он не особенно прислушивался к болтовне хафлинга. Юноша все еще мысленно перебирал события последней недели, хотя и не чувствовал за собой вины. Даже когда Лютиен думал о циклопе в отцовском доме, или на крыше купеческого фургона, или о тех, на перевернутой лодке, он не испытывал угрызений совести и был уверен, что и впредь следует действовать, повинаясь велениям собственного сердца.

Он также все больше привязывался к своему спутнику. Этот хафлинг, разбойник с большой дороги, вовсе не был злодеем. Судя по его действиям и рассказам о прошлом (по той их части, в которой, как считал юноша, могли содержаться крупницы правды), Лютиен заключил, что Оливер придерживался высоких принципов. Например, хафлинг грабил только купцов и аристократов. К тому же, насколько заметил Лютиен, Оливер с большой неохотой убивал кого-либо, кроме циклопов. Поразмыслив, юноша выкинул из головы предложение спутника прикончить свидетелей их первого совместного ограбления, поскольку Оливер с видимой охотой от него отказался.

И поэтому Лютиен, не имея понятия о том, каким образом разыскать брата, решил просто ехать вместе с хафлингом с большой дороги и предоставить судьбе решать за него.

Они двигались к югу несколько дней, затем свернули к востоку, пересекая поля высокой цветущей пшеницы. Вскоре вдаль замаячили высокие горы, зазубренные пики которых скрывались где-то за облаками.

— Вот и дорога, как будто специально для нас, — объяснил Оливер однажды днем, указывая на широкий просвет между двумя горами на северной оконечности Айрон Кросса. — Правда, я сошел с корабля возле дороги на Монфор, а здесь я никогда не был.

— Просека Брюса Макдональда, — ответил Лютиен, употребив имя, еще в давние времена присвоенное народной молвой этому необычному проходу.

Оливер придержал Тредбара и немного подумал.

— А этот Брюс Макдональд не ожидает от нас дани? — спросил он, встревоженно прижав руку к звенящему кошельку.

— Только если встанет из могилы, — ответил юноша со смехом. Он не удержался от искушения поведать спутнику любимую с детства легенду о Брюсе Макдональде, величайшем древнем герое Эриадора, который загнал напавших циклопов обратно в их горные норы. Согласно легенде, циклопы не ожидали увидеть перед собой его армию до того, как весна очистит горные перевалы. Но Брюс Макдональд прорубил просеку сквозь горы и неожиданно обрушился на врагов.

— А теперь одноглазые — ваши друзья? — насмешливо спросил Оливер. — У нас в Гаскони нет циклопов, — хвалился он. — Во всяком случае, они не осмеливаются высовывать свои мерзкие носы из грязных горных нор! — продолжал хафлинг, выслушав рассказ Лютиена и объясняя, как гасконцы обходятся с циклопами. Он разливался соловьем, повествуя о великих битвах — гораздо более значительных, разумеется, чем мелкие стычки какого-то там Брюса Макдональда.

Лютиен позволил хафлингу хвастать сколько душе угодно и на самом деле почти не прислушивался к его болтовне. Он настолько вдохновился им самим рассказанной легендой, что гордая кровь воинственных и независимых предков забурлила в жилах юноши. Внезапно юный Бедвир начал лучше понимать свои собственные мысли и чувства. Так вот почему его не сильно беспокоило убийство в отцовском доме! Он думал о своих чувствах к циклопу, который первым упал с парома во время переправы. Юноше не пришлось в голову кинуться ему на помощь, но он немедленно бросился спасать человека, упавшего за борт.

До сих пор Лютиен не подозревал, насколько глубока его ненависть к циклопам. Осознав правду, он начал лучше понимать чувства Этана. Вот почему брат покинул арену несколько лет тому назад, сразу после того, как стражники-циклопы были подарены Гахризу герцогом Монфорским. Внезапно на юношу нахлынул целый поток воспоминаний детства: рассказы отца и других воинов о жестокостях циклопов, до того как их прогнал Брюс Макдональд. Зверские расправы с беспомощными семьями крестьян во время набегов. Лютиен был все еще глубоко погружен в свои мысли, когда Оливер остановил Тредбара и огляделся вокруг. Юный Бедвир и его конь продолжали путь, забыв о хафлинге, и не остановились, пока Оливер не свистнул.

Лютиен обернулся, с любопытством посмотрев на спутника. Заметив искреннюю озабоченность на лице Оливера, он подождал, пока Ривердансер не остановится бок о бок с рыжим пони, и тихо спросил:

— В чем дело?

— Ты должен научиться носом чутя подобные вещи, — прошептал Оливер.

Словно в ответ на его реплику, в воздухе над их головами свистнула стрела.

— Циклопы, — пробормотал Оливер, не слишком-то удивившись.

Вновь, словно в ответ, пшеница по обе стороны от них закачалась, и на дорогу вырвались циклопы верхом на свирепых вопреконях — приземистых, но мускулистых животных. Что-то среднее между лохматыми эриадорскими лошадьми и дикими вепрями.

Оливер и Лютиен пришпорили лошадей, но на дорогу выскочили еще два циклопа: первый одноглазый появился как раз возле Оливера, и еще один — чуть дальше по дороге.

Оливер поднял Тредбара на дыбы и развернул пони, когда скакун циклопа ринулся на

него. Сообразительный рыжий конек ударил передними копытами, угодив по руке циклопа и его мечу. Тредбару не удалось нанести нападавшему серьезной раны, но циклоп растерялся и промедлил с ответным выпадом. Эта ошибка оказалась роковой для одноглазого. Оливер, наклонившись в седле, ткнул рапирой прямо из-под ноги взбрыкнувшего пони.

Циклоп заметил сверкающую стальную молнию слишком поздно. Он вскрикнул и попытался броситься прочь, но рапира уже сделала свое дело. Вепреконе по-прежнему неся за Тредбаром, и Оливер легко подцепил меч противника своим кинжалом и отшвырнул прочь.

Однако циклоп даже не заметил этого, обвиснув в седле и отчаянно пытаясь собрать последние, ускользающие силы.

Дальше по дороге Лютиен развернул Ривердансера навстречу приближавшемуся вепреконю. Юноша поднял меч, циклоп нацелил копье.

Казалось, что одноглазый благодаря длине копья находился в гораздо более выгодном положении. Поэтому, когда противники помчались навстречу друг другу, циклоп вознамерился одним ударом расправиться с самонадеянным юнцом.

Но рука Лютиена метнулась вниз, сверкающий клинок со свистом ударил возле самого наконечника копья, уводя его в сторону и вверх. Меч Лютиена внезапно оказался возле шеи пофыркивающего вепреконя. Юный воин неожиданно развернул меч так, что клинок полоснул циклопа по рукам и буквально отшвырнул его назад.

Лютиен не прекращал стремительного натиска, пока циклоп не рухнул на грязную дорогу. Одноглазый поднял взгляд как раз вовремя, чтобы заметить несущегося на него Оливера. Циклоп обреченно прикрыл голову ранеными руками, ожидая, что его сейчас растопчут.

Однако у Оливера не было времени отвлекаться на подобные мелочи. Когда по пятам несутся два десятка разъяренных циклопов, не следует останавливаться ради одного, валяющегося на земле с перебитыми руками. Слегка подстегнутый, Тредбар перескочил через поверженного циклопа и помчался по дороге вслед за Ривердансером.

Преследование продолжалось, вокруг свистели стрелы, и, хотя предсказание Оливера насчет способности циклопов определять расстояние пока оправдывалось, здравый смысл подсказывал друзьям, что они угодили в серьезный переплет.

Лютиен почувствовал, что Ривердансер споткнулся, когда стрела попала в круп лошади. Другая просвистела мимо, слегка задев плечо юноши.

— Уходим с дороги? — крикнул Лютиен, надеясь, что они смогут использовать густую пшеницу в качестве прикрытия. Однако Оливер покачал головой. Лошади, даже такие пони, как Тредбар, могут обогнать вепреконе на ровной дороге, но хрюкающие скакуны циклопов пробирались через заросли гораздо быстрее любых других существ. К тому же хафлинг указал Лютиену на то, что пшеница ходила волнами по обе стороны от дороги, поскольку к погоне присоединились новые циклопы.

— Этот купчик! — заорал Оливер. — Он действительно не понимает шуток!

У Лютиена не было времени на ответ, поскольку он заметил циклопа, выскочившего из пшеницы на дорогу перед ними. Юноша прикинул к мускулистой шее Ривердансера и пришпорил скакуна. Тот собрал последние силы и помчался вперед. Лютиен ощутил мгновенный порыв ветра, когда меч циклопа свистнул перед ним. Но Ривердансер промчался мимо циклопа слишком быстро, чтобы тот успел нанести удар.

Затем юноша слегка придержал коня, поджидая Оливера. Лютиен решил, что если уж им не суждено выбраться живыми из этой передраги, то они, по крайней мере, должны вместе принять последний бой. А он, похоже, действительно станет последним для отважных друзей. Еще один отряд циклопов выскочил на дорогу перед ними, а по пятам неслась свора разъяренных преследователей на свирепых вепреконях.

Лютиен взглянул на друга и, несмотря на тревогу, чуть не расхохотался вслух, заметив стрелу, торчавшую из огромной шляпы Оливера.

— Прощай! — крикнул юный Бедвир товарищу, на что Оливер только усмехнулся.

Внезапно на дороге перед беглецами появилась полупрозрачная пелена мерцающих голубых огоньков. Оба — и юноша, и хафлинг закричали от удивления и ужаса, полагая, что это какая-то дьявольская магия циклопов, и попытались развернуть лошадей, предпочитая столкнуться с врагами в открытом бою. Оливер стащил огромную шляпу с головы и прикрыл лицо.

Однако друзья уже оказались слишком близко к загадочному голубому мерцанию. Ривердансер с Тредбаром ринулись в голубое сияние.

Весь мир изменился.

Теперь они находились в светящемся коридоре, все вокруг казалось Лютиену нереальным, словно во сне. Казалось, что движения их коней замедлились. Но когда юноша взглянул вниз, он увидел, что они мчатся с бешеной скоростью, — каждый, казавшийся замедленным прыжок Ривердансера переносил его на огромное расстояние.

Коридор света сворачивал с дороги и вел к югу через поля пшеницы. Однако оба скакуна неслись, не задевая колосьев. Казалось, что они несутся по воздуху или по лучам света, не касаясь земли. Не было слышно и топота копыт. Они приблизились к широкой реке и пересекли ее без единого всплеска. Через несколько секунд беглецы достигли предгорий, и скакуны помчались вверх по склонам, с легкостью преодолевая ущелья, словно они были не больше чем трещинки в камне.

Неожиданно перед ними возникла отвесная стена, и Лютиен вновь закричал и сам не услышал своего голоса. Ривердансер и Тредбар поскакали прямо вверх по стене, обогнули ее край тысячу футов выше и помчались над засыпанной камнями землей, сквозь рощу небольших деревьев, росших слишком близко друг к другу, чтобы пробраться между ними. Но они промчались, не задев ни веточки, ни листочка.

Скоро Лютиен увидел другую стену прямо перед собой. Казалось, светящийся туннель заканчивался именно здесь, перед узором из голубых и зеленых огоньков, танцующих на голом камне. Прежде чем Лютиен успел опомниться, Ривердансер влетел в скалу.

Юноша почувствовал, как на него навалилась какая-то тяжесть: неприятное, удушающее чувство. Он не мог закричать, не мог даже перевести дыхание в этом странном месте. Лютиен подумал, что уж теперь-то наверняка пришел конец его приключений.

Но затем внезапно Ривердансер вышел с другой стороны скальной стены, вступив в освещенную факелами пещеру. Копыта коня зацокали по твердому камню.

Тредбар, двигавшийся позади, замедлил ход и остановился возле белого коня. Спустя мгновение Оливер осмелился отнять огромную шляпу от лица и осмотреться. Он недоверчиво рассматривал каменную стену, когда водоворот огоньков внезапно рассеялся. Хафлинг повернулся к Лютиену, который, казалось, собирался заговорить.

— И даже знать не хочу, — прервал Оливер юношу, не давая тому открыть рта.

9. БРИНД АМОР

Они очутились в естественной пещере, почти круглой, около тридцати футов в диаметре. Стены выглядели грубыми и неровными, свод нависал на разной высоте, но пол был довольно гладким. Деревянная дверь, ничем не примечательная, находилась слева от друзей. Возле нее располагался деревянный стол, заваленный пергаментными свитками. Некоторые были заключены в серебряные тубусы, другие просто скатаны в трубочки, а многие разложены на столе, прижатые странными пресс-папье, вырезанными в виде небольших горгулий. Дальше, слева, возвышался пьедестал, на котором покоился идеально круглый, сверкающий хрустальный шар.

Стул стоял справа от приятелей, как раз перед массивным столом со множеством полок и ящичков, возвышавшихся над ним. Как и стол, он был завален пергаментами. Человеческий череп, извивающийся древовидный канделябр, четки из чего-то похожего на сушеные циклопы глаза и десятки чернильниц, склянок и длинных перьев для письма завершали образ. Друзья уже не сомневались, что они неожиданно оказались в личных

покоях мага.

Оба спешили, и Оливер вслед за Лютиеном отправился осмотреть круп Ривердансера. Юный Бедвир вздохнул с облегчением, обнаружив, что стрела лишь поцарапала преданного коня, не нанеся серьезных повреждений.

Он кивнул Оливеру, подавая знак, что все в порядке, затем уставился на загадочный хрустальный шар, пока хафлинг обследовал письменный стол.

Ничего не трогай, предупредил Лютиен, поскольку в юности он слышал много сказок о грозных колдунах и понимал, что силу, способную создать светящийся туннель и перенести их сюда, не следовало раздражать излишне вольным обращением.

Изумление юноши возросло, когда он присмотрелся к хрустальному шару. Там был он! И Оливер, двигавшийся по пещере, тоже. Он увидел Тредбара с Ривердансером, отдыхавших после долгой скачки. Сперва Лютиен подумал, что это просто отражение, но быстро понял свою ошибку. Казалось, что он смотрит на самого себя откуда-то с потолка.

Укрывшись за столом, Оливер сунул в карман флакончик.

— Положи на место! — рявкнул Лютиен, наблюдая за каждым движением хафлинга в кристаллическом шаре.

Оливер с любопытством оглянулся, не понимая, откуда юноша узнал о его проступке.

— Положи на место, — повторил Лютиен, видя, что хафлинг не спешит расставаться со своей добычей.

Юноша грозно нахмурился.

— Неужели ты собираешься упускать такие сокровища? — разочарованно спросил Оливер, неохотно вынимая небольшой флакончик из кармана. — Знаешь, ингредиенты могут оказаться весьма экзотическими. В конце концов, это жилище чародея.

— Чародея, который спас нас, — напомнил грабителю юноша.

С глубоким вздохом Оливер поставил флакон обратно на стол.

— Ваша благодарность высоко оценена, — послышался голос справа от Лютиена. Он в изумлении уставился на пустое пространство, затем отступил на шаг, когда стена зашевелилась. Прямо из камня выступил хозяин удивительной пещеры. Сперва даже цвет его лица, казалось, совпадал со скалистой стеной. Затем постепенно лицо и руки приобрели обычный телесный оттенок.

Он выглядел очень старым. Как минимум таким же старым, как отец Лютиена, но держался с силой и грацией, впечатлившей юного Бедвира. Широкая развевающаяся мантия была ярко-голубого цвета, а волосы, свободно струившиеся по плечам, и борода — белыми, снежно-белыми, как шелковая шерсть Ривердансера. Глаза, такие же голубые, как мантия, сверкали энергией и мудростью. От углов его глаз расходились глубокие морщины — от бесконечных часов, проведенных за пергаменами, подумалось Лютиену.

Когда юноша наконец смог оторвать взгляд от одетого в мантию человека, он оглянулся и заметил, что появление их загадочного хозяина произвело впечатление даже на бесшабашного хафлинга.

— Кто вы? — спросил Оливер.

— Это не важно.

Галантный разбойник сорвал с головы шляпу, начиная традиционный грациозный поклон.

— Я...

— Оливер Берроуз, называющий себя Оливером де Берроузом, — прервал его маг. — Да, да, конечно. Так и есть, но это тоже не имеет ни малейшего значения.

Он взглянул на Лютиена, словно ожидая, что юноша назовет себя, но тот решительно, даже вызывающе скрестил руки на груди.

— Твой отец очень скучает по тебе, — заметил волшебник, одной фразой сметая возведенную Лютиеном защиту.

Оливер подскочил и встал рядом с юношей, желая поддержать его.

— Я наблюдал за вами обоими некоторое время, — объяснил волшебник, медленно

проходя мимо них к столу. — Вы проявили находчивость и храбрость, как раз такие качества, какие мне требуются.

— Зачем? — поинтересовался Оливер.

Волшебник повернулся к нему и молча протянул руку.

Оглянувшись на Лютиена и пожав плечами, хафлинг извлек из кармана флакон и кинул ему.

— Зачем? — поспешно спросил Лютиен, не желая отвлекаться от темы, а также чтобы отвлечь внимание опасного чародея от выходки Оливера.

— Терпение, мой мальчик! — беззаботно ответил волшебник, казалось, ничуть не задетый попыткой воровства. Он мельком взглянул на флакон, затем ухмыльнулся хафлингу.

Оливер вздохнул и, вновь пожав плечами, достал из кармана такой же флакон и бросил его колдуну.

— Я всегда беру запасной, — объяснил он смущенному Лютиену.

— И по-моему, даже не один, — ехидно заметил волшебник, вновь взмахнув рукой.

Оливер исторг третий глубокий вздох, и на этот раз очередной флакон перелетел через комнату. Одним взглядом чародей водворил его обратно на стол и сунул в карман остальные флаконы Оливера.

— Итак, — сказал он, потирая руки и приближаясь к друзьям. — У меня есть для вас предложение.

— В Гаскони мы не очень любим колдунов, — заметил Оливер.

Маг остановился, обдумывая его слова.

— Ну, — произнес он, — я все-таки спас вас. Лютиен уже собирался согласиться с этим вполне справедливым с его точки зрения заявлением, но Оливер оборвал его.

— Ба! — фыркнул хафлинг. — Это были всего лишь одноглазые! Тех, от которых мы не смогли убежать, встретила бы моя рапира!

Маг с иронией взглянул на Лютиена. Юноша промолчал.

— Очень хорошо, — произнес колдун. Он подошел к стене, и голубые огоньки вновь заплясали. — Тогда в седло. Это займет всего минуту или две. Циклопы наверняка все еще там.

Лютиен хмуро посмотрел на Оливера, и когда хафлинг пожал плечами в знак поражения, колдун улыбнулся и убрал магический проход.

— Я только торговался, надеясь получить более высокую цену, — объяснил хафлинг шепотом.

— Цену? — изумился колдун. — Я избавил вас от неизбежной гибели!

Он покачал головой и вздохнул.

— Очень хорошо, — сказал он после минутного размышления. — Если вы настолько высоко оцениваете свои услуги, я обеспечу вам проход в Монфор и предоставлю некие сведения, которые помогут вам уцелеть, когда вы попадете туда. К тому же, я полагаю, смогу убедить ограбленного купца в том, что дальнейшие преследования недешево ему обойдутся и принесут немало неприятностей. А услуга, о которой я прошу, хотя, без сомнения, опасная, не займет много времени.

— Объясните, — мрачно сказал Лютиен.

— Разумеется, за обедом, — ответил маг, указывая на деревянную дверь.

Оливер потер руки — теперь маг заговорил на весьма приятную тему — и повернулся к двери. Но Лютиен стоял неподвижно, скрестив руки на груди и сжав челюсти.

— Я не обедаю с тем, кто не назвал своего имени, — заметил юный Бедвир.

— Я тем более, — заметил Оливер.

— Это не имеет значения, — повторил маг.

Лютиен не двинулся с места.

Колдун остановился прямо перед ним, и они, не мигая, уставились друг на друга.

— Бринд Амор, — величественно произнес облаченный в мантию старик, и его тон заставил Лютиена задаться вопросом, а не должен ли он знать это имя.

— А я Лютиен Бедвир, — ровным голосом ответил юноша, глядя на волшебника с вызовом, словно ожидая резкой реакции.

Однако Бринд Амор смолчал, и друзья без дальнейших разговоров проследовали в соседнюю комнату, примыкавшую к кабинету хозяина.

Стол был накрыт на троих, а один стул, явно предназначенный для самого малорослого из гостей, был гораздо выше остальных.

— Нас ожидали, — сухо заметил Оливер. Однако когда хафлинг увидел сверкавшее на нем столовое серебро, хрустальные кубки и белоснежные, накрахмаленные салфетки, он благоразумно решил воздержаться от презрительных замечаний. Фарфоровые тарелки, казалось, с нетерпением ожидали, когда их наполнят пищей. Судя по той торопливости, с которой Оливер уселся на высокий стул, он испытывал не меньшее нетерпение.

Бринд Амор отошел к кирпичной стене комнаты, изрядно отличавшейся от оставленной позади пещеры. Он открывал шкафчики, дверцы которых полностью сливались с кирпичами стен, и доставал блюда — жареную утку, разнообразные экзотические овощи, прекрасное вино и чистую, холодную воду.

— Неужели колдун не может создать себе слугу, — заметил Лютиен, заняв свое место, — или хлопнуть в ладоши, чтобы тарелки сами перелетели через комнату?

Бринд Амор хмыкнул в ответ на замечание.

— Мне может понадобиться моя мощь сегодня, попозже, — объяснил он. — Уверяю вас, использование магической энергии очень утомительно, и будет обидно, если наши поиски не увенчаются успехом, из-за того что я поленился пройти через комнату и принести еду.

Лютиен без возражений принял подобное объяснение. Он был голоден и, кроме того, понимал, что любые важные сведения придется потом повторять ради Оливера. Сейчас хафлинг уже ничего не слышал, закопавшись в миску с репой, приготовленной по какому-то хитроумному рецепту.

К тому времени, когда Лютиен поднял бокал для последнего глотка, он признал, что Бринд Амор накрыл лучший стол из тех, какие ему когда-либо приходилось видеть.

— Возможно, нам в Гаскони следовало относиться к колдунам с большей симпатией, — заметил Оливер, похлопывая себя по раздувшемуся животу, в полном согласии с мыслями Лютиена.

— Да, вы могли бы назначить их шеф-поварами в каждом городе, — ответил Бринд Амор с добродушной усмешкой. — На что еще годятся чародеи? — спросил он Лютиена, желая вовлечь его в непринужденную болтовню.

Юноша кивнул, но не принял участия в разговоре, который вели между собой хафлинг и колдун. Оливер рассказывал байку о приключении, которое он пережил в башне некоего волшебника, а Бринд Амор добавлял кое-какие детали к описанию хафлинга, кивал и поддакивал в соответствующих местах. Теперь, когда с едой было покончено и состоялось формальное знакомство, Лютиену хотелось поскорее перейти к предстоящему заданию. Бринд Амор спас их от циклопов и проведет в Монфор (последний шанс для него разыскать Этана), и это, так же как и избавление от мстительного купца, было существенной наградой.

— Вы упоминали о задании, — наконец произнес Лютиен, стараясь говорить безразличным тоном. Непринужденность разговора исчезла в мгновение ока. — Насколько я помню, вы обещали рассказать о нем за обедом, но сейчас обед закончен.

— Не мог же я перекрикивать возбужденного хафлинга, — ответил Бринд Амор с натянутой улыбкой.

— Оливер закончил, — сурово и решительно заметил Лютиен.

Бринд Амор откинулся на спинку стула. Он хлопнул в ладоши, и из ящичка выпорхнула длинная трубка. Она сама собой зажглась, приблизившись к хозяину, затем мягко опустилась в ожидающую руку. Лютиен понял, что магическое представление рассчитано на него. Вероятно, этот маленький фокус должен был послужить напоминанием о том, что все-таки хозяин здесь Бринд Амор.

— Я потерял кое-что, — произнес чародей после нескольких длинных затяжек. — Нечто весьма ценное для меня.

— Я не брал, — заметил Оливер, в доказательство похлопав себя по карманам.

Бринд Амор одарил его дружелюбным взглядом.

— Я знаю, где оно, — объяснил он.

— Тогда это не потеря.

На этот раз юмор хафлинга не встретил достойного отклика ни у колдуна, ни у Лютиена. Юный Бедвир мог разглядеть боль на мудром лице старика.

— Это находится недалеко отсюда, в огромной замурованной пещере, — сказал он.

— Замурованной? — спросил Лютиен.

— Мною и несколькими товарищами, — ответил Бринд Амор. — Четыреста лет назад, до того как гасконцы приплыли с Эйвонских островов, когда имя Брюса Макдональда еще было на языке у всех в Эриадоре.

Лютиен собрался ответить, но застыл, пораженный услышанным.

— Вы должны были умереть, — заметил Оливер.

Лютиен свирепо нахмурился, испугавшись, что волшебник разозлится на подобную бестактность.

Однако Бринд Амор не обиделся. Он даже выразил кивком согласие с хафлингом.

— Все мои товарищи уже давно похоронены, — объяснил он. — Я жив лишь потому, что провел много лет в магическом сне.

Неожиданно он взмахнул рукой, давая понять, что желает переменить тему, так что им пришлось оставить вопросы при себе.

Лютиен видел, что старик ощущает неловкость.

— Мир был бы более спокойным местом, если бы я умер много лет назад, Оливер Берроуз, — продолжал Бринд Амор. — Конечно, тогда вы оба тоже погибли бы, — подчеркнул он, чем заслужил благодарный кивок Оливера.

— Мое задание несложно выполнить, — объяснил маг. — Я потерял нечто, а вы должны пойти в пещеру и вернуть его.

— Его? — одновременно спросили оба друга.

Чародей колебался.

— Мы должны знать, что ищем, — заметил Лютиен.

— Жезл, — признался Бринд Амор. — Мой жезл. Такой же ценный, как все вместе взятое, чем я владею.

— Тогда как же это вышло, что вы оставили его в пещере? — поразился Оливер.

— И почему вы замуровали ее? — добавил Лютиен.

— Я не оставлял его в пещере, — довольно резко ответил Бринд Амор. — Он был украден у меня и помещен туда не так давно. Но это другая история, и вас совершенно не касается.

— Но... — начал было Оливер, но поспешно замолк, как только Бринд Амор угрожающе нахмурился.

— Что касается пещеры, она была замурована, чтобы ее обитатели не бродили по Эриадору, — объяснил колдун Лютиену.

— Но кто же они? — настаивал юноша.

— Король циклопов и его лучшие воины, — немедленно ответил волшебник. — Мы опасались их союза с гасконцами, поскольку знали, что скоро те появятся на наших берегах.

Лютиен внимательно посмотрел на старика, не вполне удовлетворенный подобным объяснением. Оливера также терзали сомнения. Гасконцы ненавидели циклопов еще больше, чем эриадорцы, если такое было возможно, и любой союз между людьми из южного королевства и одноглазыми обитателями горных пещер казался совершенно невероятным.

К тому же Лютиен не мог понять, почему такие суровые меры понадобились против расы, которая была разбита незадолго до этого. Победа Брюса Макдональда казалась окончательной. Легендарный герой уничтожил тогда такое количество циклопов, что их

народ не достиг прежней численности даже сейчас, спустя несколько столетий после войны.

— Теперь, если повезет, пещера необитаема, — оптимистично произнес Бринд Амор, явно стараясь оставить эту тему.

— Тогда почему вы не отправитесь туда и не заберете ваш столь драгоценный жезл? — спросил Оливер.

— Я стар, — ответил чародей. — И слаб. Я не могу держать открытым выход отсюда, из моего источника силы, если я отправлюсь через туннель в ту, другую пещеру. И потому я нуждаюсь в вашей помощи — помощи, за которую я вам уже заплатил и заплачу еще.

Лютиен продолжал внимательно разглядывать колдуна, подозревая, что тот говорит неправду, или не всю правду. Однако он не смог придумать, о чем еще можно спросить, чтобы прояснить положение, а Оливер просто откинулся на спинку стула и поглаживал живот. Сегодня они немало часов провели в седле, сражались с циклопами, а затем плотно пообедали.

— Теперь я предложу вам теплые и удобные постели, — пообещал Бринд Амор, заметив их состояние. — Отдыхайте спокойно. Наше дело может подождать до утра.

Товарищи с готовностью согласились. Навестив Тредбара и Ривердансера, помещенных в пустой комнате возле библиотеки, усталые путники скоро удобно устроились на пуховых перинах, и Бринд Амор оставил их одних.

— Четыреста лет назад? — переспросил друга Оливер.

— Я ничего не понимаю в делах волшебников, — ответил Лютиен.

— Но неужели тебе не хочется побольше узнать хотя бы об этом магическом трансе?

— Нет.

Это был простой и честный ответ. Лютиен вырос среди практичных и серьезных рыбаков и фермеров. Единственными обитателями Бедвидрина, хоть как-то связанными с магией, были знахарки да еще предсказатели погоды в порту. Даже среди этих весьма полезных людей Лютиен чувствовал себя неловко, а с существами, подобными Бринд Амору, ему вообще не приходилось сталкиваться.

— И я не понимаю, почему пещера, в которой не содержалось ничего, кроме циклопов...

Лютиен прервал Оливера взмахом руки.

— И кто украл магический жезл? — быстро произнес Оливер, прежде чем Лютиен успел вновь отмахнуться от его слов.

— Давай просто разберемся с его заданием и займемся своими делами, — начал Лютиен и замолк, ошеломленный собственными словами.

— Нашими... чем? — переспросил Оливер, изумившись.

Юноша погрузился в невеселые размышления.

Чем они с Оливером Берроузом, называющим себя Оливер де Берроуз, займутся потом? Поисками приключений? Выйдут на дорогу, чтобы продолжать грабить, или, возможно, еще хуже?

Юный Бедвир не знал ответа. Он не до конца понимал, что происходит с ним сейчас, и не умел предвидеть будущее. С того момента, как в Дун Варне появился со своей свитой виконт Обри, мир Лютиена перевернулся с ног на голову. Он покинул Дун Варну в поисках брата, но только сейчас начал понимать, насколько велик на самом деле мир. За последнюю пару дней Оливер объяснил ему, что корабли отправляются с Эйвонских островов в Гасконь из дюжины разных портов, от Карлайла на реке Страттон до Монфора. «А Гасконь еще больше, чем Эйвон, — уверял Оливер своего неопытного товарища. — В ней сотни городов, больших, чем Дун Варна, и десятки — превосходящих даже Карлайл». К тому же Дари — земля, в войне с которой предположительно собирался сражаться Этан, — находилась в тысяче миль к югу от северного побережья Гаскони.

Тысяча миль!

Как мог Лютиен надеяться перехватить Этана, когда он не знал, какую дорогу выберет его брат.

Юноша так и не ответил на вопросы Оливера, и хафлинг безмятежно засопел, словно не особенно беспокоился об ответах.

10. ЛОЖЬ ВО СПАСЕНИЕ?

Выйдя из магического туннеля Бринд Амора, Лютиен и Оливер оказались в огромной пещере. Здесь было на удивление жарко. Факел Лютиена освещал лишь одну стену, ту, через которую они вошли, и едва можно было разглядеть хрустальные отблески остроконечных, длинных сталактитов, угрожающе нависавших высоко над их головами.

Позади блеснула какая-то вспышка. Обернувшись, они заметили, как проход Бринд Амора начал сжиматься. Сперва оба рванулись к свету, полагая, что колдун собирается бросить их. Водоворот огней продолжался, уменьшившись до размеров кулака, но свет не становился менее интенсивным.

— Он просто хотел быть уверен, что циклопы, если они живы, не смогут выйти сквозь него, — заметил Оливер с облегчением.

— Или быть уверенным в том, что мы не выйдем сквозь него, пока не найдем жезл, — добавил Лютиен. — У чародея есть хрустальный шар, и он может наблюдать за каждым движением.

С этими словами юноша вновь двинулся вдоль стены, исследуя ее любопытную поверхность. Ему не часто приходилось бывать в пещерах — только в пещере мага да в морских гротах вдоль скалистого побережья возле Дун Варны, — и все же эта показалась ему какой-то странной. Скалистые стены выглядели грубыми, медно-красного цвета, как и ожидал Лютиен, но в них вплетался узор из линий более темного оттенка, гладкий на ощупь.

— Расплавленная руда, — объяснил Оливер, присоединяясь к нему. Хафлинг огляделся вокруг. Наверное, медь выделилась из камня под воздействием какого-то очень сильного жара.

Лютиен также изучал этот участок.

— Это могло произойти, когда чародеи замуровали пещеру, — решил он. — Скорее всего, они использовали магическое пламя, чтобы создать лавину.

Это заявление звучало и как вопрос, и как утверждение одновременно.

— Возможно, — согласился Оливер, но это также прозвучало неуверенно. Он легонько постучал по камню рукояткой кинжала, пытаясь определить толщину. Насколько он мог судить, стена была очень толстой. Это, в свою очередь, навело его на мысль, что нечто с этой стороны использовало магический огонь. Впрочем, хафлинг оставил эти соображения при себе.

— Пойдем дальше, — пробормотал Оливер. — Я не собираюсь оставаться здесь дольше, чем это необходимо.

Он помедлил и посмотрел на Лютиена, который все еще изучал расплавленную руду. Оливер решил, что мысли сообразительного юноши следуют в том же направлении, что и его собственные.

— Особенно когда в Монфоре меня ожидает множество толстых кошельков, — добавил он чуть громче, так что эхо вернулось к нему сразу с нескольких разных сторон. Однако эти слова, как и надеялся хафлинг, отвлекли мысли юноши от стены.

Оливер надеялся, что ему не придется убедиться в справедливости своих опасений.

Пол был неровным, с рядами сталагмитов, намного превышавших рост Лютиена. Несмотря на то, что эта пещера состояла всего из одного зала, казалось, что они идут по узкому коридору. Тени от пылающего факела Лютиена угрожающе плясали вокруг, держали друзей в напряжении, заставляя их все время оглядываться.

Они подошли к круто понижавшемуся участку и на открытой площадке внизу смогли разглядеть хорошо протоптанный проход между сталагмитами. Все вокруг было усеяно битыми камнями.

— Путь станет легче, — с надеждой заметил Лютиен.

Он осторожно двинулся вниз, так сильно отклонившись назад, что спускался почти сидя.

Оливер крепко вцепился ему в плечо.

— Неужели ты даже не догадываешься, что разрушило сталагмиты?

На этот вопрос Лютиен предпочитал не отвечать. Более того, ему не хотелось даже задумываться над ответом.

— Идем дальше, — только и произнес он, продолжая осторожно спускаться.

— Уж эти мне волшебнички, — пробормотал себе под нос Оливер, и, бросив последний взгляд назад, на стену и магический проход, он пожал плечами и последовал за юношей.

Когда Оливер завершил спуск и снова поднял глаза, он обнаружил, что Лютиен стоит неподвижно, глядя на что-то в стороне, поверх разбитого сталагмита.

— Что... — начал было хафлинг, но тут же узнал ответ, подойдя к Лютиену. Раздробленные части скелетов лежали за кучей камней. Оба друга нервно огляделись вокруг, словно ожидая, что некий ужасный и могущественный монстр выскочит и набросится на них.

— Люди, — заметил Оливер, подойдя поближе к скелетам и поднимая череп с двумя глазницами. — Не циклопы.

Они обнаружили три скелета, лежавших вместе, но только два черепа, поскольку третий, очевидно, разбился вдребезги. Кроме побелевших костей там не многое можно было обнаружить, но приятелям показалось маловероятным, чтобы эти скелеты пролежали здесь очень долго, и уж во всяком случае, не четыре сотни лет. Одна из ног, придавленная куском скалы, сохранила остаток связки и кусочек кожи, а одежда, хоть и изорванная, не полностью истлела.

— Должно быть, мы не первая группа, отправленная Бринд Амором на поиски жезла, — заметил Лютиен.

— И кто бы здесь ни скрывался, он все еще жив, — добавил Оливер. Он оглянулся вокруг на разбитые сталагмиты и размолотые скелеты. — Не думаю, что циклопы смогли бы это сделать, — заключил он. — Даже их король.

Сперва — расплавленная руда на стенках, затем ряд разбитых скал, а теперь это. Друзей охватил ужас. Лютиен мысленно повторял рассказ Бринд Амора о пещере. В свете новых открытий Лютиену показалось, что чародей, безусловно, лгал или не говорил всей правды.

Но что теперь они могли поделать? Проход не выпустит их, пока этого не позволит Бринд Амор, а юноша понимал, что он этого не сделает, пока они не отыщут потерю.

— Если жезл настолько ценен, тогда мы можем найти его среди сокровищ того, кто правит этим местом, — убежденно сказал Лютиен. — И эта дорога может привести нас туда.

— Замечательно, — с иронией откликнулся Оливер.

След вскоре вывел их из огромной пещеры, и они двинулись вниз по широкому коридору. Обе стены освещались факелом, и путники могли разглядеть потолок. Но это мало их утешало. Тот, кто ходил здесь прежде, не только повалил сталагмиты, но и обломал свисавшие сталактиты.

Воздух, казалось, стал здесь гораздо теплее, а каменные стены приобрели темно-красный оттенок. Через несколько сотен ярдов коридор пошел вниз гораздо круче, пока не привел в широкую пещеру, пол которой выглядел более ровным, хотя все еще шел под откос. Первым спустился Лютиен, Оливер последовал сразу за ним.

Они оказались на берегу подземного озера, спокойные воды которого мерцали темно-красным и оранжевым в лучах света. Факелы казались здесь гораздо ярче, поскольку стены были выложены кварцем и другими кристаллами. На другом берегу товарищи смогли разглядеть вход в другой коридор, шедший примерно в том же направлении, в котором они двигались ранее.

Лютиен низко склонился над водой и медленно, осторожно поднес к ней руку. Он

ощутил жар, поднимавшийся от озера, но осмелился легонько прикоснуться к воде, тут же отдернув руку.

— Почему она такая горячая? — спросил Оливер. — Мы находимся высоко в горах, недалеко отсюда снежные пики.

— Ты уверен? — отозвался Лютиен, напоминая хафлингу, что они на самом деле не знали, куда вывел их волшебный туннель.

Оливер уставился на озеро. Оно было шириной только около сотни футов и раза в два длиннее, но сейчас это казалось непреодолимой преградой. Возможно, даже концом дороги, поскольку заполняло почти всю пещеру, а хафлинг, который не особенно любил воду, не проявлял ни малейшего желания плыть.

— Его можно обойти, — заметил Лютиен. Он указал влево, на выступ стены, находившийся примерно в десяти футах над уровнем воды.

Оливер не проявил ни малейшего энтузиазма при виде этой ненадежной дороги. Он сбросил на землю дорожный мешок и возился с его завязками, игнорируя вопросы Лютиена. Через несколько минут хафлинг извлек длинный, тонкий, почти прозрачный шнур и трехконечный крюк.

Потолок был здесь не особенно высоким, не более тридцати футов в большинстве мест, весь разбитый и неровный, с множеством трещин и зазубрин. Оливер раскрутил крюк на конце веревки, затем швырнул его вверх над озером. Крюк стукнулся о потолок, но не нашел, за что зацепиться, и с громким всплеском свалился в воду.

Лютиен негодуя смотрел на хафлинга, пока эхо от всплеска не затихло, так что тот несколько секунд не осмеливался двинуться с места.

— Я только подумал... — начал объяснять Оливер.

— Вытащи его обратно, — прервал Лютиен, и хафлинг начал медленно сматывать шнур. Оливер объяснил, что хотел использовать его в качестве страховки, пока они будут идти по выступу, — на случай, если кто-либо из них поскользнется или им понадобится быстро выбраться.

Доводы приятеля убедили Лютиена. К тому же казалось, что неудачный бросок Оливера не принес вреда. Веревка все еще шла легко, и крюк должен был находиться недалеко от берега. Затем она внезапно застопорилась, сопротивляясь сильнейшим рывкам Оливера.

Лютиен и хафлинг изумленно посмотрели друг на друга, затем юноша взялся за веревку и тоже дернул. Шнур не подался ни на дюйм, словно крюк зацепился за что-то на дне.

— Обрежь ее, и пойдем своей дорогой, — потребовал Лютиен, и хотя Оливер дорожил этой прекрасной и легкой веревкой и не желал терять ни малейшей ее части, он неохотно потянулся к кинжалу.

Неожиданно хафлинга дернуло вперед. Он инстинктивно вцепился в веревку обеими руками, затем, осознав, что может запросто оказаться в озере, разжал руки. Только крепкие кожаные перчатки спасли его руки от серьезных повреждений, когда шнур потянуло вперед. Хафлинг оглянулся назад на стремительно уменьшавшийся моток и принялся скакать вокруг, заклиная Лютиена сделать что-нибудь.

Но что мог сделать юноша? Он низко склонился над водой, пытаясь поймать убегающую веревку, но попытка не удалась.

У Оливера было более сотни футов шнура, и он уже совсем кончался, но внезапно яростное дерганье прекратилось.

Хафлинг также остановился, изумленно глядя то на Лютиена, то на веревку.

— Большая в этом пруду рыба, — заметил он.

Лютиен не ответил, взглянув на вновь успокоившуюся воду. Наконец юный Бедвир решился дотронуться до веревки. Он осторожно потянул, перебирая руками, в ожидании нового рывка.

Его удивление (и изумление Оливера) увеличилось, когда появился крюк, покрытый

бурыми и красными водорослями. Лютиен поднял и очистил его, чтобы они с хафлингом смогли как следует осмотреть оружие. Один из наконечников слегка погнулся, но на нем не осталось ни зарубок, ни следов плоти, или чешуи, или чего-либо, дававшего возможность определить, за что он зацепился.

— Большая рыба, которой не слишком понравился вкус железа, — невесело усмехнулся Оливер. — Залезай на выступ и пойдем своей дорогой.

Но теперь Лютиен не был уверен в правильности выбранного пути. Он взглянул на потолок и, обнаружив место, где два сталактита соединялись, образуя перевернутую арку, раскрутил над головой крюк.

— Не потеряй мою замечательную веревку! — запротестовал Оливер, но еще до того, как он закончил свою фразу, юноша швырнул крюк. Он пролетел сквозь проем и вылетел с другой стороны. Затем Лютиен туго натянул веревку, проверяя, насколько крепко зацепился крюк.

— Теперь можем переходить, — объявил юноша.

Оливер пожал плечами и позволил Лютиену выбирать дорогу.

Путь по краю озера вывел их прямо на выступ, и скоро они уже осторожно продвигались вдоль каменной стены в десяти футах над водой. Озеро еще некоторое время оставалось спокойным, но затем Оливер заметил слабые волны, негромко плескавшие об основание каменной стены.

— Быстрее, — прошептал хафлинг, но Лютиен и так уже двигался со всей возможной скоростью. Ширина выступа во многих местах не превышала одного фута, а стена была неровной, так что юноше иногда приходилось выгибаться, проскальзывая мимо зазубрин.

Через несколько минут подозрения Оливера подтвердились. Высокие волны тяжело ударились об основание стены, а затем примерно в тридцати футах от стены вода забулжила и вспенилась.

— Что происходит? — недоуменно спросил Оливер, когда столб воды поднялся на полдюжины футов вверх, словно нечто возле поверхности перемещалось по озеру.

А затем водяная гладь вновь стала ровной или показалась таковой. И тут Лютиен с хафлингом осознали, что они смотрят не на воды озера, а на изогнутый панцирь гигантской черепахи.

Когда монстр заскользил к ним, хафлинг заорал, а Лютиен попытался передвигаться быстрее. Голова черепахи с пастью, достаточно большой, чтобы проглотить целиком беднягу Оливера, поднялась высоко над водой, недобрым взглядом окидывая перепуганных компаньонов.

В десяти футах от выступа голова на невероятно длинной шее неожиданно метнулась вперед. Оливер вновь заорал и отшатнулся, выставив вперед рапиру. К счастью, черепаха промахнулась, откусив взамен кусок выступа. К изумлению и ужасу друзей, тварь преспокойно перемолола кусок скалы кошмарными челюстями. Затем огромная рептилия развернулась в сторону Оливера. Тварь вновь ринулась вперед, и хафлинг попытался увернуться, чуть не свалившись с выступа, но Лютиен бросился назад, обхватил его могучими руками и оттащил назад.

Выступ был слишком узким для подобной тактики, но юноша даже не пытался удержать равновесие. Он метнулся в сторону и, решительно оттолкнувшись от выступа, повис на веревке, не отпуская Оливера. Черепаха слишком поздно сообразила, что задумал дерзкий пришелец. Она попыталась схватить ускользающую добычу, но угол для удара был выбран неправильно, и хотя челюсти монстра щелкнули совсем рядом, оттолкнув в сторону болтавшихся на веревке друзей, тварь не смогла причинить им вреда.

— Везучая черепаха! — крикнул Оливер, расхрабренный теперь, когда ему удалось увернуться от монстра. — Я сварю из тебя чудесный суп, такой же, какой мы делаем у нас в Гаскони!

Они раскачивались над озером. Сперва приблизились к тому месту, где спустились к воде, затем полетели к противоположному берегу. Лютиен не был новичком в подобных

играх с веревкой. Еще мальчиком, в Бедвидрине, он нередко пробирался на веревке через неширокие заливчики возле Дун Варны. Перед тем как прыгнуть с выступа, юноша предусмотрительно вцепился в веревку как можно выше. Но все равно друзья чуть не окунулись в воду. Только инерция, непредумышленно приданная им метнувшейся головой черепахи, спасла их от страшной участи, и все равно Лютиену пришлось поджать ноги.

Крепко держа отчаянно вопящего хафлинга, Лютиен плюхнулся на мелководье возле противоположного берега озера.

Юноша мгновенно вскочил и попытался поймать веревку, тем временем Оливер бросился к видневшемуся впереди выходу. Внезапно из воды появилась голова черепахи. К огромному удивлению юноши, тварь раскрыла пасть и выдохнула облако пара.

Лютиен упал на землю, спасшись только благодаря окружающим валунам, защитившим его от всей силы раскаленного дыхания. Он стремительно бросился вслед за Оливером, который отчаянно размахивал руками возле выхода. Они помчались по коридору, помедлив лишь для того, чтобы оглянуться на озеро.

Воды снова казались спокойными, гигантская черепаха затаилась на дне, поджидая менее проворную добычу.

— Моя веревка? — спросил Оливер, оглядываясь на шнур, надежно обмотанный вокруг скалы.

— На обратном пути, — ответил Лютиен.

— Она может нам понадобиться.

— Тогда иди и достань ее.

Оливер с сомнением взглянул на шнур и на обманчиво спокойные воды озера.

— На обратном пути, — согласился он, хотя оба надеялись отыскать другую дорогу назад, в туннель чародея.

Манера поведения хафлинга резко изменилась, когда товарищи оставили озеро далеко позади. Идти по этой стороне было легче, поскольку пол пещеры почти очистился от сталагмитов и камней.

— Теперь мы знаем, с проблемой какого рода столкнулись те, кто пришел сюда до нас, — с надеждой заметил Оливер. — И мы оставили позади тварь в озере.

— В озере, которое нам придется пересечь еще раз, — напомнил ему Лютиен.

— Возможно, — согласился Оливер. — А может, и нет. Как только мы найдем столь ценный жезл волшебника, он, без сомнения, выручит нас.

— А ты не думал, что жезл может оказаться в озере? — вынужден был спросить Лютиен. Он опасался, что не все опасности остались позади, поэтому им еще рано расслабляться и праздновать победу. Оливер ничего не ответил практичному юноше. Он только пробормотал невнятное ругательство по поводу «лживых чародеев» и короля циклопов, якобы замурованного в пещере. Хафлинг ворчал еще долго, пока друзья блуждали по другим, ничем не примечательным пещерам и соединявшим их коридорам. Оливер не забыл «купцов», «королей» и многих других, которые в свое время чем-то насолити воинственному хафлингу. Юный Бедвир не обращал внимания на ворчание друга, понимая, что все равно не сможет остановить словоизвержение Оливера.

Но зрелище, открывшееся обоим, когда они вошли в огромную куполообразную пещеру, заставило умолкнуть даже болтливого хафлинга.

Друзья застыли, словно пораженные громом, когда свет факелов заплясал на горах золота и серебра, драгоценных камней и украшений, каких никто из них не видел доселе. Одна гора из серебра и золота была ростом с двух высоких мужчин, с вкраплениями сверкающих камней и редчайших древних изделий — кубков и утвари, украшенной драгоценными камнями. Вероятно, тут были собраны диковинные творения гномов. Словно во сне, друзья двинулись по пещере.

Оливер оправился от шока и ринулся к грудам, набивая карманы, подбрасывая монеты в воздух и вопя в неуправляемом восторге.

— Мы пришли сюда с определенной целью, — напомнил ему Лютиен. — И мы все

равно не сможем много взять с собой.

Оливер, казалось, не услышал его, да и юноше нелегко было пройти мимо стольких сокровищ. Другого выхода из пещеры не было, и они решительно двинулись по узкой тропинке между грудями золота и драгоценностей. Вероятно, перед ними находилась сокровищница черепахи — а тварь не проявила намерения последовать за ними — или склад давно умершего правителя, возможно, того самого короля циклонов, о котором говорил Бринд Амор. Но «сначала дело», — всегда говорил Лютиену отец, и этот совет показался весьма своевременным сейчас, перед лицом стольких сокровищ, лежащих вокруг.

— Жезл, Оливер, — крикнул он снова. — Затем ты сможешь продолжить свое занятие.

На вершине самой высокой горы монет Оливер, самый счастливый в мире грабитель, заткнул уши пальцами, затынутыми в зеленые перчатки, и показал язык благоразумному юноше.

Лютиен уже собирался вновь обругать его, но что-то привлекло его внимание. Он заметил справа, на склоне соседней груды золота, большой мешок. Лютиен был уверен, что мешка не было там еще мгновение назад.

Он поднял глаза на вершину кучи, затем на потолок, отыскивая какой-либо выступ, откуда он мог свалиться. Ничего не было. Лютиен не удивился, поскольку, если бы тот свалился или съехал с горы монет, он, разумеется, услышал бы звук движения. Пожав плечами, юноша прошел несколько футов и склонился над мешком. Он ткнул в него мечом, затем подsunул лезвие под завязку и слегка подергал. Убедившись, что загадочный пакет не содержит ловушки, Лютиен воткнул факел в кучу монет и открыл мешок.

Там находился прекрасный алый плащ с капюшоном, такого красивого цвета юный Бедвир не видел никогда. Рядом лежал прямоугольный кусок дерева: две палочки бок о бок, изогнутые на концах в противоположных направлениях. Как только Лютиен присмотрелся и обнаружил, что они соединены чем-то вроде петли, стало понятно, что перед ним лук. Юноша не удержался от искушения немедленно собрать необычное оружие. Небольшое отделение на конце содержало тетиву из тонкой и крепкой жилы.

Лютиен развернул плащ и накинул на плечи, надев даже капюшон. Он взял мешок, желая убедиться, что там нет еще каких-либо занимательных предметов.

Там ничего не было, но затем Лютиен заметил под мешком небольшой колчан. Колчан был прикреплен к ремню, из чего следовало, что его носят не на плече, как обычно, а на бедре. Кроме небольшого пучка обычных стрел там находилась еще одна, весьма любопытная на вид. Она значительно превосходила остальные по длине, а чуть ниже небольшого наконечника находился выступ цилиндрической формы толщиной примерно в запястье. Лютиен повертел загадочную стрелу в руках и, к своему удивлению, обнаружил, что она прекрасно сбалансирована. Юноша изучил ее более внимательно и понял, что конец возле оперения был не деревянным, а железным, создавая противовес толстому концу возле острия. Однако, несмотря на противовес, Лютиен сомневался, сможет ли он отправить тяжелую и неуклюжую стрелу на значительное расстояние.

— Как ты думаешь, не этот ли жезл имел в виду колдун? — услышал он крик Оливера, оторвавший его от созерцания необычной находки. — Лютиен?

Юноша откинул капюшон плаща и бросился к груде драгоценностей, с вершины которой Оливер скинул дубовый жезл.

— А, вот ты где, — заметил хафлинг. Он подозрительно окинул взглядом Лютиена. Юный Бедвир положил одну руку на бедро, держа в другой странный лук, желая похвастаться новым плащом.

Оливер воздел руки, не зная, что сказать.

— Теперь я могу продолжить развлечения, — произнес он наконец и соскользнул на пол слева от Лютиена.

Внезапно хафлинг резко остановился, уставившись на пол пещеры. Прямо перед ним, на пространстве, свободном от сокровищ, он увидел тени нескольких человек. Несчастные протягивали вперед руки, словно отгоняя неведомую опасность. Оливер нагнулся и

осторожно прикоснулся к ним рукой. Хафлинг с ужасом обнаружил, что непонятные силуэты состояли из пепла.

— Знаешь, — начал Оливер, выпрямившись и глядя прямо на Лютиена, — у нас в Гаскони рассказывали легенды о сокровищах, таких, как эти, и всегда при них...

Огромная груда серебра и золота внезапно зашевелилась и рассыпалась, монеты со звоном разлетелись во все стороны. Друзья неожиданно встретились взглядами с узкими, злобными глазами разъяренного дракона.

— Да, — закончил хафлинг, указывая на огромную тварь. — Именно это я и имел в виду.

11. БАЛЬТАЗАР

Лютиен провел жизнь возле океанов с гигантскими китами, видел тела великанов, принесенные с гор воинами его отца, и только что чуть не был съеден гигантской черепахой. И он, как и любой юноша в Эриадоре и Эйвоне, слышал множество сказок о драконах и храбрецах, победивших их. Но ничто из этого не смогло подготовить юного Бедвира к представшему перед ним зрелищу.

Гигантский змей медленно развернулся — какого он был размера, сотня футов или больше? — и поднялся на задние лапы, возвышаясь над беднягой Оливером. Его желто-зеленые глаза сверкали, как фонари, пылая внутренним огнем, а чешуя красно-золотого оттенка, с вкраплениями многочисленных монет и драгоценных камней, вросших в нее за долгие годы сна, выглядела твердой, как железная стена. «Каким оружием владеет монстр?» — задавался вопросом Лютиен, застыв в благоговейном ужасе. Казалось, челюсти дракона способны сокрушить камень, гигантские зубы блестели, как слоновая кость, и были такой же длины, как меч Лютиена. А его рога могли проткнуть одновременно трех мужчин. Лютиен слышал рассказы об огненном дыхании драконов. Теперь он знал, кто расплавил руду на стенах возле того места, где они с Оливером вошли, и знал также, что это не черепаха разрушила сталагмиты. Четыре сотни лет назад там побывал дракон, и все эти годы, находясь в заточении, он копил свою злость, которой теперь суждено было обрушиться на Лютиена и Оливера.

— ТВОИ КАРМАНЫ РАЗДУЛИСЬ ОТ МОИХ ДРАГОЦЕННОСТЕЙ, МАЛЕНЬКИЙ ВОР! — проревела тварь, сотрясая воздух так, что шляпу хафлинга сдуло на затылок.

Оливер машинально засунул руки в карманы. Ему хватило сообразительности, чтобы отойти от пепла несчастных людей, единственного места в пещере, свободного от сокровищ.

Лютиен стоял, раскрыв рот от изумления, — оказывается, гигантская рептилия владела человеческой речью. Конечно, драконы в древних сказаниях разговаривали с героями, но Лютиен считал это фантазиями рассказчиков.

— НУ? — продолжила тварь. Дракон смотрел исключительно на Оливера, словно Лютиена не существовало. — РАЗВЕ ТЫ НЕ СОБИРАЕШЬСЯ МОЛИТЬ МОГУЧЕГО БАЛЬТАЗАРА СОХРАНИТЬ ТВОЮ ЖАЛКУЮ ЖИЗНЬ?

— Я только мечтаю полюбоваться на великое чудо, внезапно оказавшееся передо мной, — неожиданно ответил Оливер. — Я пришел сюда, как я думал, только за сокровищами, и они действительно оказались бесценными. Но что значат золото и драгоценности по сравнению с величием непобедимого Бальтазара!

Лютиен не верил своим ушам, поражаясь нахальству приятеля. Мало того что Оливер вообще осмелился заговорить с кошмарной тварью, но он еще и не побоялся упомянуть о сокровищах, часть которых находилась у него в карманах!

— Воистину, не мечты о сокровищах привели меня сюда, могучий Бальтазар, — продолжил хафлинг, стараясь казаться безмятежным. — Я лелеял надежду хоть одним глазом взглянуть на тебя. Ты спал здесь в течение долгих веков — в наши дни осталось не так много драконов.

— ЕСЛИ БЫ БЫЛО БОЛЬШЕ ДРАКОНОВ, ОСТАЛОСЬ БЫ ГОРАЗДО МЕНЬШЕ

ГРАБИТЕЛЕЙ! — ответил дракон, но Лютиен заметил, что на этот раз рев его звучал спокойнее, словно комплименты Оливера произвели некое воздействие. Юный Бедвир слышал о тщеславии драконов — и судя по рассказам, чем крупнее дракон, тем больше его тщеславие.

— Я вынужден смиренно согласиться с вашим утверждением, — признал Оливер и начал опустошать карманы. Монеты и камни падали на пол у его ног. — Но я не знал, что вы все еще здесь. Я нашел только черепаху — в озере неподалеку. Не такая уж огромная тварь, но до сих пор мне не приходилось видеть драконов, так что я принял ее за вас.

Глаза Лютиена расширились, как и глаза дракона, и юноша подумал, что тварь собирается вытянуть шею и проглотить хафлинга целиком.

— Можете представить себе мое разочарование, — продолжил Оливер, прежде чем дракон смог нанести удар. — Я столько слышал о Бальтазаре, но если эта черепаха — дракон, то я подумал, что он не заслуживает подобных сокровищ. Теперь я, конечно, понял свою ошибку.

Хафлинг засунул руку в карман и извлек огромный драгоценный камень, словно желая подчеркнуть свои слова, и спокойно швырнул его на ближайшую грудку сокровищ.

Голова Бальтазара медленно покачивалась на огромной шее, словно тварь не знала, как ей поступить. Неожиданно дракон застыл и втянул воздух, словно почуяв незнакомый запах.

— Я не собирался тревожить ваши сокровища и ваш сон, — быстро сказал Оливер, его внешнее спокойствие как-то внезапно испарилось. — Я пришел только для того, чтобы взглянуть на вас, чтобы увидеть великолепие дракона единственный раз за мою...

— ЛЖЕЦ! — проревел Бальтазар, и уши Лютиена заложило от рева. — ЛЖЕЦ И ВОР!

— Если выдохнете на меня, то, безусловно, расплавите немалое количество своего золота! — закричал Оливер, проворно отскакивая за грудку монет. — Неужели я стою так дорого?

Но Бальтазар, казалось, не слишком беспокоился о судьбе своих сокровищ. Ужасная пасть дракона раскрылась, демонстрируя подобие насмешливой улыбки. Тварь повернулась к хафлингу и втянула голову в плечи так, что шея свернулась чешуйчатыми кольцами.

Затем дракон неожиданно распрямился и вновь втянул воздух. Огромная голова развернулась — настолько стремительно, что колени у Лютиена ослабели от страха, — и устремила глаза, подобные фонарям, на юношу.

Лютиен стоял абсолютно неподвижно, застыв от самого сильного ужаса, который он когда-либо испытывал. Это был легендарный драконий взгляд. Завораживающий страх охватывал любого, кто осмеливался взглянуть в глаза подобной твари. Впрочем, до сих пор Лютиен относился к рассказам о драконьей магии так же, как и к сказкам о разговорах с людьми, просто не принимая их всерьез.

Зато теперь принял. Мозг кричал, что следует отбросить оружие и бежать прочь, но тело не повиновалось, юноша просто не мог сдвинуться с места.

Дракон снова взглянул на Оливера, который с любопытством смотрел в сторону Лютиена.

— КТО С ТОБОЙ? — требовательно спросил Бальтазар.

— Никого, — решительно ответил хафлинг. Лютиен не мог понять, о чем они говорят, — ведь оба смотрели прямо на него!

— ЛЖЕЦ! — взревел Бальтазар.

— Ты уже говорил это, — ответил Оливер. — Ну и что мы теперь будем делать? Я вернул твои сокровища и полюбовался на твоё величие. Ты съешь меня, или я уйду и расскажу всему миру, какой ты на самом деле великий дракон?

Бальтазар слегка подался назад, явно растерянный.

— Тебя не видели четыре сотни лет, — объяснял Оливер. — Рассказы о Бальтазаре забылись, не сомневайся. Разумеется, если я уйду отсюда, я смогу возродить легенды.

«Хитрец-Оливер», — подумал Лютиен, и его восхищение хафлингом возросло в сотню раз. Оказывается, приятель не потерял дара речи под наводящим ужас взглядом, тогда как

язык самого Лютиена решительно отказывался повиноваться хозяину.

Дракон испустил долгий вздох, перешедший в свист, от которого закладывало уши.

— Ах, ах, — сокрушался хафлинг, поводя перед собой пальцем. — Не дыши так, иначе ты можешь расплавить немало своего золота и серебряных монет.

Лютиен с трудом мог в это поверить, но хафлинг, похоже, овладел ситуацией. Осознав это, юноша собрался с силами и понял, что его конечности вновь начали ему повиноваться.

Но впечатление может оказаться обманчивым, когда имеешь дело с драконами. Бальтазар внимательно взвесил ситуацию. Даже предложение хафлинга выйти отсюда и возродить легенды. Подобные рассказы, безусловно, подвигнут проникнуть в логово тех, кто рвется в герои, к ним присоединятся и заурядные искатели сокровищ. Дракон задался вопросом, не сможет ли он тогда вырваться наружу из своего заключения подобным способом и свободно летать над землей, устраивая себе пиршество из целых деревень?

Однако в конце концов ленивый Бальтазар решил, что ему не хочется окончательно просыпаться и иметь дело с начинающими героями. К тому же дракон уже понял, что франтоватый хафлинг — вор и лжец.

Голова чудовища ринулась вперед настолько стремительно, что Лютиен закричал от ужаса, считая хафлинга уже съеденным. Схватившись за лук, он поспешно наложил на тетиву странную стрелу.

Но Оливер недаром обучался боевой тактике в лучших школах Гаскони. Он был знаком даже с тактиками, которые использовались в борьбе против легендарных чудовищ. Поэтому хафлинга не удалось застать врасплох. Он метнулся вперед, как только голова дракона опустилась, и, перекувырнувшись, взмахнул рапирой. Вскочив на ноги, отважный маленький воин ткнул рапирой вверх, но тонкое лезвие согнулось почти пополам, не в силах преодолеть крепчайшую броню.

Бальтазар взмахнул огромным хвостом и ударил кожистыми крыльями столь свирепо, что ветер, поднявшийся при этом, заставил хафлинга попятиться. Пурпурный плащ чуть не сорвало с плеч Оливера, бедняга зажмурился и поспешно схватился за свою любимую шляпу, водворяя ее на место. Тут бы и встретил свой конец Оливер де Берроуз, бесславно сгинув в пасти свирепого чудовища, но Лютиен уже пустил стрелу, отчаянно надеясь, что она какая-нибудь особенная.

Стрела полетела к дракону, затем отклонилась под воздействием ужасного ветра, и Лютиену показалось, что она всего лишь упадет на пол, так и не долетев до цели. Однако необычное оружие неожиданно взорвалось прямо в воздухе.

Засвистели ракеты, пещера наполнилась снопами разноцветных искр. Шары шипящего огня метались во все стороны, один из них полетел прямо в морду Бальтазара, заставив того отклониться. Красное пламя взметнулось к потолку и разорвалось с оглушительным грохотом, разметав часть драгоценностей и чуть не сбив Лютиена с ног.

Оливеру хватило присутствия духа метнуться прочь под прикрытием этого шума. На бегу хафлинг даже успел прихватить дубовый жезл Бринд Амора. Оливер неслился прямо на Лютиена и пробежал бы мимо, но юноша дотянулся и вцепился в жезл, который почти вдвое превышал рост хафлинга, изрядно уменьшая его скорость.

Беглец заорал как ошпаренный, затем изумленно выпучил глаза, догадавшись, что это Лютиен. Он с готовностью отдал жезл и помчался вперед, подхватив по пути факел. Юноша припустил вслед за товарищем.

Бальтазар вновь взревел, на этот раз от разочарования, когда оба выскочили из зала и избежали струи пламенного дыхания.

Беглецы вовремя завернули за угол, но пламя все же успело опалить им спины. Камень на углу треснул и расплавился. Лютиен не мог удержаться от искушения оглянуться и увидеть легендарную ярость могучего дракона. Оливер свирепо толкнул его вперед, полагая, что даже малейшая задержка может привести к тому, что Бальтазар сожжет их своим огненным дыханием.

В сокровищнице продолжались взрывы ракет. Перекрывая их, до улепетывающих

компаньонов доносился топот дракона, который вовсе не собирался отказываться от преследования.

— ЗДЕСЬ НЕКУДА БЕЖАТЬ, ВОРЫ! — проревел Бальтазар.

Огромная тварь вывалилась в коридор, когтистым лапам пришлось потрудиться, чтобы их хозяин смог протолкнуть в него свою огромную массу и вновь выдохнуть смертоносное пламя.

Друзья сломя голову неслись по узкому проходу. Лютиен хотел было остановиться и выпустить назад несколько стрел, но отругал себя за глупую мысль. Ведь оставшиеся у него стрелы могли причинить дракону вреда не больше, чем булавочные уколы. Вместо этого он сложил лук и сунул его за ремень рядом с колчаном. Беглецы достигли просторного зала, тогда как гигантская рептилия все еще протискивалась по узкому коридору, но вскоре впереди засверкали воды подземного озера. Здесь Бальтазар должен был получить огромное преимущество.

Лютиен бросился направо, на выступ, хотя и понимал, что они не успеют преодолеть весь путь по узкому выступу прежде, чем дракон доберется до них. Он видел, что веревка все еще находилась на этой стороне, свободной петлей обвиваясь вокруг валуна, и поэтому юноша развернулся и бросился к ней.

Сжимая в одной руке веревку, а в другой — жезл Бринд Амора, он вскарабкался на самую высокую скалу, которую смог обнаружить, и велел Оливеру влезть к себе на плечи.

— Ты должен влезть повыше, если хочешь перелететь на другую сторону! закричал хафлинг, и Лютиен, оглянувшись вокруг в поисках черепахи, передал жезл товарищу. Юноша как можно выше ухватился за веревку и напрягся, готовясь к прыжку.

Рев, раздавшийся в коридоре позади них, заставил Лютиена поторопиться. Юноша подпрыгнул на месте, поджал ноги, и они с Оливером полетели через пруд.

Они еще даже не достигли середины пруда, когда тянувшаяся за ними веревка замедлила их движение и ноги Лютиена коснулись воды. Понимая, что будет дальше, юноша поспешно полез по веревке прочь из горячей воды, откуда в любой момент могла появиться ужасная черепаха.

Когда Лютиен поднялся повыше, веревка перестала раскачиваться, и они начали медленно крутиться на одном месте.

— Мне это не слишком нравится, — заметил Оливер.

— Дай мне жезл, — потребовал Лютиен, и хафлинг охотно передал громоздкий магический предмет другу, используя возможность схватиться обеими руками за веревку и вскарабкаться повыше. Честно говоря, Оливер подумал о том, что, если черепаха схватит Лютиена, он успеет спрыгнуть на ее спину, пробежать вперед, а затем, если удастся, доплыть до берега.

Однако его замутило от подобной эгоистичной мысли, к тому же Оливер питал искреннюю привязанность к отважному юноше.

Тем временем Лютиен начал раскачивать веревку, все увеличивая ее размах, и чуть не уронил Оливера.

— Что ты делаешь? — возмущенно завопил хафлинг.

— По крайней мере это будет спасено, — ответил Лютиен и, еще раз качнув веревку, швырнул жезл Бринд Амора в направлении к дальнему берегу.

Тот проскользил последние несколько футов по воде и остановился неподалеку от берега.

— Я думал, ты собираешься как-то воспользоваться этой дурацкой штукой! — возмутился Оливер.

Однако фраза хафлинга перешла в визг, когда громкий рев сообщил им о том, что Бальтазар достиг озера.

— Откуда я знаю, как пользоваться волшебным жезлом? — огрызнулся Лютиен.

— Ты и не можешь знать, — последовал неожиданный ответ с берега.

Оба товарища, вцепившись в веревку, оглянулись и увидели Бринд Амора, спокойно

наклонившегося над водой, чтобы выловить свою драгоценность. Когда веревка еще раз повернулась, они увидели также Бальтазара, появившегося на другом берегу.

— Оказаться между драконом и волшебником, — заметил Оливер, — это не самый лучший день в моей жизни.

Люттиен изо всех сил вцепился в веревку и попытался замедлить ее движение, переводя взгляд с одного могущественного противника на другого. Бальтазар испустил долгий громкий рев, заметив волшебника, и юноша ни на секунду не усомнился, что чудовище прекрасно помнит тот день, четыреста лет назад, когда Бринд Амор и его сподвижники запечатали пещеру.

— У нас в Гаскони мы всегда находили чародеев забавными и безобидными, — заметил Оливер, отнюдь не испытавший прилива оптимизма при виде Бринд Амора.

— Убирайся назад в свою нору! — закричал чародей дракону.

— ПРИХВАТИВ С СОБОЙ ТВОИ КОСТИ! — последовал вполне предсказуемый ответ.

Бринд Амор выставил перед собой посох, и из него ударила струя черного пламени. Люттиен и Оливер дружно заорали, думая, что оказались на линии огня, но волшебное пламя, обогнув их, обрушилось на дракона и окружавшие тварь камни.

Чудовище негодуяюще взревело. Скалы обрушились, прихватив с собой часть свода пещеры. На Бальтазара посыпался град обломков.

— Мы в Гаскони могли и ошибаться, — признал Оливер, и друзья замерли, отчаянно надеясь, что Бринд Амор выиграет схватку.

Однако никто из них до сих пор не имел дела с драконами. Как только волшебное пламя погасло, Бальтазар встряхнулся, освобождаясь от обломков. Он выглядел еще более свирепым, чем раньше, и практически невредимым. Не будь Люттиен настолько ошеломлен, он выпустил бы веревку, чтобы упасть в безопасную воду. В тот момент он даже не вспомнил о черепахе. Но юноша не успел ничего сделать, потому что огромная голова Бальтазара метнулась вперед, и из широко распахнутой пасти вырвался сноп раскаленного белого пламени.

Однако Бринд Амор уже успел пробормотать следующее заклинание, и, подобно огромной вспенившейся волне, вода между друзьями и тварью внезапно образовала высокую стену.

Огонь негодуяюще зашипел, и над озером поднялись облака пара. Раскаленные капли осыпали Оливера с Люттиеном, которым оставалось только зажмуриться и вцепиться в веревку.

Это продолжалось довольно долго. Нескончаемое дыхание Бальтазара истощило силы Бринд Амора до предела. Когда Люттиен осмелился приоткрыть глаза, ему показалось, что стена воды начала неотвратимо истончаться. Неожиданно она полностью исчезла, и юноша подумал, что уж теперь-то они обречены.

Но и дыхание дракона иссякло. Люттиен с трудом мог разглядеть кошмарную тварь сквозь клубы густого пара. Однако он расслышал всплеск, когда Бальтазар упрямо двинулся вперед.

— Что ты делаешь с моей веревкой? — услышал юноша вопль Оливера.

Он посмотрел на хафлинга, затем проследил за негодующим взглядом Оливера. Глаза Люттиена расширились от изумления. Бринд Амор каким-то образом обратил конец веревки в живую змею, которая теперь плыла по направлению к дальнему берегу и волшебнику.

Вода под товарищами забурлила — они совсем забыли о черепахе!

Веревка, превратившаяся в змею, выбралась на берег и, послушная торопливым указаниям чародея, обвилась вокруг скалы. Затем она стала сокращаться, подтягивая товарищей к берегу, прочь от черепахи.

Оливер оглянулся и чуть не потерял сознание от страха, встретившись со злобными глазами дракона не более чем в дюжине футов от них. Хафлинг попытался заговорить, но потерял от страха дар речи и вместо этого принялся отчаянно теревить Люттиена за плечи.

— ПРИВЕТ, ВОР И ЛЖЕЦ! — спокойно произнес Бальтазар, и Лютиену не было нужды оглядываться, он и так понял, что дракон вознамерился пообедать.

Чудовище неожиданно дернулось, снизу послышался всплеск. Оливер опустил глаза и увидел, как челюсти кошмарной обитательницы подземного озера крепко вцепились в огромную лапу дракона.

Тем временем веревка натянулась, и Лютиен, то ползком, то скользя, двинулся по направлению к дальнему берегу.

Горячие волны окатили товарищей, когда гиганты сцепились в озере. Дракон взревел и выпустил новые клубы пара, от пронзительных воплей испуганной и раненой черепахи задрожал воздух. Лютиен наконец осмелился выпустить веревку и рухнул на землю. Оливер все еще не решался разжать руки, намертво вцепившиеся в спину и плечи юноши.

— Бегом! — подгонял их Бринд Амор. Маг понимал, что черепаха не сможет долго продержаться против дракона. Он единственный раз оглянулся на озеро, послав еще один сноп черного пламени, и помчался велел за Лютиеном. Ему пришлось зажечь волшебный свет, поскольку Оливер оставил все еще горящий факел на дальнем берегу.

Троица едва успела влететь в пещеру и добраться до прохода между сталагмитами, когда сзади донеслись всплеск и вопль Бальтазара, выбравшегося на берег:

— ГРАБИТЕЛИ! ЛЖЕЦЫ!

Теперь ландшафт благоприятствовал дракону, поскольку беглецам приходилось перелезать через поваленные сталагмиты. Лютиен наконец разглядел первые отблески водоворота голубых огоньков. Однако рев дракона слышался теперь совсем близко, и юноша не надеялся, что у него есть шансы добраться до них.

Бринд Амор, что-то яростно бормотавший, неожиданно вцепился в плечо юноши, прихватив заодно и Оливера, и все трое оторвались от земли и стремительно понеслись к стене.

Бальтазар взревел и выпустил еще одну струю пламени. Хафлинг заорал и прикрыл голову руками, полагая, что они вдребезги разобьются о камни. Свет магического туннеля, расширяясь, метнулся навстречу, словно пытаясь защитить беглецов, и последний сноп пламени, выпущенный драконом, только опалил им спины. Друзья вместе с волшебником в последнюю минуту успели укрыться в магическом коридоре.

12. СКАЗАНИЯ О ЛУЧШИХ ВРЕМЕНАХ

От одежды всех троих валил дым, когда они кувырком ввалились в пещеру волшебника, тесно сплетаясь в один большой клубок. Бринд Амор, демонстрируя удивительную ловкость, первым выбрался из клубка и встал на ноги, заливаясь хохотом.

— Старина Бальтазар будет дымиться от ярости добрую сотню лет! — веселился он.

Лютиен с каменным лицом пристально смотрел на чародея, и его суровый взгляд превратил громкий хохот волшебника в кашляющий смехок.

— Юный Бедвир, — нахмурился Бринд Амор, — тебе следует научиться смеяться по завершении опасного предприятия. Радуйся, что ты жив, мой мальчик! Смейся потому, что ты украл вещь из сокровищницы дракона, а это, поверь мне, не многим удавалось...

— И не одну, — поправил его Оливер, вынимая несколько драгоценных камней из кажущихся бездонными карманов.

— Тем более есть повод для смеха! — воскликнул Бринд Амор. Оливер начал жонглировать тремя камнями, любуясь их сверканием в мерцающем свете факела, а Бринд Амор поднял кулак, салютуя хафлингу.

Лютиен, однако, даже не пробовал выдавить из себя улыбку.

— Бальтазар? — переспросил он.

— А что Бальтазар? — эхом откликнулся Бринд Амор.

— Ты назвал дракона Бальтазаром, — объяснил юноша. — Откуда тебе известно его имя?

На секунду Бринд Амор пришел в замешательство, понимая, что угодил в ловушку.

— Ну, я, конечно, наблюдал за вами через свой хрустальный шар, — поспешно ответил волшебник, но Лютиен сразу почувствовал неискренность в его голосе. — Дракон представился... Оливеру, конечно.

— Да, это так, — подтвердил хафлинг.

— Ты знал его имя до того, как дракон объявил его, — мрачно настаивал Лютиен. Он услышал звон, когда Оливер прекратил жонглировать и один из драгоценных камней упал на каменный пол. А Бринд Амор слегка помрачнел. Атмосфера, которая минуту назад казалась волшебнику и Оливеру праздничной и пронизанной духом победы, сгустилась от напряжения. Хафлингу даже показалось, что его друг готов броситься с кулаками на Бринд Амора. — Твой рассказ о короле циклопов оказался ложью.

Чародей напряженно улыбнулся.

— Дорогой мой Лютиен Бедвир, торжественно начал он. — Если бы я сказал тебе, что в конце волшебного туннеля ждет дракон, пошел бы ты сквозь него?

— Неплохой аргумент, — признал Оливер. Он поднял глаза на Лютиена, надеясь, что его друг удовлетворится этим.

— Нас могли убить, — бесстрастно сообщил юноша. — И ты послал нас туда, зная, что мы почти наверняка погибнем.

Бринд Амор пожал плечами — его явно не впечатлило столь резкое обвинение. Подобное равнодушие только усилило ярость Лютиена. Невнятное рычание сорвалось с губ юного Бедвира.

— Лютиен, — прошептал Оливер, стараясь вернуть его в область разума, — Лютиен...

— Я что, должен принести извинения? — неожиданно резко спросил Бринд Амор, и его неожиданное возмущение охладило Лютиена. — Неужели вы настолько эгоистичны?

Теперь пришла очередь юноши изумляться, поскольку он понятия не имел, о чем говорит волшебник.

— И вы верите, что я бы подверг вас обоих такой опасности, не будь на то достаточно веской причины? — продолжал чародей, щелкая пальцами в воздухе перед лицом Лютиена.

— И твоя «веская причина» оправдывает ложь и стоит дороже нашей жизни? — рявкнул в ответ юноша.

— Да! — решительно ответил Бринд Амор. — В мире существуют гораздо более важные вещи, чем твоя безопасность, дорогой мальчик.

Лютиен уже собрался дать волю гневу, но в голубых глазах мага промелькнуло странное выражение, охладившее пыл возмущенного юноши.

— Неужели ты не веришь, что я каждый день скорблю по тем людям, которые пошли на поиски моего жезла до тебя и не вернулись? — угрюмо спросил волшебник. Огромная волна жалости омыла Лютиена, словно печаль Бринд Амора каким-то образом легла и на его плечи. Юноша оглянулся на Оливера в поисках поддержки, задаваясь вопросом, не подпал ли он под действие какого-либо заклинания, но хафлинг, казалось, был также ошеломлен и тронут словами волшебника.

— Знаете ли вы, откуда маг черпает свое могущество? — спросил Бринд Амор и внезапно показался обоим друзьям очень старым. Старым и усталым.

— Из своего жезла? — предположил Оливер, что было вполне обоснованным допущением, если принимать во внимание то задание, которое они с Лютиеном только что выполнили.

— Нет, нет, — отвечал Бринд Амор, — жезл — это только средоточие сил, инструмент, который позволяет волшебнику концентрировать свою энергию, — продолжал он, сложив пальцы руки щепоткой у лица, словно мистические силы находились у него в горсти, — знаете ли вы, откуда берется энергия?

Лютиен и Оливер обменялись вопросительными взглядами, явно не зная ответа.

— Из Вселенной! — резко, мощно выкрикнул Бринд Амор, заставив обоих друзей отступить на шаг. — От солнечных огней и мощи грозы. От небесных тел, от самих небес!

— Ты говоришь, как священник, — сухо заметил Оливер, но его сарказм был встречен неожиданным волнением.

— Вот именно! — ответил Бринд Амор. — Священники. Именно ими и считало себя древнее братство волшебников. Слово «волшебник» означает не больше чем «мудрый человек», и на самом деле только мудрый человек может постичь целиком реальность Вселенной, как физическую, так и духовную, потому что расстояние между ними не так велико, как может показаться на первый взгляд. Многие священники не понимают физической реальности. Немало ученых, которым удалось постигнуть тайны природы, не имеют чувства духовности. Но волшебники... — Его голос упал, а в глазах засияли гордость и уже знакомое странное выражение. — Волшебнику, мои мальчики, ведомо и то, и другое, он всегда держит в уме оба понятия. Существуют духовные последствия каждого физического действия, а материальное существо не может делать ничего иного, кроме как следовать зову своей души.

— Кто, по-вашему, построил эти великие соборы? — спросил Бринд Амор, имея в виду восемь огромных сооружений, находившихся на островах Эйвонского моря. Шесть — в Эйвоне, самый большой — в Карлайле и аналогичный — в Принстауне. Остров Барандуин, на западе, мог похвастаться только одним собором, а единственный собор Эриадора располагался в Монфоре.

Лютиен никогда не бывал там, но он проезжал неподалеку от этого города вдоль подножия Айрон Кросса. Оттуда все здания Монфора (а многие из них отличались немалыми размерами) и даже единственный замок города казались кукольными домиками, укрывшимися в длинной тени, отбрасываемой величественными шпилями и огромными контрфорсами массивного собора. Он назывался просто Собором и был одним из величайших источников гордости населения Эриадора. Каждая семья, даже жившая на островах, имела какого-нибудь предка, который работал на строительстве Собора, и это потомственное чувство заставило Лютиена ответить сквозь зубы:

— Их построили люди, — мрачно сказал он, как будто вызывая Бринд Амора на спор. Волшебник охотно закивал.

— В Гаскони тоже, — быстро вставил Оливер, не желая, чтобы забывали о достижениях его родины. Хафлинг бывал в Монфоре и знал, что соборы Гаскони, какими бы величественными они ни выглядели, не могли сравниться величию с их собратьями на островах. От вида Собора у хафлинга просто перехватило дыхание, а как минимум три к югу от Айрон Кросса были еще больше.

Бринд Амор кивнул, соглашаясь с притязаниями хафлинга, затем снова посмотрел на Лютиена.

— Но кто спроектировал их? — спросил он. — Кто руководил работой многих стойких и самоотверженных людей? Уж, конечно, вы не думаете, что простые крестьяне и рыбаки, какими бы благородными людьми они ни были, смогли спроектировать эти арочные контрфорсы и великолепные витражи соборов!

Лютиен не обиделся на слова волшебника, полностью согласившись с его логикой.

— Их вдохновлял Бог, объяснил он, — через своих священников...

— Нет! — резко прервал волшебник молодого человека. — Их вдохновлял сам Бог, — продолжил Бринд Амор, — но спроектировало их братство волшебников, а не священники, которые позднее, с полного нашего благословения, заняли их.

Чародей сделал паузу и глубоко вздохнул, прежде чем продолжать.

— Мы были так могущественны тогда, — продолжал он с отчетливой ноткой сожаления. — Это случилось вскоре после того, как Брюс Макдональд возглавил армию, разгромившую циклопов. Наша вера была тверда, наш курс прям. Даже когда огромная гасконская армия вторглась к нам, мы не сошли со своего пути. Он позволил нам пережить оккупацию и, в конце концов, заставить гасконцев вернуться в собственные земли.

Бринд Амор прямо посмотрел на Оливера, не с осуждением, но объясняя ему:

— Твой народ не смог разрушить нашу веру в самих себя и в Бога.

— А мне говорили, что у нас были другие дела на юге, — отвечал хафлинг, — и мы не могли держать так много солдат на островах.

— Твой народ не решился остаться там, — спокойно сказал Бринд Амор. — В этом не было никакого смысла, никакой пользы для Гаскони. Они так и не смогли захватить Эриадор, это было совершенно ясно, а учитывая еще беспорядки на севере... Ладно, давайте согласимся на том, что ваш король не находил удовольствия в правлении смелыми и энергичными жителями островов Эйвонси.

Оливер кивнул, соглашаясь на уступку в данном вопросе.

— На самом деле есть некая ирония судьбы в том, что самая страшная язва стала разрастаться в мирное время, которое наступило после того, как гасконцы ушли, — сказал Бринд Амор, снова обращаясь к Лютиену. Юный Бедвир отчетливо ощущал, что весь этот урок истории предназначался специально для него.

— То ли потому, что нам стало скучно, — заметил волшебник со смешком, — то ли потому, что соблазн еще большего могущества проник в нас слишком глубоко. Волшебники всегда использовали магических существ более низкого уровня — адских карликов или меньших демонов — в качестве слуг, призывая их, с их знанием других уровней существования, в поисках ответов на те вопросы, которые мы не можем получить в границах земных покровов. Однако до того времени наши истинные силы черпались из чистых источников: огонь и молния, холодные ветры с северных ледников и мощь океанского волнения. Но затем некоторые члены нашего братства, включая нынешнего короля, Гринспэрроу, — он произнес это имя, как выплюнул, с видимым отвращением, — заключили союз с могущественными демонами. Потребовалось много десятилетий, чтобы эти злобные силы достигли истинного расцвета, но постепенно они вытеснили добрых волшебников, к которым я смело могу причислить и себя.

Он закончил свою речь глубоким вздохом и опустил взгляд с видом полного поражения.

Лютиен долго и пристально смотрел на Бринд Амора, его мысли вихрем неслись по вновь открытым дорогам. Ничто из рассказа чародея, не считая нескольких последних фраз, не расходилось с теми наставлениями, которые ему преподавали в детстве, с основой его восприятия мира. То, что волшебники, а не священники вдохновили людей на создание великих соборов, в общем-то, не так уж много значило. И все же рассказ Бринд Амора потряс молодого человека. Чародей обвинил короля Гринспэрроу, человека, которому его отец присягал на верность, в тяжких преступлениях — ужасных преступлениях!

Лютиену хотелось броситься на волшебника, ударить по лицу этого лживого старика. Но он сдержался и застыл неподвижно. Юноша чувствовал на себе взгляд Оливера и догадывался, что хафлинг понимает его смятение, но сам он не взглянул на Оливера. В тот момент он просто не мог этого сделать.

— Больше всего я сожалею о том, — негромко и печально произнес Бринд Амор, — что величественные соборы Эйвонси осквернены. Теперь они стали обителью восьми герцогов короля Гринспэрроу, самого молодого поколения извращенных волшебников. Даже Собор, который я, Бринд Амор, будучи еще молодым человеком, помогал проектировать.

— Сколько вам лет? — спросил Оливер, но волшебник, казалось, не слышал его.

— Когда-то эти соборы служили символом духовности и веры человека, местом для святых торжеств, — продолжал чародей, по-прежнему глядя на Лютиена. Весомость его тона разогнала зреющий в юноше гнев, заставила его выслушать старика. — Теперь они — всего лишь место общих сборищ, где оглашаются списки налогов.

Последнее заявление болезненно ужалило Лютиена, именно потому, что являлось чистой правдой. Отца юноши по разным поводам призывали в Монфор, и он рассказывал о том, что ходил в Собор не молиться и не посещать церковную службу во славу Господа, а объясняться по поводу расхождений в цифре десятины, посланной герцогу Моркнею из Бедвидрина.

— Но пусть это вас не беспокоит, — сказал Бринд Амор нарочито бодрым голосом, —

ни того, ни другого!

Тон, которым маг произнес эту фразу, заставил Лютиена вздрогнуть. У гордого молодого человека возникло странное чувство, что все только что сказанное безвозвратно изменит его жизнь, изменит весь его взгляд на мир. Лютиена пугало только то, что он еще не до конца разобрался в происходящем.

— И вы оба заслужили свободу от моего... вмешательства и мою дружбу, чего бы она ни стоила. — Тень болезненных воспоминаний набежала на лицо волшебника. Он печально посмотрел на Лютиена.

— Этот плащ как раз тебе в пору, — заметил волшебник.

— Я нашел его в пещере дракона, — начал объяснять Лютиен, но остановился, уловив озорную искорку в голубых глазах волшебника. Юноша припомнил обстоятельства, при которых он наткнулся на сверток. — Это вы положили его туда! — догадался он.

— Я собирался отдать его тебе после того, как ты вернешься с моим жезлом, — признался Бринд Амор. — Мне бы не хотелось оставить еще и эти вещи — накидку и складной лук — Бальтазару. Еще не хватало! Но, видите ли, я верил в вас, в вас обоих, и я подумал, что эти вещи смогут пригодиться вам там.

Оливер громко откашлялся, прерывая разговор и привлекая к себе взоры обоих мужчин.

— Если вы могли сбросить нам эти игрушки, то почему вы не захотели просто забрать нас оттуда? — требовательно спросил хафлинг у Бринд Амора. — Ваш посох уже находился у меня — тогда бы нам не пришлось столкнуться с таким количеством весьма неприятных приключений.

Волшебник посмотрел на Лютиена, но не нашел у него поддержки, потому что аргументы Оливера, очевидно, возбудили какие-то сомнения в молодом человеке.

— Заклинание было не настолько сильно, — запинаясь, признал Бринд Амор, пытаясь сообразить, с чего начать свои объяснения. — А я не знал наверняка, где вы находитесь и с чем вам вскоре придется столкнуться.

— Выстрел наугад? — недоверчиво переспросил Оливер. — Тогда вам удалось неплохо прицелиться.

Чародей развел руками, словно желая показать, что собеседники просто неправильно поняли его.

— Конечно, я мог определить ваше местонахождение с помощью простого заклинания, хотя я и не знал, где находится это место, если вы понимаете, что я имею в виду. А потом доставить вам вещи другим, элементарным заклинанием — это очень простое перенесение. Гораздо сложнее открыть ворота, способные привести вас в пещеру и выпустить обратно. Нет, нет, это совсем другое дело!

Оливер и Лютиен молча посмотрели друг на друга — объяснение Бринд Амора оказалось вполне приемлемым.

— А что это за странная стрела? — спросил Лютиен, возвращаясь к началу разговора.

— На самом деле она безвредна, — пояснил волшебник, откровенно посмеиваясь. — Я даже не собирался отправлять ее туда — она просто лежала рядом с колчаном и случайно оказалась в поле действия заклинания. Такие стрелы назывались фейерверками и использовались для празднеств в более счастливые времена, когда Гринспэрроу еще не пришел к власти. Я должен сказать вам, что вы проявили большую изобретательность, использовав стрелу таким образом.

— Мне просто повезло, — объяснил Лютиен, — я и понятия не имел, что она может сделать.

— Никогда нельзя недооценивать фактор везения, — ответил Бринд Амор. — Разве не просто везение привело тебя к Оливеру, когда ему это было так необходимо? Не будь этой случайности, хафлингу бы вряд ли удалось уцелеть.

— А моя рапира, — запротестовал Оливер, вытаскивая оружие и держа его прямо перед лицом, чуть ли не касаясь острием своего широкого носа. Бринд Амор скептически

посмотрел на него и хмыкнул.

— О, вы обижаете меня! — воскликнул Оливер.

— Вовсе нет, но циклопы, охраняющие купца, обязательно сделали бы это, — ответил волшебник, от души рассмеявшись, и Оливер после секундного размышления кивнул и убрал рапиру в ножны, тщетно пытаясь сохранить серьезность.

Поведение Бринд Амора опять внезапно изменилось, когда он взглянул на Лютиена.

— Не нужно открыто носить эту накидку, — серьезно сказал маг.

Лютиен посмотрел на мерцающую алую ткань, спадающую складками с его широких плеч. «О чем говорит этот человек?» — подумал он. Юноша не понимал, какая польза от накидки, если ее не следует носить.

— Она принадлежала знаменитому вору, — объяснил Бринд Амор, — лук тоже был его собственностью, а эти складные луки в Эйвоне запрещены законом, потому что они — оружие подпольных банд, угрожающих трону.

Лютиен смотрел на накидку и лук, пытаясь взвесить ценность этих вещей. Являлись ли предметы, данные ему Бринд Амором, дарами или тяжелой ношей?

— Просто уберите их в безопасное место, — сказал чародей, словно читая мысли Лютиена. — Возможно, вы найдете им применение, а может быть, и нет. Тогда считайте их просто безделушками, напоминанием о вашем поединке с драконом. Немногие в этом мире могут похвастаться, что видели такое чудище. Те, кому случается побеседовать с подобным монстром, нечасто остаются в живых. Впрочем, ваш поединок тоже следует держать в тайне, — добавил Бринд Амор совершенно серьезно, хотя казалось, что эта мысль только что пришла ему в голову. Лютиен чуть не задохнулся, услышав эту странную речь, и обратился к прежнему недоверчивый взгляд на Оливера. Хафлинг, однако, прижал палец к губам и хитро подмигнул приятелю. Юный Бедвир решил, что опытный Оливер лучше разберется, в чем тут дело, и потом объяснит ему.

Остаток вечера они уже не говорили ни о драконе, ни о дарах. Они даже ни разу не вернулись к обсуждению лекции по истории, рассказанной Бринд Амором. Волшебник опять угостил их сказочным ужином и предложил ночлег на мягких кроватях, который они с радостью приняли.

Чародей пришел к Оливеру той же ночью, разбудил его и поманил за собой из комнаты.

— Прошу тебя, не оставляй своего друга и постарайся уберечь его, — сказал волшебник не совсем проснувшемуся хафлингу.

— Вы ожидаете великих дел от Лютиена Бедвира, — заключил Оливер.

— Я боюсь за него, — ответил Бринд Амор, уходя от прямого ответа. — Всего две недели назад он сражался в дружеских поединках на безопасной арене в доме своего отца. А теперь он стал изгнанником вне закона, вором и воином...

— Убийцей? — заметил Оливер, желая узнать, сочтет ли Бринд Амор такую поправку оправданной.

— Он убивал циклопов, которые собирались причинить вред ему или тебе, — твердо ответил Бринд Амор. — Он воин. — Чародей бросил взгляд на закрытую дверь в комнату Лютиена и показался Оливеру похожим на обеспокоенного родителя.

— Слишком много приключений ему пришлось пережить за последнее время, — продолжал Бринд Амор. — Юноша столкнулся с драконом! Конечно, это может показаться не бог весть чем для такого бывалого воина, как Оливер де Берроуз...

— Разумеется, нет, — перебил его хафлинг, внутренне посмеиваясь над своей наглостью.

— Но для юного Лютиена это, без сомнения, серьезное потрясение, — закончил волшебник. — Позаботься о нем, Оливер. Я прошу тебя. Сами основы этого мира уже стали или вот-вот станут зыбкими песками, которые начнут осыпаться под его ногами.

Оливер положил руку на бедро и откинулся назад, перенес свой вес на одну ногу, а другой нетерпеливо притоптывая по полу.

— Вы многого просите, — заметил он, когда волшебник повернулся и посмотрел на

него, — однако все дары, предложенные вами, предназначались не мне, а Лютиену.

— Пропуск в Монфор более ценен для тебя, чем для него, — быстро заметил Бринд Амор, осведомленный о последних похождениях Оливера в этом городе и о весьма сомнительной славе, которую хафлинг заслужил в среде весьма влиятельных купцов.

— Мне нет нужды отправляться в Монфор, — небрежно ответил Оливер, поднимая руку к лицу, словно желая тщательно исследовать свои холеные ногти.

Бринд Амор расхохотался.

— До чего же упрям! — весело заметил волшебник. — Но, может быть, это заслужит твою благосклонность? — Из шкафа у стены комнаты волшебник достал большую кожаную перевязь. Глаза Оливера заблестели. Среди городских воров эта штука называлась «взломщик». Кожаные полосы плотно закреплялись на хозяине, а другие ремешки — и маленькие кожаные кисеты для более тонких инструментов — содержали массу мелочей, необходимых в нелегком ремесле вора.

— Вот это — особо ценная вещь, — заверил Бринд Амор Оливера. Он открыл кисет, укрепленный на одном из плечевых ремней, и вынул из, казалось бы, крохотного кармашка любопытного вида приспособление — черный пупырчатый шар, прикрепленный к тонкому шнуру.

— Этот шнур гораздо тоньше, чем тот, который ты вынужден был оставить в пещере Бальтазара, — объяснил волшебник, — а эта липучка зацепится за самую гладкую стену. — В доказательство своих слов Бринд Амор небрежно метнул шар в ближайшую стену и туго натянул шнур.

— Он удержит трех крупных мужчин, — заверил Оливера волшебник. — Три быстрых рывка, — продолжал чародей, дергая за веревку, — и она отцепится. — И действительно, на последнем рывке липучка отделилась от стены.

Бринд Амор положил ее на место и открыл следующий мешочек, который висел на ремне, идущем вокруг пояса. Он поднес перевязь к лицу Оливера, чтобы тот мог заглянуть внутрь.

Хафлинг разинул рот и вытаращил глаза от изумления. Под открытым клапаном скрывалось гораздо большее пространство, чем казалось снаружи, а внутри находился очень сложный набор инструментов, напильников и отмычек, тонкая проволока и даже стеклорез — Оливер никогда раньше не видел ничего подобного.

— Ты должен лишь подумать о необходимом инструменте, — объяснил Бринд Амор, — и он появится в твоей руке.

Хафлинг не усомнился в словах волшебника, но ему ужасно хотелось посмотреть самому. Он протянул руку к открытому мешочку и беззвучно проговорил: «Отмычка», а затем чуть не выпрыгнул из ночной рубашки, когда в его руке внезапно появился ключ на длинной рукоятке.

Придя в себя от удивления, Оливер поднял хитрые глаза на Бринд Амора.

— Ну, договорились? — спросил волшебник, широко улыбаясь.

— А я никогда и не помышлял бросить Лютиена, — заверил Оливер старика.

На следующее утро, как и было обещано, Бринд Амор изготовил два пропуска в Монфор — предметы действительно ценные. Когда все трое вошли в комнату, где были привязаны Ривердансер и Тредбар, они обнаружили, что магия Бринд Амора уже работала. В стене образовалась светящаяся воронка вход в туннель, который должен был вывести друзей на дорогу рядом с Монфором.

Прощание было коротким и дружелюбным, хотя Лютиен так и не смог окончательно разувериться в своих подозрениях. Бринд Амор принял холодное рукопожатие молодого человека и подмигнул Оливеру.

В хрустальном шаре волшебник увидел, как друзья вышли из магического туннеля и оказались на дороге, ведущей в Монфор. Волшебнику хотелось бы иметь возможность и дальше защищать их. Он пошел на большой риск, отдав накидку и лук юному Лютиену, и, откровенно говоря, сам не знал, что руководило его действиями — вера или простое

отчаяние.

Однако какова бы ни была причина, теперь Бринд Амор должен был предоставить действовать друзьям самостоятельно. Он не мог выйти из своей тайной пещеры, не мог даже выглянуть из нее в направлении Монфора или еще куда-нибудь, где один из герцогов-чародеев, служивших королю Гринспэрроу, мог ощутить его магический взор и выследить изгнанного волшебника.

Если король Гринспэрроу хотя бы заподозрит, что Бринд Амор жив, то волшебника, безусловно, ждет роковой конец, а вместе с ним наверняка погибнут и Лютиен с Оливером.

Бринд Амор взмахнул рукой, и хрустальный шар потемнел. Маг-отшельник медленно вышел из комнаты и побрел в спальню, где устало опустился на мягкую постель. Возможно, именно он положил начало цепочки событий, которые могут иметь самые серьезные последствия, но теперь оставалось только сидеть и ждать.

13. МОНФОР

Ривердансер откровенно радовался, вновь оказавшись на открытой дороге. Лохматый белый жеребец с поблескивающей от утренней сырости шкурой трусил вперед. Ривердансеру хотелось лететь галопом, но Лютиен сдерживал его. Местность здесь была более неровной, чем в северных полях. Они приближались к подножью Айрон Кросса, и хотя им оставалось скакать еще добрых полдня, чтобы добраться до скалистых гор, землю здесь уже усыпали валуны.

— Жаль, что он не перенес нас поближе к городу, — заметил Лютиен, стремясь поскорее увидеть Монфор. — Хотя Ривердансеру полезно пробежаться. — С этими словами он похлопал коня по мускулистому боку и ослабил поводья, позволив скакуну рвануться вперед. Через минуту Оливер на Тредбаре поравнялся с ним.

— Этот волшебник на самом деле доставил нас так близко, как мог, — ответил Оливер. Он засмеялся, заметив озадаченный взгляд Лютиена. Впрочем, хафлинг уже давно понял, насколько неопытен в житейских делах юный Бедвир. Оливер вспомнил, как Бринд Амор просил его присмотреть за Лютиеном.

— Кто бы ни заставил волшебника отсиживаться в тайной пещере, этот человек, скорее всего, находится в Монфоре, — объяснил он.

Минуту Лютиен обдумывал это.

— Моркней, — решил он. Бринд Амор упомянул, что герцоги короля Гринспэрроу развращены союзом с дьяволом, как и сам король, так что этот вывод представлялся вполне логичным.

— Или один из его пособников, — согласился Оливер.

— Тогда мне не следует жаловаться, — сказал юноша, — Бринд Амор проявил себя настоящим другом, и я полностью прощаю ему ложь насчет пещеры — в конце концов, он пришел к нам на помощь, когда мы в ней особенно нуждались.

Оливер пожал плечами — он готов был согласиться с этим, но только наполовину.

— Появись он чуть-чуть пораньше, у нас остались бы драгоценности из сокровищницы дракона, — заметил хафлинг и тяжело вздохнул при этой мысли.

— Мы получили от него дары, — ответил Лютиен и похлопал по своим седельным сумкам. Впрочем, накидка и складной лук, по правде говоря, не показались ему достойной наградой за вторжение в логово дракона. Но Оливер явно не разделял скепсиса молодого человека. Лютиен удивился, заметив на комичном лице хафлинга необыкновенно серьезное выражение.

— Не следует недооценивать то, что тебе дали, — торжественно заявил Оливер.

— Я никогда не видел такого лука, — начал Лютиен.

— Я не имею в виду лук, — перебил его Оливер. — Он достаточно хорош, можешь не сомневаться, но и только. Я говорю об алом плаще. Необычайно щедрый дар!

Лютиен с сомнением посмотрел на него, затем на свои седельные сумки, как будто

ожидал, что плащ выскользнет оттуда и выскажется в свою защиту. Конечно, это прекрасный наряд, его алый цвет притягивал взор своей глубиной и мерцал при малейшем освещении, словно живой, и все же...

— Ты так и не понял, верно? — спросил Оливер, сомнение на лице Лютиена сменилось любопытством.

— А ты не заметил ничего странного там, в пещере дракона? Почему старина Бальтазар беседовал только со мной? — хитро спросил Оливер. — И как я сам реагировал, когда мы столкнулись во время моего флангового маневра?

Флангового маневра? Лютиену понадобилась пара секунд, чтобы сообразить, что столь пышное наименование Оливер присвоил маневру, больше заслуживающему названия «паническое бегство».

«Да, верно, — вспомнил юноша. — Там, в пещере, дракон полностью игнорировал меня. Казалось, он даже не заметил, что у Оливера есть напарник».

— Глаза дракона зорче, чем у орла, — заметил Оливер.

— Но он не заметил меня, — сказал Лютиен, понимая, что именно этого ответа ждет от него Оливер, хотя юноша все еще не придавал этому факту большого значения.

— Это все из-за плаща, — объяснил хафлинг.

Лютиен потряс головой, пытаясь осмыслить услышанное.

— Но это правда! — внушал ему Оливер. — Я тоже не видел тебя, пока ты не вцепился в жезл.

— Ты просто был занят драконом, — рассуждал Лютиен, — а Бальтазар перенес все свое внимание на тебя, особенно после того, как твои карманы стали раздуваться от его сокровищ.

— Но я потерял тебя из виду еще до того, как мы обнаружили дракона, — возразил Оливер. Теперь Лютиен посмотрел на него более внимательно.

— Когда я впервые нашел посох, я повернулся и позвал тебя, — продолжал Оливер. — Я подумал, что ты остался за одной из этих груд или отстал, и только когда ты откинул капюшон, я смог увидеть тебя.

— Игра света, — ответил Лютиен, но теперь уже Оливер потряс головой.

— Плащ алый, а за тобой был серый каменный пол и груды золотых монет.

Лютиен опять оглянулся на седельные сумки и потер рукой щетинистый подбородок.

— Я слышал о таких вещах, — сказал Оливер, — этот наряд окажется весьма полезной вещью на улицах Монфора.

— Это инструмент для вора, — презрительно заметил Лютиен.

— А ты и есть вор, — напомнил ему Оливер.

Лютиен промолчал. Неужели он действительно вор? А если нет, то кто он тогда? И почему он скачет по дороге в Монфор бок о бок с Оливером де Берроузом? Юный Бедвир громко рассмеялся, предпочитая такую реакцию дальнейшим мыслям, которые увели бы его слишком далеко. Он давно уже потерял контроль над событиями; если Оливер де Берроуз назвал его вором, то кто он такой, чтобы спорить?

За следующим поворотом между скалистыми северными склонами Айрон Кросса появился Монфор. Друзья увидели множество строений, теснящихся по склонам холмов и спускающихся в долину. И конечно, трудно было не заметить среди них здание Собора.

Он казался скорее частью величественных гор, чем творением человеческих рук, как будто сама длань Господня придала форму этим камням. Две башни с квадратным верхом, каждая из которых поднималась футов на сто, стояли по бокам фасада, а гораздо более высокий шпиль находился сзади по центру. Огромные арочные опоры виднелись по бокам от островерхой крыши до рядов меньших шпилей, принимая на себя огромный вес строения. Каменные горгульи злобно глядели на прохожих, а огромные цветные витражи изображали множество сцен и разнообразных узоров.

Даже на таком расстоянии зрелище было весьма впечатляющим. Лютиен не мог не восхититься творением древних мастеров, но его дух был угнетен с того самого момента, как

он услышал жалобу Бринд Амора на нынешнее использование соборов. Опять юный Бедвир почувствовал, что почва уходит из-под ног, и он почти ожидал, что земля расколется и он рухнет в ужасающую бездну.

Как и большинство городов, расположенных поблизости от Айрон Кросса, Монфор был окружен двумя стенами, причем обе охранялись множеством угрюмых циклопов. Двое подошли к воротам, встречая Оливера и Лютиена. Сперва они глядели с большим подозрением и крепко сжимали оружие, особенно при взгляде на разряженного хафлинга. Лютиен ожидал, что их, по меньшей мере, прогонят прочь. Честно говоря, его не удивил бы даже ливень стрел, пущенных арбалетчиками на стене.

Один из циклопов двинулся к седельным сумкам Ривердансера, и Лютиен затаил дыхание.

— Не имеете права! — резко запротестовал Оливер.

Лютиен недоверчиво взглянул на хафлинга. Конечно, у них с Оливером могли быть неприятности, если бы циклоп обнаружил складной лук, но эти неприятности нельзя сравнить с возможными последствиями проявленной хафлингом наглости.

Другой циклоп нехорошо взглянул на Оливера и сделал к нему шаг, однако хафлинг только молча протянул ему изготовленные волшебником пропуска. Циклоп развернул пергамент и внимательно посмотрел на него. (Лютиен, однако, понял, что тупица не умеет читать, потому что тот все время держал пропуск вверх ногами.) Однако выражение лица циклопа существенно смягчилось, и он позвал своего напарника. Этот циклоп оказался более сообразительным, он даже, с минуту подумав, перевернул пропуск. Но выражение лица второго циклопа тоже вскоре стало почти любезным. Стражник взглянул на стену и помахал рукой арбалетчикам; он, казалось, был почти рад впустить обоих всадников в Монфор — оба циклопа даже низко поклонились, когда Лютиен и Оливер проехали мимо них!

— О, ну и силен же этот волшебник! — засмеялся Оливер, когда ворота остались позади. — Просто мастер своего дела!

Лютиен не ответил, потрясенный размерами Монфора. Юноша никогда не видел города крупнее Дун Варны, а Монфор превосходил ее раз в двадцать.

— Сколько здесь людей? — ошеломленно спросил он у Оливера.

— Наверное, тысяч двадцать, — ответил хафлинг, и по его тону Лютиен понял, что на Оливера эта цифра не производит особого впечатления.

Двадцать тысяч людей! Весь остров Бедвидрин, площадью в пять тысяч квадратных миль, едва ли мог похвастаться четвертью этой цифры. Величина Монфора и то, как все эти люди теснились в нем, ошеломила молодого человека и заставила его ощутить изрядное беспокойство.

— Ты привыкнешь, — заверил Оливер, явно ощутив его тревогу.

Отсюда Лютиен разглядел внутреннюю стену, в одной точке соединенную с Собором и окружавшую возвышенную часть города. Монфор, рядом с которым находилось множество шахт, богатых разными видами руды, был процветающим городом, но Лютиен теперь видел, что, в отличие от Бедвидрина, где благосостояние более-менее делилось поровну, Монфор был похож на два разных города. Его нижняя часть состояла из множества рынков и скромных домов, многие из которых представляли собой не что иное, как лачуги. Когда друзья вели своих коней по булыжным мостовым, Лютиен видел детей, играющих самодельными игрушками, размахивающих отломанными ветками, как мечами, или баюкающих связанные палочки, отдаленно напоминавшие кукол. Торговцы и ремесленники, которых он видел, явно занимались нелегким трудом, их спины согнулись под бременем забот, руки покрылись сажей и мозолями. Впрочем, эти люди казались дружелюбными и довольными жизнью. Некоторые даже махали и улыбались двум достаточно необычным приезжим.

Лютиену не нужно было проходить за внутреннюю стену, чтобы вообразить, каких людей он мог бы встретить за ней. Шикарные дома возвышались над стеной, шпили некоторых взмывали высоко в небо. Он подумал об Обри и Авонезе и внезапно ощутил

желание вовсе не попадать в богатую часть города. Однако юноша заметил — и это показалось ему весьма любопытным, — что внутреннюю стену охраняло больше стражей, чем обе внешние стены вместе взятые.

В то время юному Бедвиру это было непонятно, но он снова ощутил вкус общества, резко разделенного на экономические классы.

Оливер направился в юго-восточную часть Монфора, к конюшням. Лютиену показалось, что он хорошо знал тех, кто там работал. Хафлинг вручил хозяину полный кошель с монетами, не торгуясь и не давая никаких инструкций, сразу после дружеского приветствия и короткого разговора. Оливер отдал поводья Тредбара и велел Лютиену сделать то же самое с Ривердансером. Лютиен знал, как сильно привязан Оливер к своему поразительному, хотя и уродливому пони, и поэтому послушался его без колебаний. Хафлинг явно не в первый раз оставлял здесь пони и был вполне удовлетворен результатом.

— Теперь в «Гнэльф», — объявил хафлинг, когда они вышли из конюшен; Лютиен перекинул через плечо свои седельные сумки.

— «Гнэльф»?

Оливер не стал утруждать себя объяснениями. Он просто повел его в наиболее обшарпанный район города, где глаза уличных оборванцев выражали готовность на все, где каждая дверь, казалось, вела в таверну, ломбард или бордель. Когда Оливер повернул к одной из таких дверей, Лютиен понял, что это и есть их пункт назначения, а взглянув на вывеску, он вспомнил название, которое произнес Оливер. Рисунок на вывеске изображал крепкого, мускулистого гнома и эльфа, прислонившихся спинами к бочке. Оба широко улыбались и поднимали сосуды с напитками: гном — кружку с элем, а эльф — кубок, вероятно, с вином. «Гнэльф — отличные напитки и приятная беседа для гномов и эльфов», — гласила вывеска, а под ней кто-то нацарапал: «Вход для циклопов — под их ответственность!»

— Почему «Гнэльф»? — спросил Лютиен, останавливая Оливера у самой двери.

Оливер кивнул головой на двери в другие таверны:

— Что ты видишь в других тавернах? — спросил он.

Лютиен не понял смысла вопроса. Во всех тавернах казалось одинаково людно. Он уже собрался ответить, когда до него дошло, что имел в виду Оливер: все посетители других баров, стоящие у дверей, были либо людьми, либо циклопами.

— Но ты не гном и не эльф, — заметил Лютиен, — не говоря уж обо мне.

— «Гнэльф» обслуживает людей тоже, а также тех, кто ими не является, — объяснил Оливер.

Опять Лютиену пришлось пошевелить мозгами, чтобы уловить смысл сказанного. В Бедвидрине было мало эльфов и еще меньше гномов, но они никоим образом не выделялись из всего сообщества. Таверна есть таверна, и точка.

Однако Оливер был настроен решительно, а хафлинг, конечно, ориентировался в Монфоре лучше, чем Лютиен, поэтому юный Бедвир не стал протестовать и охотно вошел вслед за приятелем в таверну.

Он чуть не задохнулся, ошеломленный множеством разнообразных запахов, причем ароматы эля, вина и экзотических пряностей преобладали. Дым висел в воздухе, отчего собравшееся общество показалось Лютиену еще более зловещим. Они пробрались между сдвинутыми столиками, вокруг которых сидели группы подвыпивших мужчин или не менее пьяных гномов и таких же эльфов — расы между собой почти не перемешивались. Пять циклопов, чьи черные с серебром формы показывали, что они принадлежат к преторианской гвардии, сидели за одним столом, громко смеясь и время от времени выкрикивая что-нибудь оскорбительное по адресу соседей, явно желая спровоцировать кого-нибудь на скандал.

Из-за всего этого Лютиену показалось, что вся таверна находится на грани взрыва. Юноша был рад, что при нем находился меч, и он все время на всякий случай прижимал к себе седельные сумки, пока протискивался к стойке.

Лютиен лучше оценил притягательность этой таверны для эльфов и гномов, когда

увидел, что многие из табуретов были выше обычных, со ступеньками, чтобы посетители чувствовали себя свободнее. Оливер удобно уселся на одном из них и легко смог поставить локти на полированную стойку.

— Итак, тебя еще не повесили, а, Тасман? — заметил хафлинг. Грубый на вид владелец таверны обернулся и покачал головой, глядя сверху вниз на Оливера. Хафлинг широко улыбнулся и приподнял свою огромную шляпу.

— Оливер де Берроуз, — сказал Тасман, подходя и вытирая стойку бара перед хафлингом. — Так быстро вернулся в Монфор? А я-то думал, твои предыдущие шалости удержат тебя вдали от нас хотя бы одну зиму.

— Ты забываешь о моем очаровании, — отозвался хафлинг, не слишком обеспокоенный.

— А ты забываешь, сколько ты оставил врагов, — немедленно парировал Тасман. Он полез под стойку и достал оттуда бутылку с темной жидкостью. Оливер кивнул с довольным видом. — Ну, будем надеяться, что они тоже забыли тебя, — сказал бармен, наливая хафлингу выпивку.

— Если нет, тогда давай пожалеем их, — ответил Оливер, поднимая свой стакан, словно произнес тост. — Потому что они наверняка почувствуют жало моего клинка.

Кажется, на Тасмана не слишком подействовали высокомерные заявления старого знакомого. Он опять покачал головой и поставил бокал перед Лютиеном, который придвинул нормальной высоты табурет, чтобы сесть рядом с Оливером.

Юноша закрыл рукой бокал прежде, чем Тасман успел налить ему вина.

— Просто немного воды, пожалуйста, — вежливо попросил молодой человек.

Стальные глаза Тасмана расширились от удивления.

— Воды? — переспросил он, и Лютиен покраснел.

— Так они в Бедвидрине называют легкий эль, — солгал Оливер, выручая друга из неловкой ситуации.

— А, — кивнул Тасман, хотя было видно, что он не поверил ни единому слову. Трактирщик заменил бокал на кувшин крепкого эля с пенистой шапкой. Лютиен взглянул на кувшин, затем на Оливера и понял, что отказываться не следует.

— Мне... нам понадобится комната, — заговорил Оливер. — Есть у тебя что-нибудь?

— Твоя обычная как раз свободна, — кислым тоном ответил Тасман.

Оливер широко улыбнулся — он любил свое старое жилье. Хафлинг полез в карман, — отсчитал нужное количество серебряных монет, затем хотел передать их бармену.

— Хотя я подозреваю, что она слегка нуждается в уборке, — добавил Тасман, потянувшись за монетами, но Оливер быстро отдернул руку.

— Цена та же, — решительно добавил Тасман.

— Но работа... — запротестовал было Оливер.

— ...необходима, благодаря твоим собственным шалостям! — закончил фразу Тасман.

Оливер с минуту обдумывал его слова, затем кивнул, как будто не в силах опровергнуть логику трактирщика. Пожав плечами, он снова протянул руку с монетами, и Тасман забрал плату.

— Надо бы добавить по хорошей выпивке для меня и моего друга, — сказал Оливер, желая оставить последнее слово за собой.

— Это уже сделано, и выпивка перед вами, — согласился Тасман. Он забрал деньги и отошел в сторону.

Когда Оливер снова взглянул на Лютиена, он обнаружил, что молодой человек подозрительно рассматривает его. Хафлинг издал глубокий вздох.

— Мне приходилось бывать здесь раньше, — объяснил он.

— Это я уже понял, — ответил Лютиен.

Оливер опять вздохнул:

— Я прибыл сюда в конце весны на корабле из Гаскони, — начал он рассказ. Затем он поведал о «маленьком недоразумении» с некоторыми местными жителями и объяснил, что

уехал на север всего несколько недель назад в поисках честной работы. Все это время Тасман стоял в стороне, вытирая стаканы, и с усмешкой слушал болтовню старого знакомого. Впрочем, Лютиен, который своими глазами видел, зачем Оливер, хафлинг с большой дороги, уехал на север, не нуждался в комментариях трактирщика. Он и без того понял, что Оливер опускает некоторые весьма важные детали и заполняет пробелы плодами собственного воображения.

Лютиен догадывался, что произошло на самом деле. Скорее всего, Оливеру пришлось бежать из города, спасаясь от каких-нибудь разъяренных купцов. И потому приятель охотно отправился на север, следуя за обозами. Чем лучше юноша узнавал хафлинга, тем быстрее таял романтический ореол, которым приятель старательно окутывал свои похождения. Лютиен не сомневался, что скоро ему удастся создать полное представление о его последнем пребывании в Монфоре. Не было никакой нужды нажимать на него сейчас.

Впрочем, юноша все равно не смог бы это сделать, потому что рассказ Оливера резко оборвался, когда мимо прошла статная женщина. У нее были большие груди, а платье с пышными оборками и низким вырезом только частично прикрывало их. Она тепло ответила на улыбку хафлинга.

— Ты, надеюсь, извинишь меня, — сказал Оливер Лютиену, не отрывая глаз от женщины, — но я должен найти место, чтобы согреть мои замерзшие губы. — Он соскользнул с высокого табурета, пустился бегом, догнал женщину в нескольких футах от бара и забрался на другое сиденье, чтобы оказаться на одном уровне с ней. Ну, не совсем на одном, поскольку глаза Оливера оказались как раз на уровне ее груди, но это обстоятельство совсем не беспокоило хафлинга.

— Дорогая леди, — изысканно начал он. — Лишь гордое сердце подсказывает слова моему неловкому языку. Конечно, вы самая прекрасная роза, с самыми большими... — Оливер сделал паузу, подыскивая слова и машинально делая жесты ладонями перед собственной грудью, — ...шипами, — ему, наконец, удалось подыскать нужный эпитет, — которыми вы пронзили сердце хафлинга.

Тасман сдавленно хихикнул, да и Лютиену сцена показалась весьма забавной. Однако юноша с изумлением увидел, что женщина — раза в два больше Оливера — была искренне польщена и заинтересована.

— Перед ним ни одна не устоит, — заметил Тасман, и Лютиен услышал истинное восхищение в ворчливом голосе трактирщика. Он с иронией посмотрел на Тасмана, но тот задумчиво пояснил:

— Видишь ли, они таких никогда не видели.

Лютиен не «видел» и уж вовсе ничего не понимал. Оливер и женщина увлеклись беседой на какую-то явно занимавшую обоих тему. Юный Бедвир не имел опыта в общении с подобными женщинами. Он подумал о Кэтрин О'Хейл и вообразил, как она перевернула бы Оливера вверх ногами, держа за лодыжки, и несколько раз ударила головой об пол, решишь он приблизиться к ней с подобными речами.

Но этой женщине, казалось, льстило внимание хафлинга, в какой бы форме оно ни выражалось и какими бы конечными мотивами ни было вызвано. За всю свою жизнь Лютиен ни разу еще не чувствовал себя настолько не в своей тарелке. Он продолжал думать о Кэтрин и обо всех своих друзьях. Ему хотелось оказаться в Дун Варне (не в первый и не в последний раз посетило его это желание), рядом со своими друзьями и братом — Лютиен запретил себе даже думать о том, что он может больше никогда не увидеть брата. Как он хотел, чтобы виконт Обри никогда не появлялся в его мире, полностью изменившемся с прибытием напыщенного вельможи.

Юноша повернулся к стойке и одним глотком выпил свой эль. Ощущая его неловкость, Тасман, который вовсе не был человеком бессердечным, наполнил кувшин снова и поставил его перед Лютиеном, затем отошел, прежде чем молодой человек успел либо отказаться, либо предложить оплату.

Лютиен принял угощение с благодарным кивком. Он повернулся на табурете,

разглядывая толпу. Убийцы и воры, циклопы, нарывающиеся на драку, коренастые гномы, которые, казалось, были вполне готовы дать им отпор. Юноша еще не успел осознать своего движения, а рука уже скользнула к мечу.

Он ощутил, как кто-то легко коснулся его руки, и, резко повернувшись, увидел, что какая-то женщина подошла и оперлась о табурет, который освободил Оливер.

— Только что прибыл в Монфор? — спросила она.

Лютиен глотнул воздуха и кивнул. Он видел перед собой более дешевый вариант Авонезы. Женщина была сильно раскрашена и надушена, вырез на груди соблазнительно велик.

— И держу пари, с деньгами, — промурлыкала она и погладила Лютиена по руке, отчего молодой человек начал понимать ситуацию. Он внезапно почувствовал, что оказался в ловушке, но понятия не имел, как из нее выбраться, не выставив себя полным дураком.

Жужжание толпы прорезал вопль, сразу заставивший всех замолчать и повернуть головы в его сторону. Лютиену даже не надо было смотреть туда, чтобы понять, что Оливер как-то замешан в происходящем. Юноша прыгнул со своего табурета и бросился мимо женщины прежде, чем та успела вновь повернуться к нему. Он протолкался через толпу и обнаружил Оливера, который стоял, выпрямившись во весь свой рост (рост хафлинга) перед огромным громилой с грязным лицом, одетым в мешковину, уличным бойцом с кастетом на руке. Парочка приятелей по бокам откровенно науськивала его. Женщина, за которой приударил Оливер, тоже стояла за спиной вора, рассматривая свои ногти и демонстрируя нарочитую обиду.

— Что, разве леди не имеет права решать сама? — небрежно осведомился Оливер. Лютиен был удивлен тем, что рапира хафлинга и его кинжал все еще мирно покоились в ножнах; если бы этот огромный и мускулистый мужчина прыгнул на него, чем мог обороняться маленький хафлинг?

— Она моя, — объявил громила и выплюнул комок какой-то жевательной травы на пол между широко расставленных ног Оливера. Хафлинг посмотрел на жвачку, потом снова на мужчину.

— Ты знаешь, что, попади ты мне на ногу, тебе бы пришлось почистить мой сапог, — заметил Оливер.

Лютиен потер рукой лицо, ошеломленный глупостью хафлинга, пораженный тем, что Оливер, против которого были как минимум трое, превосходящие его весом раз в десять, нарывался на такую невыгодную драку.

— Ты говоришь о ней так, как будто она — твоя лошадь, — спокойно продолжал Оливер. К изумлению Лютиена, хафлинг повернулся к женщине, которая стала причиной ссоры, и не обращал больше внимания на мужчину.

— Вы наверняка заслуживаете лучшего, чем этот олух, дорогая леди, — сообщил наглец, галантно взмахивая шляпой.

Нетрудно догадаться, что громила с ревом бросился вперед, но Оливер сделал движение первым, и не в сторону, а вперед. Он нанес быкообразному противнику удар головой прямо между ног, чем сразу охладил его пыл.

Неудачливый кавалер взвыл и прижал руки к низу живота.

— Похоже, ты больше не будешь думать о дамах, верно? — осведомился Оливер.

Несчастный застонал и рухнул на пол, а Оливер ловко отступил в сторону. Один из приятелей громилы, однако, уже приготовил кинжал. Оружие метнулось вперед, но было перехвачено прямо под головой Оливера мечом Лютиена и отброшено в сторону. Свободной рукой юноша нанес быстрый удар, прямо в нос, свалив его владельца на пол.

— Ох! — воскликнул Лютиен, потирая ободранные костяшки пальцев.

— Вы не знакомы с моим другом? — галантно осведомился Оливер у человека на полу.

Оставшийся приятель ринулся вперед, тоже с кинжалом, и Лютиен приготовил меч, считая, что уж этот бой — за ним, но Оливер прыгнул вперед, вооружившись рапирой и кинжалом.

Толпа попятилась; Лютиен заметил, что преторианские стражники смотрят на них с отнюдь не мимолетным интересом. Юноша понял, что если бы Оливер убил или серьезно ранил этого человека, его могли арестовать на месте.

Толпа громко ахнула, когда человек сделал выпад кинжалом, но Оливер легко уклонился, метнулся вбок и плашмя шлепнул его по задку рапирой. Упрямый громила сделал новый выпад, Оливер парировал его и снова наградил противника шлепком.

Мужчина, которого ударил Лютиен, стал подниматься, и юноша приготовился к прыжку, чтобы встретить его, но женщина, очарованная вниманием Оливера, успела первой. Она аккуратно сняла одну туфлю, ухитрившись сохранить на лице безмятежное выражение. Внезапно красotka принялась так энергично пинать мужчину босой ногой в лицо, что он снова упал на пол, извиваясь и пряча голову.

Это вызвало аплодисменты у зрителей.

Оливер прервал игру с громилой после нескольких пассивов и перешел в нападение, его клинки танцевали, то со звоном перекрещиваясь, то со свистом рассекая воздух, притягивая взгляды, когда они скрещивались, и вызывая ропот, когда резали воздух. Шаг вперед и выпад скрестили клинок хафлинга с кинжалом человека. Оливер ловким движением вышиб оружие из руки противника.

Маленький храбрец отпрыгнул назад и опустил рапиру, переводя взгляд с ошеломленного громилы на валявшийся на полу кинжал.

— Довольно! — внезапно крикнул хафлинг, перекрывая шепот и вздохи толпы.

— Ты думаешь, что можешь добраться до оружия, — сказал Оливер противнику, глядя на него в упор. — Возможно, ты прав. — Хафлинг постучал рапирой по тулье своей шляпы. — Но я предупреждаю вас, сэр: в следующий раз я не только обезоружу вас, я лишу вас руки, и это не пустая угроза!

Противник взглянул на кинжал в последний раз, затем нырнул в толпу, разразившуюся хохотом. Оливер изящно поклонился и убрал свое оружие, осторожно пройдя мимо первого громилы, который все еще стонал и держался руками за поврежденное место.

Многие, особенно гномы, постарались пройти поблизости от Оливера, чтобы иметь возможность похлопать по спине храброго и веселого хафлинга. Победитель принимал эти знаки внимания с искренней улыбкой.

— Не успел вернуться — и уже затеял свару! — заметил Тасман, когда хафлинг и Лютиен вернулись на свои места за стойкой. Однако юноше показалось, что на самом деле трактирщик не сердится.

— Но, сэр, — отвечал Оливер с обиженным видом, — речь шла о репутации леди.

— Да... — согласился Тасман. — Леди с большими... шипами!

— О! — драматично воскликнул хафлинг. — Не смей оскорблять мои возвышенные чувства!

Оливер поймал взгляд Лютиена, сидевшего с открытым ртом в полном изумлении от происходящего, и захохотал снова.

— Ты научишься, — заметил Оливер. Лютиен не мог сказать наверняка, было это обещанием или угрозой.

14. ПЕРВАЯ РАБОТА

Лютиен думал, что «Крошечный Альков» — самое нелепое название для улицы, какое он когда-либо слышал. Но когда Оливер провел его по узким улочкам с ветхими деревянными строениями, повернул за угол и сообщил, что вот они и дома, Лютиен подумал, что улочку неспроста называли так странно. Крошечный Альков был скорее переулком, чем улицей, не более восьми футов в ширину, и утопал в тени высоких зданий, главные двери которых находились с другой стороны.

Они прошли сквозь мрак безлунной ночи, осторожно переступая через тела пьяных, что не сумели добраться до собственных дверей. Возможно, впрочем, что у них просто не было

дверей, которые они могли бы назвать своими. Единственный уличный фонарь горел в переулке над сломанными перилами и выщербленными ступенями, ведущими к обитой железом двери. Когда они проходили мимо, Лютиен заметил огни, мерцавшие внутри, и согнутые тени людей, двигавшихся там.

— Гильдия воров, — шепотом объяснил Оливер.

— А ты входил в нее? — Лютиен считал свой вопрос абсолютно резонным, но взгляд, который бросил на него Оливер, показал, что хафлинг совершенно не разделяет его чувства.

— Я? — высокомерно переспросил Оливер, усмехнулся и пошел дальше, из-под света фонаря в ночную тьму.

Лютиен поравнялся с ним, перейдя переулок четырьмя домами дальше, на верхней ступеньке еще одной идущей вниз каменной лестницы, которая заканчивалась узкой, но длинной площадкой и деревянной дверью. Оливер надолго остановился, внимательно изучая дом и поглаживая аккуратно подстриженную бородку.

— Здесь я и жил, — прошептал он.

Лютиен не ответил, обеспокоенный странным поведением друга. Оливер медлил, казалось, он чего-то боится.

— Нам нельзя спускаться вниз, — наконец объявил хафлинг.

— Что, нужно научиться чувствовать такие вещи? — спросил Лютиен, на что Оливер только улыбнулся и сделал шаг назад, снова поднявшись на уровень улицы. Здесь хафлинг резко остановился и щелкнул пальцами, затем повернулся и метнул свой кинжал вниз по ступеням. Тот с громким стуком вонзился в дверь и задрожал.

Лютиен открыл рот, чтобы спросить хафлинга, что это он делает, но его остановило какое-то звяканье, звук трущихся друг о друга камней и внезапное шипение. Он опять повернулся к двери, затем отпрыгнул назад, к Оливеру, когда стрелы стали рикошетом отлетать от каменных ступеней. Площадка вспыхнула жарким пламенем, а когда юноша с недоверием уставился вниз, большой камень выскользнул откуда-то сверху дверного проема и упал в пламя.

Пламя исчезло настолько внезапно, словно великан перегнулся через перила лестницы и задул свечу.

— Вот теперь мы можем спускаться, — сказал Оливер, заложив пальцы за широкий ремень, — но смотри, куда ступаешь. Стрелы могли быть отравлены.

— Кто-то не очень любит тебя, — заметил ошеломленный Лютиен, медленно следуя за хафлингом.

Оливер ухватился за рукоятку клинка и резко дернул, но не сумел вытащить его из двери.

— Это только потому, что они не знают, какой я обаятельный мужчина, — объяснил хафлинг. Он стоял прямо, уперев руки в бока, и смотрел на клинок так, словно тот был упрямым врагом.

— Очень плохо, что твой кинжал не с тобой, — язвительно заметил Лютиен, стоя позади него. — Тогда бы ты мог разоружить дверь.

Оливер неодобрительно взглянул на друга. Лютиен потянулся над головой хафлинга, чтобы выдернуть застрявший кинжал, но хафлинг шлепнул его по руке. Прежде чем Лютиен успел возразить, Оливер подпрыгнул, ухватился за рукоятку кинжала обеими руками и уперся ногами в дверь по обе стороны от рукоятки.

Рывком вытащив кинжал, Оливер и его огромная шляпа полетели назад. Хафлинг сделал обратный кувырок, легко приземлившись на ноги, одним движением поймал шляпу и вложил кинжал в ножны.

— Да, у меня действительно полно обаяния, — вновь объявил он, весьма довольный собой, и Лютиен, хотя и не собирался говорить это Оливеру, мысленно с ним согласился.

Хафлинг поклонился и указал рукой на дверь, предлагая юноше пройти первым. Юный Бедвир чуть не поймался на эту уловку, отвесив такой же поклон и шагнув к двери. Он потянулся к ручке, затем выпрямился и оглянулся на Оливера.

— Это был твой дом, — сказал он и отступил в сторону.

Оливер откинул назад плащ и храбро шагнул мимо Лютиена. Глубоко вздохнув, он резко распахнул дверь. Запах сажи неприятно ударил в нос, и хотя света почти не было, они сумели разглядеть, что дверь изнутри почернела. Оливер помедлил и сделал осторожный шаг через порог, затем быстро отдернул ногу.

Маятник с двойным лезвием просвистел мимо, прямо перед его носом. Поддерживающая маятник балка закрипела, он еще несколько раз качнулся туда-сюда и наконец остановился в вертикальном положении точно по центру двери.

— Кто-то тебя действительно сильно не любит, — опять сказал Лютиен.

— Вовсе нет, — быстро ответил Оливер и проказливо улыбнулся юноше, — это была моя собственная ловушка! — Оливер приподнял шляпу и бодро прошел мимо маятника.

Лютиен улыбнулся и пошел вслед за ним, но остановился, когда осознал скрытый смысл игры Оливера. Компаньон предложил ему пройти первым, но ведь хафлинг явно знал о маятнике-ловушке! Бурча что-то себе под нос и выверяя каждый шаг, Лютиен вошел в дом.

Оливер находился где-то слева, суетясь над масляной лампой. Хафлинг добавил масла и наконец сумел зажечь ее, хотя стекло в ней отсутствовало, а корпус погнулся и обгорел.

Казалось, некий смерч пронесся по обители хафлинга, превращая ее в руины. Вся мебель была переломана, ковры выгорели и превратились в клочья ничего не стоящих лохмотьев. В застоявшемся воздухе пахло дымом, хотя огонь давно погас.

— Волшебный огненный шар, — буднично заметил Оливер, — или эльфийское вино.

— Вино?

— Бутылка мощных горючих материалов, — объяснил хафлинг, пинком отбрасывая в сторону остатки того, что явно когда-то было креслом. — Затыкается подожженной тряпкой. Очень эффективно.

Юноша поразился тому, как легко Оливер воспринимает разрушение. Хотя искореженная лампа давала мало света, Лютиену было ясно, что содержимое дома не сохранилось. А оно, по всей вероятности, было весьма ценным.

— Сегодня ночью нам спать не придется, — заметил Оливер. Он открыл одну из седельных сумок и достал оттуда самую простую и недорогую одежду.

— Ты собираешься начинать уборку прямо сейчас? — спросил Лютиен.

— Я не люблю спать на улице, — будничным тоном объяснил хафлинг. — Впрочем, ночевать на помойке мне тоже не слишком нравится.

И они принялись за работу.

Им пришлось усердно трудиться два дня, прежде чем удалось избавиться от мусора и обломков. Друзья время от времени выходили в «Гнэльф», чтобы поесть, и в конюшни, чтобы проведать своих лошадей. Каждый раз, возвращаясь, они замечали группки любопытных беспризорников, грязных и голодных детей, которые болтались рядом с их домом и даже прямо в нем. От внимания Лютиена не ускользнул тот факт, что Оливер обычно раздавал им добрую половину еды, принесенной с собой.

На второй день Тасман предложил им принять ванну, в чем они сильно нуждались. Затем друзья снова переоделись в лучшие одежды и отправились в то место, которое теперь по праву могли назвать своим домом.

Их приветствовали голые стены и грубый деревянный пол. Оливер приобрел только новую лампу, да еще они принесли из конюшни свои постели.

— Завтра вечером мы начинаем заниматься меблировкой дома, — заявил хафлинг, укладываясь спать.

— А сколько у нас денег? — спросил Лютиен, заметив, что кошелек Оливера значительно похудел.

— Немного, — признался хафлинг, — поэтому мы и должны начать завтра вечером.

Тогда Лютиен понял и отнюдь не пришел в восторг от подобной идеи. Оливер вовсе не планировал покупать что-то. Они должны были с самого начала жить воровской жизнью.

— Я давно планировал побывать в гостях у одного купчика, — сказал хафлинг. — Еще

до того, как события заставили меня выйти на большую дорогу. Охрана у него осталась прежней, и он вряд ли сообразил припрятать все ценное.

Лютиен по-прежнему хмурился.

Оливер остановился и взглянул на друга, затем на губах хафлинга появилась невеселая улыбка.

— Такая жизнь тебе не нравится, — полувопросительно сказал он. — Ты не считаешь воровство благородной профессией?

Вопрос казался смехотворным.

— Что ты знаешь о законах? — спросил Оливер.

Лютиен пожал плечами. Ответ казался очевидным, по крайней мере в том, что касалось воровства.

— Присваивать собственность другого человека — противозаконно, — ответил он.

— Ага! — воскликнул хафлинг. — Вот тут-то ты и не прав. Иногда присвоение чужой собственности противозаконно. А иногда это называется деловым предприятием.

— А то, что ты делаешь, — это, конечно, именно «деловое предприятие»? — с иронией осведомился юный Бедвир.

Оливер расхохотался.

— Деловыми предприятиями занимаются купчики, а то, что делаю я, — это исполнение законов. Не путай закон с юриспруденцией, — добавил Оливер, — во всяком случае, при короле Гринспэрроу.

С этими словами хафлинг завернулся в одеяло, закончив разговор. Лютиен еще некоторое время не мог заснуть, обдумывая его слова, но на душе у него было тяжело.

* * *

Они пробирались по крышам великолепных домов в верхней части Монфора. Лютиен облачился в свой новый плащ, а на Оливере был облегающий, эластичный черный костюм и подаренная ему Бринд Амором упряжь, скрытая под фиолетовой накидкой. Циклопы, в основном преторианские стражники, патрулировали каждую улицу, парочка даже торчала на крыше, но Оливер хорошо знал район и спокойно вел Лютиена за собой.

Они подошли к невысокому, примерно по пояс парапету, находившемуся на высоте трех этажей. Оливер насмешливо улыбнулся, заглянул через него, затем обернулся к товарищу и кивнул.

Лютиен чувствовал себя очень уязвимым, как ребенок, связавшийся с плохой компанией. Он нервно оглянулся и повыше натянул на плечи свою алую накидку.

Оливер вытащил маленький сморщенный шар и тонкую веревку из крайнего мешочка своей перевязи, затем швырнул необычную липучку в парапет на крыше и туго натянул веревку.

— Приободришься, друг мой, — прошептал Оливер, — сегодня ты стал учеником настоящего мастера.

Хафлинг стал спускаться, беззвучно скользя по веревке. Лютиен наблюдал, как приятель остановился перед окном, открыл другой мешочек и вытащил из него какой-то маленький инструмент, который молодой человек не мог разглядеть. Он, однако, быстро понял, что это такое, когда Оливер приложил его к окну и вырезал широкий круг, аккуратно выдавив стекло. Быстро оглянувшись, хафлинг исчез в комнате.

Как только веревка появилась снова, Лютиен перебрался через выступ и легко спустился к Оливеру.

Хафлинг держал маленькую лампу, дававшую необычайно узкий луч света. Глаза начинающего взломщика расширились, когда Оливер обвел этим лучом комнату. Хотя отец Лютиена был эрлом и весьма зажиточным по меркам Бедвидрина человеком, юноша никогда не видел такой коллекции. На всех стенах висели искусно выполненные гобелены, пол покрывали толстые ковры, и куда ни посмотришь — вазы, статуэтки, декоративное оружие и

даже рыцарские доспехи.

Оливер поставил лампу на единственный предмет мебели — огромный дубовый письменный стол — и потер пухлые руки. Он начал осмотр, показывая жестами, какие вещи являлись самыми ценными. Искусство взломщика, как предварительно объяснял Оливер, состояло в том, чтобы знать, что стоит брать — как по цене, так и по размеру. Нельзя же бегать по улицам Монфора с охапкой награбленного добра!

Спустя несколько минут взгляд Оливера остановился на прекрасной вазе из синего фарфора с золотым ободком. Он взглянул на Лютиена, кивнул и замер на месте.

Сперва юноша ничего не понял, но затем он тоже услышал тяжелые шаги за дверью.

Друзья бросились к окну, и тут Лютиен неосторожно наступил на кусок стекла, который Оливер отложил в сторону. Оба сжались от громкого хруста и нервно оглянулись на дверь. Все еще держа вазу под мышкой, Оливер схватился за веревку и качнулся в сторону от окна.

У Лютиена уже не оставалось времени. Он взглянул на дверь и увидел, что ручка поворачивается, — и только тогда вспомнил, что лампа по-прежнему стоит на столе! Молодой человек метнулся через всю комнату и задул пламя, затем прижался к стене и замер, когда два циклопа вошли в комнату.

Они подозрительно принюхались, настороженно оглядываясь вокруг. К счастью, у них была с собой лампа, и Лютиен надеялся, что твари не учуют запаха от фитиля погашенного светильника. Один из циклопов даже уселся на стол в двух футах от Лютиена.

Юноша, сдерживая дыхание, положил руку на рукоять своего покоящегося в ножнах меча и чуть не вытащил его, когда циклоп повернулся к нему.

Однако злобный страж ничего не заметил, хоть и посмотрел прямо на Лютиена.

— А мне нравятся картины, рисующие победы циклопов! — с гоготом обратился одноглазый к своему приятелю, и юноша понял, что стоит прямо перед гобеленом, изображающим подобную сцену. Но хотя циклоп продолжал пялиться прямо на него, он явно не замечал никаких несоответствий в картине.

— Пойдем, — секунду спустя решительно произнес другой циклоп. — Здесь никого нет. Тебе показалось.

Стражник, сидящий за столом, пожал плечами и поднялся. Он повернулся к выходу, но внезапно остановился.

Глядя из-под капюшона, Лютиен понял, что, по несчастному стечению обстоятельств, циклоп заметил разбитое стекло. Он сильно хлопнул своего напарника по плечу, и они вместе подбежали к окну.

— Крыша! — закричал один из них, высываясь из окна и глядя вверх.

Лютиен снова потянулся к мечу, но его инстинкт подсказал отступить и воздержаться от битвы любой ценой.

Циклопы выбежали из комнаты, а Лютиен бросился к окну — и там был встречен Оливером, который вернулся назад. Он три раза дернул за веревку и вытянул волшебную липучку. Хафлинг начал укреплять ее на подоконнике, чтобы они могли соскользнуть вниз, на улицу, но звук приближающихся шагов остановил его.

— Нет времени, — заметил Лютиен, хватая приятеля за руку.

— А я так не люблю драться, — сокрушенно покачал головой хафлинг.

Лютиен отодвинулся к стене, потянув за собой Оливера. Он плотно прижался спиной к гобелену и распахнул накидку, показывая, что его маленький друг должен спрятаться под ней. У Оливера не оставалось иного выбора, так как дверь начала открываться.

Лютиен наблюдал из-под капюшона, а Оливер приник к крошечной щелочке между полами плаща. Жилистый мужчина в ночной рубашке и колпаке, явно купец, и с ним еще несколько циклопов, все с фонарями, ворвались в комнату.

— Проклятье! — рявкнул хозяин, оглядевшись и увидев лампу на столе, разбитое окно и пустую подставку из-под вазы. Он сразу же подошел к столу, сунул ключ в скважину верхнего ящика, выдвинул его и издал облегченный вздох.

— Ну, — сказал он изменившимся тоном, — по крайней мере, украдена только та дешевая ваза.

Лютиен с иронией посмотрел вниз, и хафлинг, поймав его взгляд, пожал плечами.

— Они не взяли статуэтку, — с явным облегчением продолжал купец, глядя на маленькую фигурку человека с крыльями, стоящую на столе. Он запустил руку в ящик стола, и друзья слышали позвякивание драгоценностей. — Или вот это. — Купец закрыл ящик и запер его. — Общайте весь квартал, — приказал купец циклопам, — и сообщите о случае воровства городской страже. — Он взглянул через плечо и нахмурился; и Лютиен, и Оливер затаили дыхание, думая, что их заметили. — И проследите, чтобы на окна установили решетки! — рявкнул хозяин.

Затем он вышел, забрав с собой циклопов, и даже заслужил немалую благодарность друзей, заперев за собой дверь.

Оливер выбрался из-под накидки, потирая заgreбущие руки. Он пошел прямо к столу — купец услужливо оставил лампу на месте.

— Но ящик заперт! — прошептал Лютиен, подходя к столу вслед за хафлингом. Тем временем Оливер колдовал над другим мешочком из своей перевязи. Он вытащил несколько инструментов и разложил их на столе.

— Ты был не прав! Ты тоже можешь ошибаться! — объявил он минутой позже, гордо взглянув на юношу, и выдвинул ящик. Груда драгоценностей ожидала их: ожерелья из редкостных камней, браслеты и несколько золотых колец. Оливер в мгновение ока опустошил ящик, сложив его содержимое в маленький мешочек, который он достал из другого отделения своей невероятной перевязи. Хафлинг в самом деле начал осознавать ценность даров Бринд Амора.

— Бери-ка статуэтку, — сказал он Лютиену, а сам прошелся по комнате и аккуратно водворил вазу на прежнее место.

Они прождали у окна полночи, пока шум суетящихся в квартале циклопов не замер окончательно. Тогда Лютиен снова забросил липучку на крышу, и друзья отправились восвояси.

Благодаря тусклому свету лампы друзья не заметили самого существенного следа, который остался после них. Купец вернулся на следующий день и обнаружил, что самые ценные вещи пропали. В ярости он схватил вазу, которую вернул Оливер, и с воплем швырнул ее через всю комнату, явно намереваясь разбить о стену за письменным столом. Внезапно он замолчал и с любопытством уставился на тень на стене.

На гобелене, возле которого Лютиен прятался от циклопов, неясно вырисовывался силуэт человека в накидке — алая тень несмываемо легла поверх сцен, запечатленных на драгоценном изделии. Никакая стирка не могла удалить ее. Волшебник, которого позднее нанял купец, только беспомощно таращился на загадочный силуэт, прекратив бесплодные попытки убрать его.

Алая тень сохранилась навечно.

15. ПИСЬМО

Лютиен сидел, откинувшись на спинку удобного кресла, его голые ступни утопали в густом ворсе дорогого ковра. Он выгнул плечи и широко зевнул. Они с Оливером вернулись только перед рассветом с их третьей за эту неделю экспедиции в квартал купцов, и молодой человек не выспался, разбуженный громоподобным храпом своего миниатюрного друга. Лютиен, однако, отомстил ему, сунув босую ногу Оливера в ведро с холодной водой. Его следующий зевок превратился в улыбку, когда он вспомнил виртуозные ругательства хафлинга.

Сейчас Лютиен остался в доме один. Оливер отправился искать покупателя для вазы, которую они добыли три дня назад. Эту прекрасную темно-синюю с золотыми крапинками вазу Оливер сперва хотел оставить дома. Но Лютиен отговорил его, напомнив о

надвигавшейся зиме и о том, что им понадобится много припасов, чтобы пережить ее с удобствами.

С удобствами. Это слово странно прозвучало в мыслях самого Лютиена. Юноша прожил в Монфоре чуть больше трех недель, и поначалу, кроме Ривердансера, у него ничего не было. Лютиен очутился в выгоревшей дыре, которую только Оливер, с его неистощимой жизнерадостностью, мог назвать своим домом. На самом деле, нанюхавшись сажи в первые два дня, Лютиен серьезно раздумывал о том, можно ли жить здесь — да и вообще в Монфоре. Теперь, оглядывая гобелены на стенах, толстые ковры на полу, дубовый письменный стол и другую красивую мебель, Лютиен с трудом верил, что это тот же самый дом.

Они славно поработали, избавляя купцов от лишнего имущества. Здесь находились результаты их набегов, либо взятые непосредственно на месте, либо приобретенные в результате торговли со многими перекупщиками краденого, которые частенько появлялись в Крошечном Алькове.

Улыбка Лютиена сменилась хмурой гримасой. Пока он рассматривал дела в свете настоящего или недавнего прошлого, он мог сохранять неплохое расположение духа, но мысли юного и благородного Бедвира неизменно возвращались в более отдаленное прошлое или убегали далеко вперед. Он прекрасно себя чувствовал среди предметов роскоши, добытых им вместе с Оливером, но стыдился способа, которым они приобретались. Все же он оставался Лютиеном Бедвиром, сыном Эрла Бедвидрина и героем арены.

«Нет, — подумал юноша. — Теперь я просто Лютиен, вор в алой накидке».

Лютиен вздохнул и вернулся мыслями во времена своей невинной юности. Он тосковал по тем дням, когда самой большой проблемой для него была дыра в рыбацких сетях. Тогда будущее казалось вполне определенным.

Сейчас Лютиен не мог выносить даже мыслей о будущем. Убьют ли его в доме какого-нибудь купца? Или воровской гильдии, расположенной по другую сторону переуллка, надоест терпеть их проделки, а ее главари позавидуют двум независимым грабителям? Придется ли им с Оливером срочно уносить ноги из Монфора, страдая от голода и холода суровой зимой? Оливер согласился продать вазу только потому, что было необходимо сделать кое-какие запасы на зиму, и Лютиен знал, что многие закупленные хафлингом припасы предназначены для жизни на большой дороге. Просто так, на всякий случай.

Прилив энергии поднял встревоженного молодого человека из его кресла. Он перешел маленькую комнату, сел за дубовый письменный стол и развернул пергамент.

«Гахризу, Эрлу Бедвидрина», — прочел Лютиен написанную им самим фразу. Затем он осторожно вынул из верхнего ящика стола перо и чернильницу.

«Дорогой отец», — начал юноша. Он саркастически улыбнулся при мысли о том, что за несколько секунд удвоил уже написанное на пергаменте. Он начал письмо десять дней назад, если адрес можно было назвать началом. И теперь, как и тогда, Лютиен откинулся на стуле и устремил невидящий взгляд в пространство.

«Что я могу сказать Гахризу, — размышлял юноша. — Что я — вор?»

Лютиен издал громкий вздох и решительно окунул перо в чернильницу.

«Я в Монфоре. Я подружился с великолепным парнем, гасконцем по имени Оливер де Берроуз».

Молодой человек помедлил и опять хмыкнул, думая, что одно описание Оливера могло бы занять четыре страницы. Он взглянул на маленький пузырек рядом с пергаментом и усомнился, хватит ли у него на это чернил.

«На самом деле я не знаю, зачем пишу это. Похоже, что нам с тобой нечего сказать друг другу. Я только хотел сообщить, что я здоров и дела мои идут хорошо». Лютиен осторожно подул на пергамент, чтобы высушить чернила. Последняя строчка была правдивой, юноше очень хотелось успокоить отца. Он опять улыбнулся, а потом нахмурился.

«Или, возможно, не все хорошо, — продолжил Лютиен. — Я встревожен, отец, тем, что я увидел и что я узнал. Почему мы живем во лжи? Почему мы должны быть верны королю-

захватчику и его псам-циклопам?»

Лютиен опять остановился. Он не хотел писать о политике, в которой мало что понимал, несмотря на уроки Бринда Амора. И когда его перо опять опустилось на пергамент, юный Бедвир рассказал о том, в чем успел неплохо разобраться.

«Вы бы видели детей Монфора. Они роются в канавах, выискивая объедки, вместе с крысами, в то время как богатые купцы становятся еще богаче трудами их разоренных родителей.

Я вор, отец. Я — вор!»

Лютиен уронил перо на стол и недоверчиво уставился на пергамент. Он не собирался открывать Гахризу правду. Конечно нет! Это вышло само по себе, как результат его растущего гнева. Юноша схватил пергамент и хотел скомкать его. Но внезапно остановился и снова разгладил лист, глядя на последние слова: «Я — вор!»

Юному Бедвиру показалось, что он заглянул в чистое и честное зеркало собственной души. Однако увиденное не сломило его. Упрямо, против воли он поднял перо, опять разгладил пергамент и продолжил.

«Я знаю, что в стране процветает ужасающая несправедливость. Мой друг Бринд Амор назвал это болезнью, и это вполне правильное описание, потому что роза, которой когда-то был Эриадор, умирает на наших глазах. Я не знаю, виноваты ли в этом король Гринспэрроу и его герцоги, но я всем сердцем чувствую, что любой, кто возьмет себе в союзники циклопов, предпочтет розе заразу.

Эта зараза, эта чума находится за внутренней стеной Монфора, и туда я иду под покровом тьмы, чтобы забрать в отместку то небольшое, что вмещается в мои карманы.

Я омочил свой клинок в крови циклопов, но я боюсь, что чума проникла глубоко. Я боюсь за Эриадор. Я страшусь за детей».

Лютиен опять откинулся назад и долго смотрел на эти слова. Он ощущал пустоту в груди, общее отчаяние, «...в отместку то небольшое, что вмещается в мои карманы», — прочитал он вслух, и для Лютиена Бедвира, который считал, что мир должен быть иным, это действительно показалось жалкими крохами.

Юноша бросил перо на стол и поднялся на ноги. Затем почти машинально торопливо окунул кончик пера в чернильницу и толстой линией зачеркнул заголовок письма.

— Будь ты проклят, Гахриз, — прошептал он, и эти слова больно ужалили его, невольно увлажнив карие глаза.

Лютиен уже крепко спал в удобном кресле, когда вернулся Оливер. Хафлинг весело влетел внутрь, у его пояса позвякивал кошелек с золотыми монетами. Он удачно сбыв вазу и теперь был занят мыслями о том, сколько существует прекрасных способов получить удовольствие от добычи.

Он двинулся к Лютиену, собираясь разбудить молодого человека, чтобы они успели на рынок раньше, чем все лучшие товары будут раскуплены или украдены, но заметил развернутый пергамент и подошел к столу.

Улыбка Оливера исчезла, когда он прочитал мрачные слова, и взгляд, который он бросил в сторону Лютиена, был откровенно сочувственным.

Хафлинг остановился над спящим беспокойным сном молодым человеком, снова выдавил улыбку и разбудил Лютиена, позвонив монетами прямо у того над головой.

— Открывай свои заспанные глаза, — бодро заявил Оливер. — Солнце уже высоко, и рынок ждет.

Лютиен застонал и попытался отвернуться, но Оливер схватил его за плечо и с силой, удивительной для такого маленького человека, снова развернул его к себе.

— Пожалуйста, пойдём, мой-не-слишком-жизнерадостный друг! — попросил Оливер. — Северный ветер уже несет укусы зимы, а нам еще надо столько купить! Мне понадобится еще как минимум дюжина теплых плащей, чтобы одеться надлежащим образом!

Лютиен поднял отяжелевшие веки. «Еще дюжина плащей? О чем он?»

— Я говорю, дюжина! — повторил хафлинг. — Чтобы я мог спокойно выбрать из них тот, который наилучшим образом будет соответствовать моей репутации. Остальные — тьфу! — Он изобразил высокомерный плевок. — Я просто выброшу на улицу.

Лицо Лютиена сморщилось в недоумении. Зачем выбрасывать вполне хорошие теплые плащи на улицу?

— Пошли, пошли, — болтал хафлинг, не закрывая рта и направляясь к двери. — Мы должны попасть на рынок раньше, чем эти испорченные дети разворуют все товары!

«Дети»! Выбросит на улицу плащи, как же! Оливер выбросит их туда, где эти самые дети, на которых он часто жаловался, смогут эти плащи подобрать. Ну конечно, они ведь примерно одного роста! Лютиен получил ответ на свой вопрос, и восхищение тайной щедростью Оливера придало юноше сил.

Новые задачи, возникшие перед хафлингом, прояснились, когда они отправились в центральный район нижней части Монфора, на широкую рыночную площадь, окруженную киосками и крытыми палатками. Там зарабатывало на хлеб множество уличных артистов. Некоторые пели, другие играли на каких-то экзотических инструментах, жонглировали или показывали акробатические представления. Лютиен не отнимал руки от кошелька, когда они с Оливером проходили поблизости от этих людей, — первый урок, который преподавал ему хафлинг, заключался в том, что почти все эти артисты использовали представления для прикрытия истинной профессии.

В этот ясный день рынок казался необычайно шумным. Большой торговый караван, последний крупный караван в этом году, прибыл прошлой ночью, проделав путь от Эйвона через Мальпьюсантову стену и вокруг северных отрогов Айрон Кросса. Большинство товаров прибыло через Порт-Чарлей, на западе, но так как в проливах хозяйничали брандуинские пираты, самые большие и богатые караваны южных купцов иногда предпочитали более длинную, но безопасную окольную дорогу.

Двое друзей какое-то время просто болтались в толпе. Оливер задержался, чтобы купить огромный кулек леденцов, затем снова остановился у киоска с одеждой, любуясь плащами на меху. Хафлинг попытался торговаться по поводу одного из плащей, предлагал половину запрашиваемой цены, но купец только нахмурился и отказался сбавлять цену. Торговля продолжалась несколько минут, после чего Оливер, вскинув обе руки, обозвал купца варваром и быстро отошел.

— Но цена была справедливой, — заметил Лютиен, догоняя своего ярко разодетого товарища.

— Он не хотел сбавлять, — кисло ответил Оливер.

— Но цена уже была вполне приемлемой, — настаивал Лютиен.

— Я знаю, — нетерпеливо сказал Оливер, оглядываясь на киоск. — Варвар!

Лютиен хотел ответить, но передумал. Его опыт поведения на рынке был весьма ограниченным, но он уже знал, что большинство товаров можно купить за половину или хотя бы три четверти от явно раздутой первоначальной цены. Это была игра, в которую играли купцы и покупатели; торговаться, как понял Лютиен, и тем, и другим нравилось потому, что обе стороны считали, что они надули противоположную.

При следующей остановке, опять у продавца одежды, Оливер и купец принялись яростно торговаться из-за одежды, ничем не отличавшейся от той, мимо которой только что прошел хафлинг. Они пришли к соглашению, и Оливер вручил деньги — на целых пять серебряных монет больше, чем стоил предыдущий плащ. Лютиен собрался было указать на это Оливеру, когда они отошли с покупкой, но, увидев самодовольную улыбку хафлинга, решил, что это не имеет смысла.

И так прошло утро: они покупали, торговались, смотрели на уличных артистов, швыряли пригоршни леденцов детям, бегающим в толпе. На самом деле это было ничем не примечательное утро, но оно подняло ослабевший дух Лютиена и заставило его почувствовать, что он, наконец, делает хоть крошечное, но доброе дело.

К тому времени как они собрались уходить с рынка, Лютиену пришлось взвалить на

плечи огромный мешок. Оливер шел сбоку, охраняя его, когда они проталкивались сквозь толпу, опасаясь воров, которые специализировались на срезании кошельков и вспарывании таких вот тюков. Хафлинг повернул голову, уставившись на одного подозрительного типа. Засмотревшись, он влетел головой прямо в мешок Лютиена. Оливер отпрыгнул назад и покачал головой, затем наклонился, чтобы подобрать упавшую шляпу. Воришка, за которым он наблюдал, открыто загоготал, и Оливер решил, что ему бы следовало догнать нахала и написать ножом свое имя на его грязной куртке.

— Ты, глупый мальчишка! — рявкнул рассерженный хафлинг Лютиену. — Ты должен предупреждать меня, когда собираешься остановиться! — Оливер выбил шляпу о собственное бедро и продолжал ругаться, пока наконец не осознал, что Лютиен даже не слушает его.

Глаза юного Бедвира были устремлены куда-то вдаль. Оливер уже собирался спросить, что такого захватывающего можно увидеть на обыкновенном рынке, но, проследив за немигающим взглядом Лютиена, хафлинг с легкостью догадался, в чем дело. Миниатюрная, изящная женщина была прекрасна — ее красоту не смогли скрыть даже простые изношенные одежды. Она шла, наклонив голову, ее длинные и густые волосы цвета спелой пшеницы каскадом спадали на плечи. Оливеру показалось, что среди блестящих прядей мелькнул кончик заостренного ушка. В огромных блестящих ярко-зеленых глазах читалась внутренняя сила, которая противоречила ее явно низкому социальному положению. Она шла впереди купеческой процессии. Позади выступал ее хозяин, острыми чертами лица напоминавший старого стервятника.

Оливер шагнул к своему другу и сильно толкнул его в бок.

Лютиен никак не среагировал, и Оливер вздохнул, понимая, что юноша поражен в самое сердце.

— Она рабыня, — заметил Оливер, пытаясь привлечь внимание Лютиена. — Вероятно, полуэльфийского происхождения. И этот купчик не продаст тебе ее даже за все золото Эриадора.

— Рабыня? — повторил Лютиен, обращая на Оливера изумленный взгляд, словно тот заговорил на незнакомом языке. Хафлинг кивнул.

— Теперь забудь о ней, — посоветовал он.

Лютиен обернулся и увидел, что женщина и ее спутники исчезли в толпе.

— Забудь ее, — снова сказал Оливер, но Лютиен сомневался, что это возможно.

Друзья вернулись домой и сложили купленные вещи, а затем по настоянию Оливера отправились в «Гнэльф». Мысли Лютиена вновь и вновь возвращались к женщине. Даже когда приятели уселись на привычное место у стойки трактира, он не смог выкинуть из головы неизвестную красавицу.

Лютиен вспомнил Кэтрин, свою юношескую любовь. «Юношеская любовь», — тихо пробормотал он, заметив, как странно прозвучала эта фраза. Он был с Кэтрин О'Хейл всего несколько недель назад, но та жизнь, то невинное существование в Бедвидрине казалось ему теперь таким далеким, другой жизнью в другом мире, сладким сном, полузабытым перед лицом суровой реальности.

— А как же Кэтрин? — думал он. Конечно, она ему нравилась, может быть, он даже любил ее. Но эта любовь не воспламеняла его, не заставляла сердце биться быстрее, как это произошло от одного мимолетного взгляда на прекрасную рабыню. Юноша не знал, однако, действительно ли он с первого взгляда страстно влюбился в неизвестную красавицу. Может, все дело в изменениях, произошедших за последнее время в его жизни? Или потому, что теперь он постоянно ходит по краю пропасти и сама эта жизнь находится под угрозой ежеминутно? Возможно, это всего лишь наваждение? И если бы Кэтрин в этот момент вошла в «Гнэльф» — что бы он почувствовал?

Юноша не знал ответа на все эти вопросы, да, честно говоря, и не хотел знать. Вновь перед мысленным взором возник образ прекрасной незнакомки, ее пышные золотистые кудри и ярко-зеленые огромные глаза.

Постепенно образ потускнел, и Лютиен снова стал замечать окружающее.

— Многие из потомков эльфов содержатся в положении рабов, — говорил ему Оливер, — особенно полукровки.

Лютиен бросил яростный взгляд на хафлинга, как будто Оливер оскорбил его любовь.

— Полукровки, — твердо повторил хафлинг, — наполовину эльфы, наполовину люди. Их не так мало.

— И их содержат как рабов? — резко спросил Лютиен. Оливер пожал плечами.

— Чистокровные волшебнорожденные не очень высокого мнения о них, люди — тоже. Но если ты собираешься лить слезы о судьбах какого-нибудь племени, мой наивный юный друг, тогда поплачь о гномах. Они, а вовсе не эльфы или полуэльфы стоят ниже всех в иерархии Эйвона.

— А как насчет хафлингов? — язвительно поинтересовался Лютиен. — Где их место в этой картине?

Оливер запустил пальцы в длинные кудрявые каштановые волосы на затылке:

— Там, где они сами захотят, конечно, — сказал он, щелкнув пальцами перед носом Лютиена, затем позвал Тасмана, чтобы тот наполнил пустой кувшин.

Юноша оставил спор, и его мысли опять вернулись к женщине и к рабству как таковому. В Бедвидрине не было рабов — по крайней мере, Лютиен ничего об этом не знал. Ко всем расам там относились мирно и дружелюбно — если не считать циклопов. А теперь, после указов, полученных из Карлайла, даже одноглазых нельзя было не пустить на остров. Правда, нельзя сказать, что циклопов с восторгом встречали в каждом доме, — известно, что даже владельцы постоянных дворов лгали, будто у них нет свободных комнат.

Но рабство? Лютиен считал это явление отвратительным. Одна мысль о том, что прекрасное создание, незаметно похитившее его сердце, находилось во власти жестокого купца, считалось чуть ли не его вещью, наполняла его такой горечью, которую невозможно было смыть никаким количеством эля.

После еще нескольких стаканов Лютиен все так же сидел у стойки, вслух разговаривая сам с собой о несправедливости и, к вящему неодобрению Оливера, о мщении.

Хафлинг сильно ткнул приятеля локтем. Молодой человек бросил возмущенный взгляд на друга, но, прежде чем он успел высказаться, Оливер жестом приказал ему молчать. Хафлинг указал на двух подозрительных типов, которые вели оживленный разговор за одним из соседних столов.

— Это Алая Тень, я говорю тебе! — заявил один из них. — Он вернулся, и герцог Моркней и его жуликоватые купцы очень скоро это почувствуют, можешь не сомневаться!

— Откуда ты это взял? — спросил второй вор, отмахиваясь от этой мысли. — Сколько может жить Алая Тень, по-твоему? Что ты на это скажешь, Тасман? Вот тут мой друг думает, что Алая Тень вернулась и бродит по Монфору!

— Они видели тени на стенах, говорят же тебе! — настаивал первый вор. — Один мой дружок-раб рассказал мне! И их ничем не смыть и не закрасить никакой краской!

— Слухи действительно ходят, — вмешался Тасман, вытирая прилавок перед двумя неряшливыми ворами. — Кстати, а что, если в них действительно имеется доля истины? Как по-твоему, это хорошая новость?

— Хорошая? — задумчиво пробормотал человек. — Ну что ж, я не стал бы, пожалуй, проливать горькие слезы, когда эти разжиревшие свиньи-купцы получают свое!

— Но разве ваша добыча не уменьшится, если Алая Тень крепко пощиплет купцов? — спросил Тасман. — А герцог Моркней наверняка усилит стражу на улицах верхнего города!

Вор посидел с минуту молча, обдумывая эти доводы.

— Все равно я рад! — объявил он наконец. — Я считаю, дело того стоит, если этим разжиревшим свиньям не поздоровится! — Он повернулся на табурете, чуть не свалившись на пол, и поднял свой стакан высоко в воздух. — За Алую Тень! — громко провозгласил он, и, к удивлению Лютиена, как минимум дюжина стаканов и кружек поднялись в воздух.

— Знаменитый был, видимо, вор, — пробормотал Оливер, вспомнив рассказ Бринда

Амора.

— О чем они говорят? — спросил Лютиен, который к этому времени не мог похвастаться ясностью мыслей.

— Они говорят о тебе, глупый вор, — небрежно ответил Оливер, осушил свой стакан и прыгнул с табуретки. — Пойдем, я должен доставить тебя в постель.

Лютиен сидел совершенно неподвижно, уставясь на двух воров, все еще не совсем понимая, о чем они, да и Оливер, толкуют.

Юноша думал о девушке-рабыне и тогда, и всю дорогу до дома, и долго после того, как Оливер уложил его на кровать.

* * *

Второй вор, который усомнился в возвращении Алой Тени, наблюдал за тем, как Лютиен и Оливер уходят из «Гнэльфа» с нескрываемым интересом. Вскоре после них он тоже ушел из таверны и кружным путем поспешно отправился по улицам к потайной калитке в стене, ограждающей верхнюю часть города.

Стражники, безусловно, не в первый раз видели здесь этого человека. Циклопы беспрепятственно пропустили в богатую часть города подозрительного типа, одетого в грязные лохмотья. Человек показал им свою купеческую печать и заторопился прочь.

Ему надо было о многом доложить.

16. ОПАСНАЯ РЕПУТАЦИЯ

— Тебе следует перестать отвлекаться на пустяки и подумать о том месте, куда мы идем прямо сейчас, — заметил Оливер неодобрительным тоном, когда они с Лютиеном пробирались по темным улицам Монфора к внутренней стене.

— Я даже не уверен, что мы вообще должны куда-нибудь идти, — ответил юноша. — Денег у нас более чем достаточно...

Оливер повернулся лицом к юному Бедвиру и окинул его суровым взглядом, наставительно подняв вверх палец.

— Никогда, — медленно и внушительно сказал хафлинг, — никогда, никогда не говори таких глупостей.

На лице юноши появилось выражение отвращения. Он решительно двинулся вперед, не обращая внимания на речи приятеля. Оливер, однако, бесцеремонно вцепился в его плащ и заставил остановиться.

— Никогда, — повторил Оливер.

— Скольких купцов необходимо ограбить, чтобы тебе действительно хватило денег? — спросил Лютиен.

— Ба! — фыркнул хафлинг. — Я буду красть у этих купчиков до тех пор, пока они не превратятся в нищих, и раздавать их богатства бедным. Затем наступит очередь бедняков, которые стали богачами. Я украду у них деньги и отдам обнищавшим купцам.

— Тогда в чем же смысл? — спросил Лютиен.

— Сразу видно, что ты не настоящий вор. Иначе тебе бы и в голову не пришло задавать такой вопрос, — сказал Оливер, щелкнув пальцами перед носом Лютиена, — за последние несколько дней это уже стало привычкой.

— Спасибо, — ответил юноша, не сбиваясь с шага и обгоняя Оливера.

Хафлинг постоял какое-то время на пустынной улице, трясая головой. С того дня, как неделю назад они побывали на рынке, Лютиен очень сильно изменился. Он пришел в восторг, когда Оливер раздал плащи, которые счел неподходящими для себя, и дети Крошечного Алькова накинулись на них, как стая голодных волков, — но в целом настроение юноши было угрюмым, даже подавленным. Он мало ел, еще меньше разговаривал и находил предлоги не ходить во внутреннюю часть города каждый раз, когда

Оливер предлагал предпринять очередную экспедицию.

В этот раз, однако, Оливер настоял, практически вытащив Лютиена из дому. Оливер понимал смятение, охватившее гордого Бедвира, да и, честно говоря, быстро возраставшая слава Алой Тени добавляла элемент опасности в намеченные кражи. Слухи, распространявшиеся на убогих улочках рядом с Крошечным Альковым, намекали на то, что многие воры Монфора на некоторое время свернули свою деятельность, по крайней мере, до тех пор, пока паника, охватившая купцов, не уляжется.

Но Оливер знал, что Лютиена удерживает не смятение и не страх. Молодой человек испытал сильнейшее потрясение — это читалось на его мрачном лице. Оливер вовсе не был бессердечным, даже считал себя романтиком, но дело есть дело. Он легко догнал Лютиена и пошел рядом с ним.

— Если бы я заглянул тебе в ухо, то мог увидеть образ полуэльфийской девушки-рабыни, — сказал он. — С волосами цвета пшеницы и ярко-зелеными глазами.

— Ты недостаточно высок, чтобы заглянуть ко мне в ухо, — холодно напомнил ему Лютиен.

— Зато я достаточно сообразителен, так что мне нет нужды делать это, — язвительно ответил Оливер. Затем хафлинг понял, что они находятся на грани ссоры, а этого он вовсе не хотел, зная, что впереди ожидает опасная работа, поэтому он опять выскочил вперед и остановил нетерпеливого Лютиена.

— Я вовсе не равнодушен к движениям сердца, — заявил хафлинг, — и я знаю, что твое сердце болит.

Защитная броня юноши дала трещину. Ему так хотелось разделить свою печаль с другом, услышать слова утешения от близкого человека.

— Болит, — прошептал он, думая, что это слово подходит как нельзя лучше. Лютиен никогда раньше не знал любви, во всяком случае — такой. Он не мог есть, не мог спать, и все время, как правильно заметил Оливер, в его мыслях присутствовал образ несчастной красавицы. Лютиену казалось, что он заглянул в ее душу и увидел в ней свое идеальное дополнение, свою вторую половину. Обычно юноша руководствовался соображениями практичности, и он не мог не понимать, что все это пустые мечты. Но, несмотря на это, сердце болело все сильнее.

— Как прекрасен полевой цветок, если смотреть на него с другой стороны поля, — спокойно сказал Оливер. — Как чарующе он кивает тебе из-под тени дерева. Вне досягаемости. Он кажется прекраснее любого цветка.

— А что случится, если ты перейдешь поле и сорвешь этот цветок? — спросил Лютиен. Оливер пожал плечами.

— Как благородный хафлинг, я бы не стал это делать, — ответил он, — я бы восхитился такой красотой и сохранил как идеал в своем сердце навечно.

— Трус, — коротко сказал Лютиен, и, возможно, в первый раз с тех пор, как дети собрались вокруг выброшенных Оливером теплых плащей, юный Бедвир искренне улыбнулся.

— Трус? — переспросил Оливер и схватился за грудь, притворяясь глубоко обиженным. — Я, Оливер де Берроуз, который вот-вот переберется через эту стену и попадет в самую опасную часть Монфора, чтобы взять то, что ему понравится?!

Лютиен не пропустил мимо ушей не слишком тонкий намек Оливера на то, что в эту ночь у них в планах есть еще кое-что кроме обсуждения сердечных дел юноши. Он решительно кивнул хафлингу, и они двинулись вперед.

Часом позже друзьям удалось найти лазейку в патрульных маршрутах усиленной стражи циклопов, перебраться через стену и оказаться на одной из крыш внутренней части города, у южной стены в тени высоких скал. Едва они успели забраться на крышу, как на улице появился патруль. Оливер спрятался под алую накидку Лютиена, а молодой человек опустил на лицо капюшон.

— Хороший плащик, — заметил Оливер, когда циклопы ушли прочь, не заметив

вторжения.

Лютиен с сомнением осмотрелся.

— Нам следует подождать, — прошептал он, искренне удивленный количеством стражников.

— Нам следует чувствовать себя польщенными, — поправил Оливер. — Эти купчики оказывают нам — то есть Алой Тени — истинное уважение. Не можем же мы просто уйти ни с чем и так подвести их.

Оливер стал пробираться по крыше. Лютиен наблюдал за ним, думая, что дерзкий хафлинг превращает обычную кражу в азартную игру.

Отважный грабитель метнул шарик через улицу на другую крышу и закрепил свободный конец веревки. Он дождался, пока Лютиен подойдет к нему, огляделся, чтобы убедиться в отсутствии циклопов, затем перелез на другую крышу. Юноша последовал за ним, и Оливер с некоторым усилием сумел освободить веревку.

— Существуют стрелы, которые втыкаются даже в камень, — объяснил хафлинг, когда они перебирались через следующий переулок. — Надо раздобыть несколько штук для этого твоего лука.

— Ты имеешь какое-нибудь представление о том, куда мы идем? — спросил Лютиен.

Оливер показал на север, на скопление домов с наклонными крышами. Юноша посмотрел на хафлинга, потом опять на дома и снова на хафлинга, удивленно моргая. Раньше они всегда ограничивали свои рейды южным районом. С его плоскими крышами и темнотой, вызванной нависающими над ним горами, он был идеальным местом для взломщиков. Однако Лютиен понял ход мыслей хафлинга; при таком количестве стражи в этом районе менее доступные дома будут слабее охраняться.

И все-таки Лютиен не мог избавиться от неотступного ощущения опасности. Дома, напоминавшие небольшие крепости, были жилищами самых богатых купцов, даже членов обширной семьи герцога Моркнея. Однако молодой человек подумал, что Оливеру, как более опытному взломщику, виднее, поэтому он молча последовал за ним, ничего не сказав даже тогда, когда самоуверенный хафлинг вывел его снова вниз, на улицу.

Улицы были широкими и вымощенными булыжником, но выступающие верхние этажи почти соприкасались друг с другом. Причудливой формы фасады были пышно разукрашены и изобиловали выступами и углублениями. По улицам болтались подростки и кучки стражников, но благодаря чудесной накидке Лютиена, а также множеству ниш и углублений друзьям удавалось пройти незамеченными.

Оливер остановился, когда они вышли к какому-то перекрестку; боковая улица обозначалась табличкой, сообщавшей, что перед ними улица Ремесленников. Хафлинг кивнул Лютиену на группу циклопов, находящихся примерно в квартале от перекрестка, и спокойно и неторопливо направился к ним.

— Я полагаю, сегодня ночью нам не придется проникать в дом с крыши, — прошептал хафлинг с мечтательной улыбкой, потирая руки.

Лютиен быстро понял суть сказанного и с сомнением посмотрел на приятеля. Одним из первых правил воров-домушников в Монфоре, которые Оливер преподавал ему, было то, что богатые лавки внутренней части города лучше не трогать. Их владельцы сплошь да рядом нанимали волшебников, чтобы те накладывали охранные заклинания на их собственность. Явное отсутствие интереса со стороны патрулирующих улицы циклопов внушало некоторые надежды, но неотвязное ощущение опасности не покидало Лютиена.

Оливер схватил его за руку и проскользнул в очередной переулок. Юноша последовал за ним, как всегда доверяя суждению более опытного товарища. Через короткое время они оба уже стояли в тени углубления между двумя лавками. Оливер любовался товарами, выставленными в боковой части огромной витрины.

— Здесь более ценные товары, — решил хафлинг, разговаривая больше сам с собой, чем с Лютиеном, и разглядывая прекрасный фарфор и хрустальные кубки на витрине. — Но вот от этих, — он повернулся и взглянул на множество статуэток в другой витрине, — легче

будет избавиться. К тому же мне приглянулась статуэтка воина-хафлинга, — заявил он. Было очевидно, что Оливер уже принял решение. Взломщик огляделся, желая убедиться, что циклопов нет поблизости, затем полез под свою серую накидку в одно из отделений перевязи и извлек стеклорез.

Лютиен пристально посмотрел на фигурку, которую отметил Оливер. Это была замечательная оловянная статуэтка, изображающая хафлинга, находящегося в боевой готовности. Крошечный воитель откинул назад длинный плащ, спадавший до полу. Так велико было искусство мастера, сотворившего это чудесное произведение, что казалось, будто оловянный плащ трепещет под порывами сильного ветра, как настоящий. Действительно, тонкая работа, но Лютиен не мог не заметить, как она бледнеет по сравнению с более крупными, инкрустированными драгоценными камнями статуэтками в витрине рядом с ней.

Лютиен схватил Оливера за руку как раз в тот момент, когда хафлинг дотронулся до стекла волшебным инструментом.

— Кто поставил ее туда? — спросил Лютиен.

Оливер непонимающе посмотрел на него.

— Статуэтку, — объяснил Лютиен. — Кто поставил ее среди таких выдающихся произведений искусства?

Оливер с сомнением посмотрел на него, затем повернулся и еще раз взглянул на статуэтку.

— Владелец?

Это прозвучало скорее утверждением, а не вопросом, поскольку Оливер искренне недоумевал, почему ответ неочевиден для юноши.

— Зачем?

— О чем ты там шепчешь? — спросил хафлинг.

— А не приманка ли это для вора-хафлинга? — спросил Лютиен.

Оливер снова посмотрел на него с сомнением.

— Пора научиться чутать такие вещи, — заметил Лютиен с улыбкой, прекрасно имитируя акцент хафлинга.

Оливер снова посмотрел на статуэтку и в первый раз заметил, насколько неуместной она там выглядела. Он повернулся и мрачно кивнул Лютиену.

— Давай уходить.

Лютиен почувствовал, что волосы у него на затылке стали дыбом. Он выглянул из ниши, посмотрел сперва в одну сторону, потом в другую. Когда же юноша скользнул назад и стал рядом с Оливером, лицо его омрачилось.

— Циклопы в обоих концах переулка, — объяснил он.

— Конечно, — ответил Оливер, — они были здесь все вре... — Хафлинг остановился на полуслове, неожиданно проникнувшись тем же подозрением, что и Лютиен.

— На самом деле, — сухо заметил юный Бедвир.

— Значит, мы попались на приманку? — спросил Оливер. Вместо ответа Лютиен показал вверх.

— Уходим по крышам?

Оливер убрал свои инструменты и мгновенно вынул липучку, раскрутил ее и бросил. Закрепив веревку, он вручил ее Лютиену и вежливо сказал:

— Только после вас.

Лютиен взялся за веревку и взглянул на Оливера, зная, что хафлинг пропускает его вперед, чтобы он потом втащил Оливера и тому бы не пришлось карабкаться самому.

— И оглядись хорошенько, прежде чем втаскивать меня, — заметил хафлинг.

Подавив вздох, молодой человек полез наверх по веревке. Когда Лютиен поднялся, Оливер фыркнул, заметив, что Алая Тень молодого человека осталась на витрине магазина с оловянными фигурками.

Лютиен не видел, чем занимается оставшийся внизу приятель, но он вовсе не удивился,

когда, несколькими минутами позже вытащив Оливера наверх, обнаружил, что тот тащит мешок, наполненный фарфоровыми тарелками и хрустальными кубками.

— Я не мог позволить, чтобы вся наша ночная работа оказалась напрасной, — объяснил хитрец.

Они пробирались по островерхим крышам, часто проходя по углублениям между двумя сросшимися домами. В этой части города все здания были соединены вместе, составляя цельный блок — что-то похожее на горный массив, крытый кровельной дранкой, с торчащими трубами. Пробираясь по крыше, Лютиен и Оливер были вынуждены часто разделяться, и только везение помешало Лютиену шепотом заговорить с неясной фигурой, появившейся перед ним.

Фигура двинулась прежде, чем Лютиен успел заговорить, юноша сразу заметил, что она в несколько раз выше коротышки Оливера.

Циклопы поджидали на крыше.

Лютиен упал на живот, в который раз поблагодарив Бога за алую накидку. Он огляделся, надеясь, что Оливер движется где-то рядом с ним, но у него было чувство, что хафлинг прошел мимо этого места по другой стороне остроконечной крыши слева от Лютиена. Он мог только надеяться, что Оливер не забудет об осторожности и ему тоже повезет.

Осознав, что у него нет другого выхода, юноша мгновенно достал и собрал лук. Циклоп перед ним продолжал копошиться, явно не замечая чьего-то присутствия. Лютиен колебался, понимая, что если не прикончит его мгновенно, то на вопли раненого стражника сбегутся циклопы со всей округи. Он принял решение секундой позже, когда услышал крик и грохот, сопровождаемый ругательствами некоего хафлинга.

* * *

Оливер не был захвачен врасплох. Двигаясь по водосточному желобу, хафлинг заметил движение около гребня крыши. На долю секунды он принял неизвестного за Лютиена, но понял, что его друг не так глуп, чтобы стоять во весь рост там, где его можно заметить за квартал.

Оливер заторопился в поисках более безопасной позиции. Если там наверху действительно были циклопы, они могли с легкостью столкнуть грабителя вниз, соскользнув с верха крыши прямо на него. Хафлинг остановился и стал разворачиваться вправо, но замер, заметив того же циклопа, на которого смотрел Лютиен. К счастью, тупой стражник не заметил Оливера, и хафлинг бросился бежать по желобу, черпая некоторое утешение в том факте, что следующая крыша выглядит уже не такой крутой.

Он надеялся, что сможет обежать вокруг нее, вернуться назад и напасть на циклопа с противоположной стороны.

Однако блестящий план не удалось претворить в жизнь.

Циклоп огромными прыжками понесся с верхушки крыши, яростно размахивая мечом. Оливер уронил мешок с добычей, выхватил рапиру и кинжал и стал в оборонительную позицию. Когда циклоп бросился на него, выставив вперед меч, хафлинг увернулся и подцепил оружие противника своим коротким клинком. Стражник, не желая расстаться с мечом, упрямо вцепился в него. Однако его инерция, удвоенная рывком Оливера, оказалась слишком велика, и циклоп перелетел через край крыши, успев еще получить пинок в зад от Оливера. Несчастный заорал и полетел с высоты двадцать пять футов, затем внезапно смолк, рухнув на мостовую лицом вниз. Его рука подвернулась, и собственный меч по рукоятку вошел ему в грудь.

— Не бойся, одноглазый дурак, — усмехнулся Оливер. Он знал, что следовало вести себя потише, но просто не мог удержаться. — Даже мой кинжал теперь не сможет отнять твой драгоценный меч, за который ты бился с упорством, достойным лучшего применения!

Оливер обернулся — как раз вовремя, чтобы увидеть еще трех циклопов, бросившихся

на него с верха крыши. Решив уйти из жизни достойно, хафлинг поспешно выхватил свою знаменитую широкополую шляпу из отделения волшебной перевязи, шлепнул ею о бедро, чтобы разглядеть, и водрузил на голову.

Циклоп, стоявший в углублении между крышами, прыгнул прямо на звук, затем внезапно содрогнулся, когда стрела Лютиена вошла ему в спину. Юноша собрался вскочить, чтобы бежать на помощь Оливеру, но опять лег плашмя и затаился, заслышав отчетливые щелчки тетивы арбалетов с верха остроконечной крыши.

Они стреляли вслепую, так как алая накидка надежно скрывала находившихся под ней, но у нападавших имелось представление о том, в каком направлении следует пускать стрелы. Лютиен чуть не умер от страха, когда три стрелы ударили в крышу рядом с ним, одна вообще воткнулась в нескольких дюймах от его лица.

Однако юноша имел возможность как следует прицелиться, поскольку темные силуэты арбалетчиков выделялись на фоне облачного серого неба. Он подозревал, что в его складном луке заключена какая-то магия (или сегодня ему сопутствует какая-то невиданная удача), потому что следующий выстрел оказался потрясающе точным, если учесть, что стрелять пришлось лежа на боку.

Один из арбалетчиков неожиданно замер, а затем тяжело рухнул навзничь — Лютиен мог разглядеть тонкую черную стрелу, торчавшую из его лба. Два других циклопа исчезли за верхушкой крыши.

* * *

Рапира Оливера метнулась влево, потом вправо, кинжал одновременно отражал атаку сбоку. Хафлинг пригнулся, и меч циклопа просвистел у него над головой.

Затем он нанес контрудар, вонзив свою рапиру в ногу одного из циклопов. Одноглазый взвыл от боли.

Оливер радостно расхохотался, словно исход поединка был предрешен. Впрочем, хафлинг искренне удивился тому, что в такой дикой спешке вообще умудрился кого-то ранить. Он едва успел отсалютовать рапирой противникам, как ему снова пришлось пустить ее в ход. Хафлинг волчком завертелся на месте, уклоняясь от града ударов, которые на него обрушил раненый циклоп.

Хафлинг почувствовал, что его пятки уже висят в воздухе. Клинки опять завертелись с ослепительной скоростью, держа циклопа на расстоянии достаточно долго, чтобы проскочить вперед по кромке крыши. Этот маневр позволил Оливеру тверже стать на краю, но циклопы стерегли каждый его шаг, и хафлинг быстро понял, что ему не очень нравится сражаться одному против троих, да еще повернувшись спиной к глубокой пропасти.

* * *

Два циклопа, снова зарядив свои арбалеты, высунулись из-за гребня крыши. Они огляделись, ругая ловкого вора и его накидку, затем выстрелили туда, где, по их мнению, должен был находиться Лютиен.

Однако юноша уже давно покинул опасное место. Он обогнул крышу и зашел циклопам в спину. Щелкнула тетива подаренного волшебником лука, и стрела воткнулась в спину одного из оставшихся стражников. Другой циклоп с секунду тупо пялился на упавшего товарища, затем с ужасом огляделся вокруг. Он торопливо метнулся к гребню крыши, но следующая стрела Лютиена попала ему в живот.

Циклоп с пронзительным воплем исчез за гребнем.

Лютиен приготовил следующую стрелу, удивленный тем, что циклоп, которому он попал в спину, спотыкаясь, движется на него сверху. С каждым движением инерция и скорость увеличивались, и юноша скоро понял, что тот бежит, совершенно ничего не соображая, ослепнув от боли и ярости. Циклоп упал неподалеку от Лютиена и поехал вниз,

раздирая лицо о грубую дранку.

* * *

Тем временем Оливеру приходилось туго.

К счастью, три циклопа не умели сражаться вместе. Их неуклюжие удары не дополняли друг друга, и Оливер, казалось, сражался с одним быстрым и длинноруким противником, а не с тремя. Только это обстоятельство до поры до времени спасало жизнь отважному грабителю.

Однако хафлинг попал в опасное положение, и временное преимущество ему давало даже не собственное умение обращаться с оружием, а неуклюжесть циклопов. Один из них сделал выпад, но ему помешал другой циклоп, тоже рванувшийся вперед. Они сцепились, и один из них с грохотом сел на крышу. Третий циклоп отвлекся и отвел взгляд в сторону.

Клинок Оливера выбил оружие из руки циклопа.

— Ну, что ты будешь делать теперь? — поддразнил хафлинг своего обезоруженного противника. Циклоп тупо уставился на свою пустую руку, словно пораженный вероломством собственного оружия.

Разгневанная тварь зарычала и согнула пальцы, выбросив руку вперед. Застигнутый врасплох Оливер едва успел уклониться от удара.

Хафлингу пришлось согнуться пополам, а потом бешено замахать руками, чтобы восстановить равновесие. Он выпрямился и резко полоснул коротким клинком, в последнюю минуту вынудив надвигающегося циклопа отступить.

— И нужно же мне было спрашивать, — выругал себя Оливер.

Его ошибка дала циклопам преимущество, все трое наконец выпрямились и отцепились друг от друга. Тот, который потерял меч, зловеще ухмыльнулся и вытащил длинный кривой кинжал.

Оливер моментально отскочил назад.

— Дела идут не блестяще, — признался он и глубоко вздохнул.

Один из циклопов опять прыгнул вперед, и Оливер рапирой отразил нападение. Зато циклоп, к удивлению хафлинга, перелетел прямо через край крыши и рухнул вниз. Только тогда Оливер заметил стрелу, торчавшую из его спины. Хафлинг посмотрел вверх и увидел Лютиена, который бежал по гребню крыши с луком в руках, готовя еще одну стрелу.

— Нравится мне этот парень, — со вздохом заметил Оливер. — Он всегда умудряется появиться как нельзя более кстати.

Один из циклопов бросился наперерез Лютиену прежде, чем тот успел приготовить еще одну стрелу.

Юноша пожал плечами, приятно улыбнулся, бросил лук на крышу и выхватил меч. Циклоп ринулся в атаку, находясь чуть ниже молодого человека, но Лютиен отбил его меч резким ударом наискось вниз.

Лютиену удалось полоснуть одноглазого по щеке. Однако меч противника нацелился прямо в грудь храброго юноши. Но Лютиен был достаточно проворен, чтобы снова отразить удар, причем в этот раз он развернул клинок, отведя оружие циклопа вбок. Продолжая слегка поворачивать кисть, Лютиен внезапно распрямил согнутый локоть, послав конец меча вперед.

Циклоп болезненно сморщился и рывком сдернулся с меча, но лезвие полоснуло по его груди. Он взглянул на рану, сумел даже поднять руку, чтобы почувствовать тепло хлынувшей крови, затем споткнулся и упал лицом вниз на крышу.

Циклоп, оставшийся против Оливера, вооруженный только кинжалом, яростно старался удержать хафлинга в оборонительном положении. Он рубил поперек, вниз и вверх, и Оливеру приходилось подпрыгивать, втягивая свой обширный живот, когда мимо него мелькало лезвие кинжала. Хафлинг выставил перед собой рапиру, чтобы удержать циклопа на расстоянии вытянутой руки, и продолжал осыпать его издевками, надеясь, что тот

рассвирепеет и допустит какую-либо ошибку.

— Я знаю, что одноглазый это не совсем точное определение, — выкрикивал хафлинг, смеясь, — я-то знаю, что у циклопов два глаза, и тот, коричневый, сзади, гораздо красивее!

Циклоп взревел и поднял меч над головой, словно собираясь разрубить Оливера пополам. Хафлинг шагнул к нему и вскинул скрещенные руки, хотя его маленькие ноги чуть не согнулись под огромным весом. Оливер резко повернулся спиной к противнику, отчего рука циклопа вытянулась еще сильнее и ему пришлось наклониться вперед. Прежде чем циклоп успел среагировать, Оливер развернул кинжал и с размаху ударил противника прямо в пах. Циклоп завопил, поднялся на цыпочки, а Оливер дополнил первый удар вторым, направленным прямо вверх.

Одноглазый перекувырнулся и рухнул с крыши. Он плашмя упал на мостовую и затих.

— Это не так уж плохо, — сказал ему вслед Оливер. — Возможно, там, внизу, тебе удастся вернуть свой меч!

— Сейчас набегут новые, — заметил Лютиен, присоединяясь к Оливеру, который с беспокойством склонился над мешком с трофеями. Хафлинг залез в мешок, вытащил блюдо и метнул его наподобие диска. Лютиен обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как вращающийся снаряд разбился о переносицу циклопа, когда тот вылез из-за верхушки крыши.

Лютиен изумленно уставился на Оливера.

— Да, это был дорогостоящий выстрел, — признал хафлинг, пожимая плечами.

Затем они оба бросились бежать по неровным крышам, а в конце квартала спустились на улицу. Друзья слышали звуки погони — очень многолюдной погони — и вскоре обнаружили, что они окружены.

Оливер рванулся к нише, но Лютиен удержал его.

— В первую очередь они заглянут именно сюда, — объяснил молодой человек и прижался спиной к плоской стене рядом с затемненным входом в нишу.

Оливер услышал шаги циклопов, свернувших в проулок, и проворно нырнул под накидку Лютиена.

Как и предсказывал догадливый юноша, одноглазые осветили каждую нишу и углубление в этом районе, затем большинство, ворча и пыхтя, ушли, а остальные стали проверять все лавки и дома поблизости. Прошло очень много времени, прежде чем у Лютиена и Оливера появилась возможность выбраться из укрытия. Они проклинали свое невезение, видя, что горизонт на востоке начал светлеть, — приближался рассвет.

Вскоре друзья обнаружили, что циклопы опять вышли на их след, а один, отличавшийся необыкновенно высоким ростом и редкостным проворством, подобрался уже довольно близко. Солнце всходило, и они не могли позволить себе остановиться и попробовать спрятаться снова. Ситуация становилась все более и более отчаянной, поскольку упрямая скотина неслась по пятам за ними и громко выкрикивала направление, в котором следовало двигаться его отставшим товарищам.

— Повернись и застрели его! Повернись и выстрели! — закричал Оливер. Еще ни разу за время их знакомства голос хафлинга не казался Лютиену настолько измученным. Юноша понимал, что идея хороша, если не считать того незначительного обстоятельства, что у него не было времени обернуться для выстрела.

Наконец беглецы добрались до стены у площади Моркнея, разделявшей город на две половины. В центре широкой рыночной площади находился огромный фонтан, а по краям стояли лавки и ресторанчики. В этот ранний предрассветный час площадь была почти пустой. Лишь немногочисленные торговцы подметали мостовую перед своими палатками и устанавливали лотки с рыбой и фруктами, да хмурый гном вырубал орнамент на основании только что построенного фонтана.

Друзья пробежали мимо казавшегося безразличным гнома, причем Оливер не преминул быстро приподнять шляпу в знак приветствия товарищу-недоростку.

Огромный циклоп уже почти наступал им на пятки, вопя от радости. Стражник не

сомневался, что схватит наглого коротышку задолго до того, как тот переберется через стену.

Увлеченный погоней циклоп не заметил тяжелого молота в руках гнома до тех пор, пока сноп разноцветных искр не взорвался в его не слишком обширном мозгу.

Оливер оглянулся, уже оказавшись у стены, схватил Лютиена за руку и заставил его сделать то же самое. Они кивнули в знак благодарности гному, который никак не отреагировал на этот жест. Он лишь неторопливо подтянул к себе свой молот и вновь принялся за работу, прежде чем другие циклопы наводнили площадь.

У себя дома при ярком свете наступившего дня, Лютиен долго ворчал по поводу опасности, которой они подвергались сегодня, тогда как Оливер, роясь в своем мешке, бурчал насчет того, сколько тарелок и кубков он перебил при их поспешном побеге.

Лютиен недоверчиво взглянул на приятеля.

— Как ты мог даже думать о воровстве в такой обстановке?

Оливер поднял голову и послал Лютиену озорную улыбку.

— Разве добыча не является средством, подкрепляющим отвагу? — спросил он и вернулся к своему осмотру. В мешке обнаружился осколок еще одного блюда, и хафлинг недовольно нахмурился.

Однако минутой позже губы Оливера растянулись в знакомой озорной улыбке, и он почти целиком скрылся в своем мешке. Затем вынырнул и с хитрой улыбкой протянул юноше оловянную фигурку хафлинга-воина.

17. ГРУБОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Друзья провели следующие несколько дней в своем доме или поблизости, выходя только в «Гнэльф», в основном чтобы послушать разговоры о таинственной Алой Тени. Воровской мир гудел как встревоженный улей. Еще бы: дерзкий налет на две лавки и убийство нескольких стражников-циклопов! Оливер решил, что благоразумнее затаиться на время, а Лютиен вполне с ним согласился.

Хафлинг принял этот добровольный карантин вполне жизнерадостно, довольный отдыхом и гордясь тем, что стал частью растущей легенды. Однако Лютиен проводил большую часть времени сидя в кресле и занимаясь грустными размышлениями. Сперва Оливер думал, что товарищ просто нервничает из-за растущего внимания к ним или просто скучает, но затем хафлинг понял, что юноша грустил совсем по другой причине.

— Только не говори мне, что все еще думаешь о ней, — заметил он однажды. В этот день природа решила напоследок побаловать обитателей Монфора солнцем. Хафлинг приоткрыл дверь, чтобы впустить теплый сентябрьский воздух в их темное жилище.

Лютиен вопросительно взглянул на Оливера непроницаемым взглядом, но быстро понял, что приятель понимает причину его печали.

Он поспешно отвел глаза, и это сказал Оливеру больше, чем любые слова.

— Трагедия! Трагедия! — возопил хафлинг, падая в кресло и театрально прикрывая рукой глаза. — Это всегда трагедия! — Он ненароком сшиб стул, тот наехал на подставку, и Оливеру пришлось вскочить, чтобы успеть поймать оловянную фигурку воина-хафлинга раньше, чем та стукнулась об пол.

— О чем ты говоришь? — возмутился Лютиен, который был не в том настроении, чтобы играть в загадки.

— Я говорю о тебе, глупый мальчик, — ответил Оливер. Он сделал паузу, смахнул пыль с подставки и вновь водрузил на нее свой трофей. Затем, подождав реакции, которая так и не последовала, он повернулся и серьезно посмотрел на юношу.

— Ты ищешь смысл жизни, — заявил Оливер, и Лютиен с сомнением посмотрел на него. — Это естественно в твоем возрасте. Я только жалею, что ты предпочел найти его в женщине.

Юноша сердито нахмурился. Он уже собрался встать из кресла, но Оливер небрежным

жестом руки остановил все его возражения.

— О, не стоит отрицать этого, — сказал хафлинг. — Я видел такое уже много раз. В Гаскони мы зовем это галантной любовью.

Лютиен снова уселся в кресло.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, — заверил он Оливера и, чтобы подтвердить свое высказывание, начал с нарочитой небрежностью рассматривать окружающие предметы.

— Галантная любовь, — твердо повторил Оливер. — Тебя потрясла эта красotka. Теперь ты сердисься, потому что мы не пошли на рынок и у тебя не было возможности увидеть ее снова.

Лютиен сердито закусил губу, но не стал опровергать его слова.

— Она — королева твоего сердца, ты будешь сражаться за нее, посвящая ей все победы, ты бросишь плащ в грязь, чтобы она прошла по нему, ты подставишь свою грудь под летящую в нее стрелу.

— Скорее я двину тебе кулаком в морду, — серьезно ответил Лютиен.

— Конечно, ты смущен, — продолжал Оливер, вовсе не обращая внимания на угрозу, — потому что знаешь, как глупо это выглядит. — Лютиен посмотрел на него с явной угрозой, но хафлинг все еще не угомонился. — Ты ведь до сих пор даже не знаком с этой женщиной, полуэльфийкой. Она прекрасна, тут я не стану с тобой спорить, но ты вдобавок приписал ей множество необычайных достоинств. А ведь тебе известна только ее внешность.

Лютиен грустно усмехнулся. Он знал, что хафлинг абсолютно прав. По крайней мере, с точки зрения логики юноша вел себя глупо. Но осознание этого не помогло ему избавиться от наваждения. Он видел зеленоглазую рабыню, возможно, в течение минуты, и все-таки это видение с тех пор не покидало его и во сне, и в часы бодрствования. Теперь, в открытом разговоре об этом при свете яркого солнечного утра, его увлечение показалось нелепым.

— Кажется, ты обладаешь глубокими познаниями в этой области, — заметил Лютиен, и губы Оливера сложились в печальную улыбку, — личными познаниями, — саркастически добавил молодой человек.

— Возможно. — Это было самым полным признанием, на которое позволил себе пойти Оливер.

На этом они замолкли. Лютиен сидел спокойно, а Оливер занялся перестановкой обретенных ими трофеев. Не раз за это утро лицо Оливера внезапно светлело, как будто в хафлинге ожили какие-то нежные воспоминания. Но иногда его искажала гримаса сердечной боли, словно некоторые из этих воспоминаний были не столь приятны.

Чуть погодя Оливер бросил свой зимний плащ на колени Лютиена.

— Он погиб! — возопил хафлинг и поднял один рукав, показывая Лютиену дыру в ткани.

Юноша внимательно осмотрел порез. Он был сделан чем-то очень острым. Например, похожие порезы оставлял кинжал — любимое оружие его приятеля. Погода в последние дни была не по сезону теплой, даже после захода солнца, и насколько Лютиен помнил, хафлинг вовсе не носил этого плаща. Странно, что он был разрезан, и странно, что Оливер обнаружил разрез сейчас, при ярком солнце да еще в такой теплый денек, когда плащ был вовсе не нужен.

— Я отдам его этим жадным детям, — негодуяще прорычал хафлинг. — Конечно, такая теплая погода долго не продержится. Давай-ка, пошевеливайся, — продолжал он, хватая легкую накидку и направляясь к двери. — Нам надо сходить на рынок и купить мне другой теплый плащ.

Лютиена не пришлось просить дважды.

Они провели день на шумном рынке. Оливер рассматривал товары, а Лютиен, как и следовало ожидать, не отводил глаз от толпы. Однако та, что украдала сердце молодого человека, не появилась.

— Я не нашел ничего достойного, — объявил Оливер к концу дня. — Однако тут есть один купчик, который, я уверен, завтра будет в более удачном для торговли настроении.

Разочарование Лютиена прошло, и когда молодой человек вслед за своим другом хафлингом уходил с рынка, он смотрел на него с искренней благодарностью. Юноша понял, что Оливер искренне сочувствует его переживаниям. Если у Лютиена и имелись какие-то сомнения на тот счет, что лекция Оливера по поводу «галантной любви» основана на личном опыте, то теперь они исчезли.

На следующий день они также отправились на рынок и занимались тем же самым, прервавшись только на обед у одного из многочисленных лотков. Оливер поддерживал легкую беседу, в основном о различных недостатках этих купчиков. Зима уже надвигалась, а он так и не смог выторговать себе теплый плащ по более низким ценам.

Через некоторое время хафлинг понял, что Лютиен вовсе не слушает его и не ест галету, которую держал в руке. Хафлинг внимательно посмотрел на юношу и все понял раньше, чем проследил направление его взгляда. Там, на другой стороне площади, стояла девушка-рабыня со своим хозяином и его свитой.

Оливер моргнул, когда красавица бросила лукавый взгляд из-под пшеничных локонов, успев даже послать мимолетную улыбку молодому человеку. Многоопытный хафлинг понял значение такого обмена взглядами, понял, что они означают немало новых испытаний.

Оливер сморщился снова, когда купец, заметив, что его рабыня осмелилась поднять глаза без его разрешения, шагнул к ней и отвесил затрепину.

Хафлинг прыгнул и вцепился в Лютиена прежде, чем тот даже начал вставать, поспешно приведя десяток причин, по которым было бы глупо разбираться с купцом прямо сейчас. К счастью для хафлинга, несколько людей поблизости, знавших его и Лютиена по посещениям «Гнэльфа», быстро подошли к ним, поняв, что назревает неприятность.

Только когда группа преторианских стражников подошла посмотреть, что происходит, ярость молодого Бедвира слегка улеглась.

— Все в порядке, — уверил Оливер подозрительных циклопов. — Мой друг просто обнаружил таракана в своей галете, но теперь он его выбросил, да и много ли съест один таракан?

Преторианские стражники медленно двинулись прочь, оглядываясь на каждом шагу.

Когда они скрылись из вида, Лютиен вырвался из рук многочисленных доброжелателей, выпрямился — и обнаружил, что купец и его спутники покинули площадь.

Оливеру пришлось прибегнуть к помощи отзывчивых людей, чтобы «убедить» Лютиена, в основном утачив его силой, вернуться домой. Но после того как помощники удалились, юный Бедвир стал метаться, как лев в клетке, пиная стулья и стуча кулаками.

— На самом деле я ожидал от тебя гораздо большего, — сухо заметил Оливер, становясь у подставки, чтобы защитить свою бесценную статуэтку воина-хафлинга от яростных метаний молодого человека.

Лютиен одним прыжком пересек комнату и стал прямо перед хафлингом.

— Выясни для меня, кто он такой! — потребовал юный Бедвир.

— Кто? — спросил Оливер.

Рука Лютиена резко рванулась вперед, схватила фигурку, а затем он отвел ее назад, как будто собираясь швырнуть статуэтку через всю комнату. Откровенно испуганное выражение лица Оливера явно говорило, что тот больше не будет валять дурака.

— Выясни, кто он и где живет, — спокойно сказал Лютиен.

— Это не слишком умно, — ответил Оливер и осторожно потянулся за фигуркой. Лютиен поднял руку еще выше, так, что хафлинг совершенно не мог добраться до нее.

— Возможно, это ловушка, — урезонивал его Оливер. — Мы знаем, что все эти купчики хотят, чтобы нас схватили. Они могли заподозрить, что ты и есть Алая Тень, и найти превосходную приманку.

— Такую, как эта? — спросил Лютиен, показывая на статуэтку.

— Вот именно, — бодро откликнулся Оливер, но выражение его лица моментально изменилось, когда он понял мысль юноши. Предчувствие опасности не удержало Оливера от того, чтобы снять приманку с крючка.

Хафлинг поднял руки в знак поражения.

— Уж эти мне влюбленные, — проворчал он себе под нос, вылетая из комнаты и громко хлопая дверью. Но Оливер был истинным романтиком, и к тому времени, как хафлинг оказался на улице, на лице его вновь заиграла озорная улыбка.

18. НЕ СТОЛЬКО РАБЫНЯ...

— Мне никак не удастся отговорить тебя? — спросил Оливер, когда ближе к вечеру, вернувшись домой, застал Лютиена, все так же меряющего шагами комнату.

Юноша остановился и устремил решительный взор на хафлинга.

— Воровать монеты и драгоценности — это одно дело, — продолжал хафлинг. — Но украсть рабыню — это нечто совсем иное.

Лютиен молча смотрел на друга.

Оливер тяжело вздохнул.

— Упрямый дурень, — пожаловался хафлинг. — Ну что ж, хорошо. Похоже, нам немного повезло. Дом этого купчика находится в северо-западной части города, как раз к югу от дороги в Порт-Чарлей. Там не так много стражников, и стена вокруг этих новых домов еще даже не достроена. Живут там в основном более мелкие купчики. Но там все-таки есть стража, и ты можешь быть абсолютно уверен в том, что если ты украдешь рабыню, то сам герцог Моркней и вся преторианская стража сядет тебе на хвост. Когда мы отправимся туда...

— Сегодня вечером, — уточнил Лютиен, и побежденный хафлинг снова вздохнул.

— Значит, сегодняшний вечер может стать нашим последним вечером в гостеприимном городе Монфоре, — объяснил Оливер. — И мы окажемся на большой дороге, а зима будет следовать за нами по пятам.

— Значит, так и будет.

— Упрямый дурень, — вновь проворчал Оливер, прошагал через всю комнату в свою спальню и захлопнул за собой дверь.

Они добрались до переулочка рядом с жилищем купца, красивым двухэтажным домом в форме буквы «Г», со множеством маленьких балконов и окон, без особых приключений. Оливер продолжал ворчать, а Лютиен по-прежнему игнорировал его ворчание. Молодой человек нашел цель в жизни, нечто помимо выбрасывания зимних плащей туда, где бедные детишки Крошечного Алькова могли найти их. Он представлял себя в роли вошедшего в поговорку рыцаря в сияющих доспехах, отважного героя, который спасет свою даму от злодея.

Юноша ни разу не задал себе вопрос, нуждается ли она в спасении.

В доме было темно и тихо — собственно говоря, тихо было во всем районе, потому что не многие вору взяли бы на себя труд отправиться сюда, и потому на улицах находилось мало стражников. Одинокая свеча горела в одном из окон дома на короткой стороне буквы «Г». Лютиен привел Оливера к стене, ограждающей основную часть дома.

— Я не смогу отговорить тебя? — спросил Оливер в последний раз. Когда Лютиен хмуро взглянул на него, он бросил свой волшебный шар, который зацепился прямо над балконом под крышей. На этот раз Оливер полез первым, не решаясь пустить взволнованного Лютиена на балкон одного. Оливер искренне опасался, что его друг вломится в дверь, прикончит всех обитателей дома, затем отправится прямо в Собор с девушкой на руках и потребует, чтобы герцог Моркней лично объявил их мужем и женой.

Хафлинг добрался до балкона и скользнул к двери. Убедившись, что поблизости никого нет, он вернулся к перилам, чтобы дать сигнал Лютиену.

Оливер даже не сильно удивился, увидев, что юный Бедвир уже проделал полпути и лихорадочно карабкается вверх.

Он уже было собрался устроить своему порывистому другу нагоняй, но нечто иное привлекло внимание хафлинга. Взглянув через двор на то окно, где горела свеча, Оливер

увидел женщину — прекрасную рабыню, которую он узнал по ее длинным локонам, ярко блестевшим даже в тусклом свете. Хафлинг с любопытством наблюдал, как женщина спрятала волосы под черную шапку, затем взяла какой-то узел, задула свечу и подошла к окну.

Рука Лютиена появилась на перилах, и юный Бедвир стал подтягиваться, чтобы залезть на балкон. Когда он оседлал перила, улыбающийся хафлинг остановил его, жестом предложив взглянуть через плечо.

Самодельная веревка, то есть несколько связанных простыней, свисала из окна до земли, и изящная фигурка, одетая в серое и черное, очень похожее на воровской костюм Лютиена, ловко спускалась вниз.

В глазах Лютиена загорелись опасные огоньки. Какой-то наглый грабитель осмелился вломиться в обитель его любви!

Оливер заметил это выражение и понял, что разгневало его друга. Он положил руку на плечо Лютиена, повернул молодого человека к себе лицом и приложил палец к губам.

Изящная фигурка спрыгнула на землю и скользнула в тень.

— Ну? — спросил Оливер, указывая на веревку. Лютиен не понял.

— Ты собираешься спускаться назад? — спросил хафлинг. — У нас больше нет здесь никаких дел.

Секунду Лютиен с любопытством смотрел на него, затем изумленно моргнул и быстро обвел взглядом маленький дворик. Когда он снова взглянул на Оливера, хафлинг широко улыбнулся и кивнул.

Лютиен соскользнул по веревке вниз, Оливер быстро последовал за ним, опасаясь, что молодой человек бросится в темноту. Радость Оливера, вызванная неожиданным поворотом событий, быстро увяла, когда он начал понимать, что, хотя эта рабыня явно была не тем, кем казалась, вечер может стать длинным и трудным.

Хафлинг спрыгнул на землю, сделал три рывка, чтобы забрать липучку, и понесся за Лютиеном, догнав его только через два квартала.

Юноша топтался на углу, заглядывая в проулок. Оливер проскользнул между его ног и тоже заглянул за угол с более низкого наблюдательного пункта.

Там стояла девушка — теперь в этом не было никаких сомнений, потому что она сняла шапку и распустила свои пшеничные локоны. С ней были двое других, один такой же высокий, как Лютиен, но гораздо тоньше, другой — ростом с нее.

Лютиен посмотрел вниз на Оливера в тот же миг, когда хафлинг поднял голову, чтобы взглянуть на приятеля.

— Волшебнорожденные, — беззвучно произнес хафлинг, и Лютиен, хотя у него было мало опыта в общении с эльфами, кивнул в знак согласия.

Лютиен позволил Оливеру, более опытному в искусстве выслеживания, идти вперед, когда они вслед за этой группой отправились в более богатый район Монфора. Юный Бедвир не мог отрицать очевидное, но все-таки он был удивлен, когда три эльфа скользнули в темный переулок, бросили веревку и спокойно влезли в окно второго этажа темного дома.

— Она не нуждается в твоей помощи, — заметил Оливер на ухо Лютиену, — оставь все это, я умоляю тебя.

Юноша не мог найти слов, чтобы возразить против твердой логики Оливера. Судя по всему, женщина действительно не нуждалась в его помощи, но он не мог, просто не мог «оставить это». Он оттолкнул Оливера, не спуская глаз с окна.

Троица выбралась оттуда очень скоро — они явно были не новичками в своем ремесле, — причем один из них тащил мешок. Они спустились в проулок, и рабыня проворно сложила веревку, к которой был прикреплен обычный крюк.

Оливер юркнул под накидку Лютиена, а юноша прижался к стене, когда волшебнорожденные поспешно прошли мимо, буквально в пяти футах от друзей. Лютиену хотелось протянуть руку, схватить полуэльфийку, немедленно посмотреть ей в глаза. Он подавил этот импульс с помощью Оливера, который, явно почувствовав порыв товарища,

предусмотрительно повис на обеих руках Лютиена.

Как только три вора-эльфа благополучно удалились, Оливер и Лютиен возобновили свое преследование, направляясь обратно в северо-западный район.

Трое расстались на том же месте, где встретились, двое других забрали мешок, а рабыня направилась назад к дому своего хозяина.

— Умоляю, оставь это, — опять прошептал Оливер Лютиену, хотя хафлинг не сомневался в том, что его мольба не будет услышана. Юноше теперь не было нужды идти за женщиной, поскольку он знал, куда она направляется. Не отреагировав на мольбу друга, он скользнул вперед. Юноша спрятался за последним углом перед домом купца, затаился под складками своей накидки и стал ждать. Женщина подошла совершенно беззвучно, поступью опытного вора. Она прошла как раз мимо Лютиена, оглянулась по сторонам и стала переходить переулок.

— Не очень-то похожа на рабыню, — заметил юноша, поднимая голову, чтобы разглядеть ее получше.

Он чуть не выпрыгнул из своих башмаков, пораженный невероятной скоростью ее движений. Девушка резко обернулась, неизвестно откуда в ее руках оказался короткий меч, Лютиен вскрикнул и пригнулся, когда стальное лезвие ударило по камню над его головой. Молодой человек попытался сдвинуться вбок, но женщина, ловко действуя мечом, бросилась к нему.

В мгновение ока Лютиен оказался прижатым к стене, а у его горла находилось острие меча.

— Это была не очень хорошая идея, — сказал Оливер, мгновенно появившийся позади воинственной особы.

— Возможно, — прозвучал у него за спиной мелодичный голос эльфа.

Оливер опять вздохнул и осторожно взглянул через плечо. Там стоял один из товарищей женщины, с мрачным лицом и мечом в руках, уперев его острие в спину хафлинга. Немного сбоку, чуть дальше в проулке, стояла другая женщина с луком, стрела которого метила в голову Оливера.

— Я мог ошибиться, — признал хафлинг. Он медленно сунул свою рапиру в ножны, затем еще медленнее, позволяя эльфу видеть каждое его движение, полез в отделение перевязи, достал шляпу, отряхнул ее и насадил на голову.

Зеленые глаза женщины уловили ошеломленное выражение лица Лютиена.

— Кто ты такой, чтобы преследовать меня? — требовательно спросила она. Ее подбородок отвердел, лицо выглядело суровым.

— Оливер, — взмолился о помощи Лютиен, не зная, что сказать.

— Он упрямый дурень, — охотно вставил хафлинг.

Лютиен с кислым видом глядел на друга.

Женщина слегка надавила мечом, заставив юношу сглотнуть.

— Меня зовут Лютиен, — признался он.

— Объясни, что тебе надо, — потребовала она сквозь стиснутые зубы.

— Я увидел тебя на рынке, — запинаясь, произнес молодой человек. — Я...

— Он пришел за тобой, — вмешался Оливер. — Я старался отговорить его. Я очень старался!

Женщины снова посмотрела на Лютиена, и ее лицо смягчилось. Меч уже не так крепко упирался в горло юноши.

— Ты пришел за мной?

— Я видел, как он ударил тебя, — попытался объяснить Лютиен. — Я имею в виду... Я не мог... Почему ты позволила ему сделать это?

— Я рабыня, — саркастически ответила женщина. — Полуэльфийка. Хуже, чем человек. — Несмотря на браваду, в ее голосе явно прозвучал несомненный оттенок гнева и горечи.

— Мы стоим на улице, — напомнил им эльф-мужчина и сделал жест Оливеру,

показывая, что надо вернуться в проулок. К облегчению хафлинга, эльф убрал свой меч, а женщина опустила лук.

Девушка поманила Лютиена за собой и тут же с любопытством уставилась на туманный силуэт, оставшийся после него на стене. Затем она последовала за юношей в переулок, а на губах ее играла довольная улыбка.

— Вы тут все полуэльфы, — заметил Оливер, когда ему удалось получше рассмотреть странную троицу.

— Я настоящая волшебнорожденная, — ответила женщина с луком. Она оглянулась на мужчину-эльфа, между ними явно существовали весьма теплые отношения. — Но я не отказываюсь от своих полуэльфийских собратьев.

— Каттеры, — заметил Оливер как нечто само собой разумеющееся, и все трое вскинули на него удивленные взгляды.

— Дерзкая воровская шайка, — спокойно объяснил Оливер Лютиену, который явно не имел ни малейшего представления, о чем идет речь. — А молва говорит, что все они — чистокровные эльфы.

— Значит, ты слышал о нас, хафлинг? — спросила женщина, стоявшая рядом с Лютиеном.

— А кто в Монфоре не слышал? — откликнулся Оливер, и это, казалось, обрадовало всю троицу.

— Мы не все эльфы, — заметила полукровка, оглядываясь через плечо на Лютиена. Подобный взгляд мог действительно растопить любое сердце.

— Сиоба! — строго произнес мужчина.

— А ты не знаешь, кого это мы поймали? — небрежно поинтересовалась женщина, все еще глядя на Лютиена.

— Я — Оливер де Берроуз, — вмешался хафлинг, считая, что его имя известно каждому. Однако, к разочарованию Оливера, никто из них, похоже, даже не обратил внимания на его слова.

— За тобой осталась любопытная тень, — заметила Сиоба Лютиену, — вон там, на улице. Алая Тень.

Лютиен оглянулся, затем повернулся к Сиобе и виновато пожал плечами.

— Алая Тень, — повторил полуэльф-мужчина, на которого это прозвище явно произвело впечатление. Он совсем убрал меч и рассмеялся почти в голос.

— И Оливер де Берроуз! — настаивал хафлинг.

— Конечно, — примирительно кивнул мужчина, не отводя глаз от Лютиена..

— Нам известны ваши дела, — заметила Сиоба с лукавой улыбкой. Сердце Лютиена готово было выпрыгнуть из груди. — Не только нам, — продолжала девушка, оглядываясь на своих друзей в поисках подтверждения, — но и всему Монфору. К удовольствию многих, вы изрядно переполошили купцов.

Лютиен был уверен, что цвет его лица теперь не сильно отличался от накидки.

— Это с помощью Оливера, — запинаясь, произнес он.

— Да что ты говоришь, — пробормотал обиженный хафлинг.

— Я думала, ты гораздо старше, — продолжала Сиоба. — Или, может быть, эльф — они ведь живут дольше.

Лютиен с любопытством взглянул на нее. Он вспомнил слова Бринд Амора о том, что накидка принадлежала знаменитому вору, — получалось, Сиоба слышала о ее прежнем владельце. Лютиен улыбнулся, представив себе, какой переполох вызывала первая Алая Тень в Монфоре.

— Скоро утро, — заметила эльфийская женщина, стоявшая подальше в проулке. — Нам надо идти, а ты, — обратилась она к Сиобе, — должна вернуться в дом своего хозяина.

Девушка кивнула.

— Среди нас не только эльфы, — небрежно бросила она Лютиену.

— Это приглашение? — осведомился Оливер.

Сиоба оглянулась на своих друзей, и они дружно кивнули в ответ.

— Считай, что так, — отозвалась Сиоба, глядя прямо на юношу, заронив в его душу слабую надежду, что эти слова значили нечто большее, чем приглашение присоединиться к воровской шайке.

— Приглашение тебе и уважаемому Оливеру де Берроузу, — добавила она, и по ее тону было понятно, что об Оливере она вспомнила в последнюю минуту.

Лютиен оглянулся через плечо на друга — хафлинг слегка покачал головой.

— Обдумайте это, — сказала Сиоба Лютиену. — Дружеские связи имеют немало преимуществ. — Она в последний раз сверкнула улыбкой, от которой могло растаять даже каменное сердце, как бы подтверждая тот факт, что она имела в виду нечто гораздо большее, чем воровское соглашение. Затем, кивнув своим уходящим друзьям, девушка перешла через улицу и направилась к своей импровизированной веревке.

Лютиен неотрывно смотрел на ее грациозные движения, а Оливер покачал головой и вздохнул.

19. В СВЯЩЕННЫХ ПОКОЯХ

Старательно изображая интерес, Герцог Моркней сидел в деревянном кресле, наклонившись вперед, его костлявые локти выпирали из-под свободного пурпурного одеяния, ладони лежали на огромном письменном столе. По другую сторону стола несколько разжиревших купцов пытались перекричать друг друга. Единственные слова, которые удавалось разобрать в этом шуме, были «кража» и «Алая Тень».

Герцог Моркней уже слышал то же самое от тех же самых людей по нескольку раз в неделю, и это ему начинало надоедать.

— И что хуже всего, — завопил один купец, перекрывая общий шум и заставив смолкнуть остальных, — я не могу смыть это проклятое алое пятно со своей витрины! Что я должен отвечать на насмешки всех, кто его видит? Это как клеймо, вот что я вам скажу!

— Слушайте, слушайте! — закричали остальные.

Моркней поднял костлявую руку и поджал губы, стараясь не рассмеяться.

— Он всего лишь вор, не более того, — убеждал их герцог. — Мы слишком давно имеем дело с ворами, чтобы позволить очередному грабителю — пусть он даже имеет привычку оставлять свою метку — тревожить нас.

— Вы не понимаете! — взвыл другой купец, но моментально побледнел и замолк, когда налитые кровью желтые глаза Моркнея обратились на него.

— Чернь может прийти к нему на помощь, — предупредил другой купец, пытаясь изменить направление свирепого гнева герцога.

— Какую помощь, в чем? — скептически отозвался Моркней. — Украсть несколько безделушек? По вашим собственным словам, этот вор кажется не более алчным, чем многие другие, которые обкрадывают вас в последнее время. Или дело в том, что его визитная карточка, эта смутная тень, жалит вашу непомерно раздутую гордость?

— Гном на площади... — начал было купец.

— Будет соответственно наказан, — сообщил им Моркней, откидываясь назад и энергично взмахнув костлявыми руками. Он поймал взгляд купца у стола и подмигнул. — Нам всегда не хватает рабочих гномов, верно? — хитро спросил он, и это, казалось, подняло настроение всем присутствующим.

— Возвращайтесь в свои лавки, — обратился к собравшимся Моркней. — Король Гринспэрроу намекнул, что присылаемые нами налоги существенно меньше, чем им следует быть, — и это, осмелюсь сказать, гораздо более неотложная проблема, чем какой-то маленький воришка или нелепые тени, которые, по вашим словам, нельзя удалить.

— Он выскользнул из нашей ловушки, — принялся объяснять один из купцов, сопровождаемый сочувственными кивками трех остальных, присутствовавших при инциденте на улице Ремесленников.

— Тогда поставьте еще одну ловушку, если это необходимо! — рывкнул Моркней, и сверкнувшие яростью желтые глаза герцога заставили всех четверых поспешно отступить.

Ворча, группа купцов покинула кабинет герцога.

— Как же, Алая Тень, — хмыкнул старый волшебник, шаря среди пергаментов, чтобы найти последнее сообщение от короля Гринспэрроу. Моркней принадлежал к древнему братству чародеев. Он прекрасно помнил те дни, когда настоящая Алая Тень наводила ужас на купцов по всему Эриадору, даже в Принстауне и других городах северного Эйвона. В те давно прошедшие времена об этом грабителе знали довольно много, но его так и не поймали.

И чтобы теперь он вернулся? Моркней считал эту идею совершенно абсурдной. Алая Тень был человеком, теперь уже давно покойным. Скорее всего, какой-нибудь мелкий воришка где-то наткнулся на волшебную накидку легендарного вора. Визитная карточка может быть той же самой, но оставляет ее совсем другой человек.

— Мелкий воришка, — пробормотал Моркней и громко фыркнул, думая о тех пытках, на которые, несомненно, обречена эта новая Алая Тень, когда купцы его в конце концов поймают.

* * *

— Я работаю сам по себе, — настаивал Оливер.

Лютиен в недоумении уставился на него.

— Сам по себе, но вместе с тобой! — уточнил Оливер раздраженным тоном. Хафлинг стоял выпрямившись, в своих лучших парадных одеждах, привычная шляпа с перьями довершала картину, изображавшую Оливера де Берроуза, щеголя и фанфарона. — Когда ты — часть гильдии, все меняется, — продолжал он с кислым видом. — Иногда тебе приходится отдавать больше половины добычи, и ты можешь идти только туда, куда тебе скажут. А я не люблю, чтобы мне указывали, куда идти!

У Лютиена не нашлось в ответ никаких аргументов. Юноша сам не был уверен в том, что он хочет присоединиться к Каттерам. Но Лютиен твердо знал, что он хочет видеть Сиобу, и если это можно было сделать, только присоединившись к воровской шайке, юный Бедвир охотно пошел бы на такую жертву.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказал Оливер.

Лютиен глубоко вздохнул.

— В жизни есть нечто большее, Оливер, чем воровство, — попытался объяснить он. — И большее, чем материальная выгода. Я не спорю против того, что объединение с Сиобой и ее друзьями может уменьшить нашу добычу и нашу свободу, но это может обеспечить хотя бы подобие безопасности. Ты видел ловушку, которую купцы поставили на нас.

— Именно поэтому мы не можем присоединиться ни к одной шайке, — отрезал Оливер.

Лютиен не понял.

— Зачем тебе разочаровывать твоих почитателей? — спросил Оливер.

— Почитателей?

— У тебя они уже есть, — объяснил хафлинг. — Они без конца болтают об Алой Тени и всегда улыбаются, произнося его имя. Разумеется, я не имею в виду этих купчиков, но от этого еще слаще.

Лютиен тупо кивал головой, не имея ни малейшего представления, о чем толкует приятель.

— Но я по-прежнему буду надевать алый плащ, — попытался заикнуться он. — Так что знак...

— Ты сдернешь завесу тайны, — сказал Оливер. — Весь Монфор узнает, что ты присоединился к Каттерам, и таким образом твоя расцветающая репутация опустится до уровня этой шайки. Я говорю — нет! Ты должен оставаться независимым вором, действующим на свой страх и риск. Мы будем водить за нос этих глупых купчиков, пока они

вконец не озвереют, а тогда отправимся дальше — Алая Тень просто исчезнет с улиц Монфора. Легенда будет разрастаться.

— А потом?

Оливер пожал плечами, как будто это не имело значения:

— Возможно, мы найдем другой город — Принстаун в Эйвоне, например. А затем, через несколько лет, мы вернемся в Монфор и дадим легенде новую жизнь. Ты совершил здесь нечто чудесное, хотя ты недостаточно мудр, чтобы понять это, — пояснил хафлинг. Впрочем, Лютиен-ну показалось, что речь идет о чем-то не более глубоком и серьезном, чем обычные байки Оливера.

— Но ты, Алая Тень, тот, кто оставляет в дураках туповатых купчиков и крадет их добро из-под самого их жирного носа, дает людям, которые живут по эту сторону стены, в нищих кварталах Монфора, нечто, чего им не хватало уже много, много лет.

— И что же это такое? — поинтересовался Лютиен, но в его голосе уже не было сарказма.

— Надежда, — ответил Оливер. — Ты им даешь надежду. Ну, теперь я иду на рынок. Ты со мной?

Лютиен кивнул, но простоял в комнате еще несколько минут после ухода Оливера, глубоко погруженный в свои мысли. Юноша понимал, что в словах хафлинга есть доля правды. По какой-то игре судьбы, случайный дар, полученный в результате случайной встречи с чудаковатым волшебником, и все это после случайной встречи с еще более эксцентричным хафлингом, заставил его, Лютиена Бедвира, стать продолжателем легенды, о которой он даже никогда не слышал. Он оказался знаменем тех, кто из-за короля Гринспэрроу лишился всяких прав на благополучие.

— Народный герой? — растерянно хмыкнул молодой человек. Причудливый поворот судьбы почти оглушил юношу, и хотя он еще не до конца разобрался в происходящем, его походка невольно стала более решительной. Лютиен торопливо поднялся на ноги и бросился вдогонку за хафлингом.

День был типичным для этого времени года — холодным и серым, — и рынок пустовал.

Большинство наиболее ценных товаров были раскуплены или украдены, а новые обозы не прибывали, да и не ожидалось в течение многих месяцев.

Очень скоро Лютиен и Оливер пожалели, что на рыночной площади так мало народа. Друзья, в большей степени Оливер, выглядели довольно необычно и привлекали к себе внимание циклопов, особенно одного с перебинтованной головой.

Решив перекусить, они остановились у лотка и купили себе галеты, затем немного поболтали с его владельцем о погоде, о покупателях и обо всем, что пришло на ум.

— Вам не следует здесь находиться, — услышали они шепот, когда продавец отвернулся к другому покупателю.

Лютиен и Оливер посмотрели друг на друга, а затем на изящную фигурку в накидке с капюшоном, стоявшую у лотка. Из-под низко надвинутого капюшона выглядывало знакомое лицо полуэльфа, с которым они встречались предыдущей ночью.

— Они знают? — тихо спросил Оливер.

— Они подозревают, — ответил полуэльф. — Разумеется, они не обвинят вас открыто, при свидетелях.

— Разумеется, — откликнулся Оливер. Лютиен продолжал смотреть в сторону, не желая привлекать внимание к разговору и не очень понимая, о чем беседуют эти двое. Если звероподобные циклопы подозревают его и Оливера, тогда почему они просто не подойдут к ним и не арестуют? Лютиен уже пробыл в Монфоре достаточно долго, чтобы понимать, как мало значения придают здесь наличию свидетелей и прочим пустякам. Целые банды стражников из преторианской гвардии обычно болтались поблизости от Крошечного Алькова. Они частенько уволокивали с собой какого-нибудь бедолагу со связанными руками.

— Есть новости, — продолжал полуэльф.

— Так расскажи... — начал было Оливер, но замолк и уставился в сторону, так как мимо лениво брела группа циклопов.

— Не сейчас, — раздался шепот полуэльфа, как только циклопы отошли на некоторое расстояние. — Сиоба будет ждать за «Гнэльфом», когда взойдет луна.

— Мы придем туда, — уверил его Оливер.

— Только он, — последовал ответ, и Оливер оглянулся на Лютиена. Когда Оливер перевел любопытный взгляд на полуэльфа, он обнаружил, что тот растворился в толпе.

Со вздохом хафлинг снова повернулся к Лютиену и открытой площади и понял причину внезапного исчезновения полуэльфа. Группа циклопов возвращалась, в этот раз выказав больше интереса к обоим друзьям.

— Мой папаша-хафлинг частенько говаривал, — прошептал Оливер Лютиену, — толковый вор всегда попадет куда захочет, но только очень толковый вор сможет оттуда выбраться. — Он схватил Лютиена за руку и потащил прочь, но был вынужден остановиться, потому что циклопы резко бросились вперед и взяли их в кольцо.

— Холодный сегодня денек, — заметил один из них.

— Покупаете последние вещички на зиму? — спросил другой.

Оливер собрался ответить, но не успел — Лютиен внезапно вмешался, глядя прямо на циклопов.

— Именно этим мы и занимаемся, — ответил он. — Для некоторых зима в Монфоре холоднее, чем для других.

Циклоп, похоже, не понял смысла этого замечания — впрочем, Оливер тоже сомневался, что понял правильно. Хафлинг не подозревал, что его пламенные речи заронили искру гордости в душу юного Бедвира, затронули какую-то струну в его сердце. Юноша внезапно ощутил себя наследником истинной Алой Тени, защитником угнетенных, острой занозой в боку богачей.

— Как давно ты в Монфоре? — хитро спросил циклоп, рассматривая Лютиена и явно надеясь выудить из него ключи к разгадке тайны.

Однако Оливер вышел вперед и настойчиво обхватил Лютиена рукой за талию.

— С того дня, как мой сын родился на свет, — заявил хафлинг, не обращая внимания на изумленный взгляд Лютиена. — Увы, его бедной матери нет в живых. Она не смогла вынести его размеров.

Циклопы уставились друг на друга с недоверием, совершенно сбитые с толку.

— Он твой отец? — спросил один, обращаясь к Лютиену.

Лютиен обнял Оливера за плечи.

— Мой папаша — хафлинг, — ответил он, имитируя характерный акцент Оливера.

— А почему... — начал было циклоп, но партнер схватил его за руку и сделал предостерегающий жест.

Свирепая гримаса циклопа исчезла, когда он оглядел рыночную площадь. Десятки мужчин, пара гномов и несколько эльфов внимательно — слишком внимательно — смотрели на них. На всех лицах читалась мрачная решимость, и у многих на поясе висел кинжал или короткий меч.

Вскоре группа циклопов была уже далеко.

— Что произошло? — спросил Лютиен.

— Циклопы встревожены. Люди начинают собираться с духом. Иногда они даже осмеливаются дать отпор одноглазым, — ответил Оливер. — Пошли отсюда побыстрее. Каттер был прав — нам не следовало болтаться по городу.

* * *

— Поцелуй меня. — Нежный голос заставил молодого человека потерять голову, от неожиданной просьбы у него подогнулись колени.

Лютиен замер на месте, тупо уставясь на Сиобу, понятия не имея, что делать дальше.

— Ты ведь хочешь этого, — констатировала она очевидное.

— Я пришел, потому что мне сказали, есть какая-то новость, — пробормотал Лютиен. Он пожалел о сказанном тотчас же: нашел же время менять тему!

Полуэльфийка казалась еще более соблазнительной бедному Лютиену, когда серебристый лунный свет в темном переулке за «Гнэльфом» нарядил ее стройную фигурку в таинственно поблескивающие одежды. Она лукаво улыбнулась и откинула длинные локоны со своего прекрасного лица. Лютиен оглянулся через плечо, словно ожидая, что где-то поблизости скрывается Оливер и смотрит на него. Хафлинг пошел в «Гнэльф» и сказал Лютиену, что встретится с ним там, когда тот закончит свои дела с Сиобой.

Молодой человек снова посмотрел на нее и увидел, что улыбка девушки бесследно исчезла.

— Гном... — серьезно начала она, но внезапно остановилась, потому что Лютиен шагнул к ней и крепко поцеловал в губы. Смущенный молодой человек тут же отскочил назад, разглядывая выражение лица Сиобы, пытаясь понять, как она отнеслась к его выходке.

Но девушка смутилась гораздо меньше юного Бедвира. Полуэльфийка только улыбнулась и снова откинула волосы с лица. Она явно прекрасно владела собой.

— Почему ты попросила меня сделать это? — тупо спросил Лютиен.

— Потому что ты этого хотел, — ответила Сиоба.

Гордо поднятые плечи Лютиена поникли.

— И я тоже хотела, чтобы ты это сделал, — призналась она. — И я подумала, что сперва нужно покончить с этим.

— Покончить с этим? — растерянно переспросил Лютиен. Это звучало не слишком многообещающе.

Сиоба глубоко вздохнула.

— Я только подумала, что тебе и Оливеру следует знать... — начала объяснять девушка. Она умолкла, словно ей было трудно подобрать слова.

Лютиен сильно встревожился.

— Что знать? — поторопил он ее и снова шагнул к Сиобе, но она подняла руку, будто защищаясь, и отступила на шаг.

— Гном, продолжала она. — Гном, который помог вам на площади Моркнея. Его забрали циклопы из преторианской гвардии и бросили в темницу.

Лицо Лютиена помрачнело, рука сама собой сжалась в кулак.

— Где? — решительно спросил он. У Сиобы не оставалось сомнений, что он собирается немедленно спасать гнома.

Она беспомощно пожала плечами — юноша видел, что красавица действительно не знает ответа, и это слегка остудило его пыл.

— У преторианской гвардии много темниц, — сказала она, качая головой. — Гнома будут судить в Соборе завтра утром вместе со многими другими, — быстро добавила Сиоба. — Его, несомненно, приговорят к каторжным работам в шахтах.

Лютиен не понял. Он постоял момент, раздумывая, стараясь разложить все по полочкам, затем вопросительно взглянул на Сиобу. Откуда она знала о гноме с площади Моркнея? Казалось, девушка прочитала его мысли, и на ее лице снова появилась лукавая улыбка.

— Я уже говорила тебе, что в дружеских связях есть свои преимущества, — сказала она, отвечая на незаданный вопрос. — Вот я и подумала, что вам следует это знать.

Лютиен кивнул.

Как нечто только что пришедшее ей в голову, Сиоба добавила:

— Гном, его зовут Шаглин, конечно, знал, что его схватят.

— Он тоже член вашей шайки?

Сиоба покачала головой:

— Он просто ремесленник, больше ничего.

Лютиен понимающе кивнул, хотя на самом деле не понял ровно ничего. Почему гном-

ремесленник помог ему, зная заранее, что будет схвачен и понесет наказание?

— Я должна идти, — сказала Сиоба, взглянув на положение луны.

— Когда я увижу тебя снова? — тревожно спросил Лютиен.

— Увидишь, — пообещала девушка, исчезая в тени.

— Сиоба! — позвал Лютиен громче, чем собирался, — его желания одержали верх над благоразумием. Прекрасная дева снова сделала шаг к нему, вопросительно глядя на юношу.

Утопая в зеленом свечении ее глаз, Лютиен не мог найти слов. Впрочем, в них не было нужды.

— Еще один поцелуй? — спросила девушка. Она едва успела выговорить это, как Лютиен приник к ее губам.

— Ты увидишь меня снова, — пообещала она, отодвигаясь. А затем ушла, превратившись в одну из ночных теней.

— Все это игра, — жаловался Оливер той же ночью, когда они с Лютиеном возвращались домой. Пожалуй, в желудке молодого человека находился некоторый избыток эля. — Уж конечно, ты не настолько глуп, чтобы не понять этого.

— Мне наплевать! — Это было заявлено весьма решительно, хотя и несколько заплетающимся языком.

— Гномов всегда обвиняют, судят и приговаривают к каторжным работам в шахтах, — упрямо продолжал Оливер. — Легальное и неоспоримое рабство. Именно так Монфор достиг своего процветания, неужели тебе это непонятно?

— Мне наплевать.

Оливер боялся, что Лютиен скажет именно это.

Перед следующим рассветом двое друзей крадучись пробирались вдоль разделяющей город стены у основания Собора. Они перебрались через нее достаточно легко, и Оливер, зная порядки, решил остановиться в тени северного крыла Собора: это был трансепт, одна из двух частей длинного здания, которые придавали ему форму креста. С этой стороны несколько зданий почти примыкали к Собору, образуя открытую площадь.

— Нам надо в западный конец, — объяснил Оливер, заглядывая за угол огромного трансепта, и тут же посоветовал Лютиену снять накидку.

Юноша так и сделал. В первый раз он находился так близко от Собора, и каким же маленьким и ничтожным показался сам себе юный Бедвир по сравнению с величественным строением! Он окинул взглядом здание до огромных арок и множества горгулий, свисавших сверху и глядящих на жалких людишек — таких, как он. Зловещим и внушительным выглядел Собор в предрассветный час.

Вскоре после восхода солнца площадь заполнилась народом, купцами и ремесленниками, а также преторианскими стражниками. Лютиен заметил, что многие люди привели с собой детей.

— Последний день недели, — объяснил Оливер, и Лютиен кивнул, осознав, что закончилась еще одна неделя, а вместе с ней и весь сентябрь. — День налогов. Они приводят сюда детей, надеясь на милосердие, — Оливер хмыкнул, всем видом демонстрируя возмущение подобной наивностью.

Друзья притаились за углом, стараясь не привлекать к себе внимания. Наконец высокие и узкие дубовые двери Собора распахнулись и народ длинной вереницей потянулся в гигантское здание. Здоровенные циклопы встали по обе стороны дверей, бесцеремонно допрашивая проходивших мимо, сбивая в кучки мужчин и их семьи, как овец.

Оливер оттащил Лютиена подальше в тень стены, когда несколько обитых железом повозок подъехали к боковой двери в середине северной стены трансепта, к другому весьма впечатляющему входу, хотя и не такому огромному, как высоченные западные двери Собора. Множество преторианских стражников вышло из Собора навстречу привезенным узникам — четверем мужчинам, трем женщинам и двум гномам, которые были одеты в мешковатые серые балдахины, в основном открытые спереди. Лютиен узнал того гнома, который помог ему и Оливеру, сразу же — по лохматой иссиня-черной бороде, торчащей из

капюшона, и по той же самой кожаной жилетке без рукавов, которая была на нем в то утро на площади Моргнея.

— Шаглин, — беззвучно произнес юный Бедвир, вспомнив имя, названное ему Сиобой.

Он двинулся вперед, но хафлинг твердо удержал его на месте. Лютиен бросил на него вопросительный взгляд.

— Слишком много, — беззвучно произнес Оливер и указал на строение, находящееся на площади напротив арестантских повозок. Лютиен заметил несколько фигур, болтавшихся около этого маленького здания или сидящих на мостовой подобно нищим, которые нередко встречались в нижней части города. Они кутались в плащи с капюшонами, пряча лица, но, приглядевшись к ним пристальнее, Лютиен понял беспокойство своего друга.

Все эти «нищие» отличались широкими плечами и пудовыми кулаками, напоминая воинов или циклопов.

— Неужели они ожидают нас? — прошептал Лютиен на ухо Оливеру.

— Это самая элементарная ловушка, — ответил хафлинг. — Легкий способ избавиться от возникшей проблемы. Возможно, им известно, каким глупым ты иногда бываешь.

Лютиен кинул на товарища негодующий взгляд, но стоя рядом с громадиной Собора при ярком свете дня, наблюдая за преторианской гвардией, заполнявшей улицы, он, честно говоря, не мог с ним не согласиться. Уходить не хотелось, но юноша задавал себе вопрос, что на самом деле он мог бы сделать.

Лютиен повернулся к Оливеру. Его отчаяние перешло в изумление. Хафлинг засунул свой темный камзол, черные туфли и шляпу в разные отделения волшебной перевязи, закатал штанины как можно выше и натянул на себя платье из набивной ткани, какие носили юные девушки.

Сделав это, Оливер вытащил парик из длинных и черных конских волос (Лютиен понятия не имел, где он его раздобыл), затем замотал голову несколькими слоями вуали, предусмотрительно скрыв усы и бороду.

«Добрый старина Оливер», — подумал Лютиен, с трудом удерживаясь, чтобы не расхохотаться вслух.

— Я — твоя юная невинная дочь, а ты — мой папаша-купец, — объяснил хафлинг, вручая Лютиену мешочек с позвякивающими монетами. Лютиен открыл его и заглянул внутрь. Его глаза расширились, когда он увидел, что монеты золотые.

Оливер взял его под руку и храбро повел за угол. Они обошли подалее арестантские повозки и циклопов, приближаясь к центру площади. Друзья направлялись к западной двери в Собор.

Эта западная стена привлекала внимание Лютиена все время, пока они шли. Она отнюдь не была плоской, в ней имелось множество ниш и углублений, в которых находились красивые, ярко раскрашенные статуи. Это были персонажи из религии Лютиена — герои древнего Эриадора. Он заметил, что их давно не приводили в порядок: краска шелушилась и облезала, и почти в каждой нише вили гнезда птицы.

Юный Бедвир начинал понемногу приходить в возбужденное состояние, но неожиданная выходка Оливера прервала его мысли.

— Я же говорила тебе, папа, что мы опоздаем! — завопил хафлинг тонким голосом.

Лютиен изумленно взглянул на товарища, но тут же выпрямился и смерил уничтожающим взглядом двух развеселившихся циклопов-стражников.

— А что, мы разве опаздываем? — спросил он.

— Он боится попасть в шахты за то, что опоздал к сбору налога, — заметил один из циклопов и непристойно захихикал, глядя на Оливера. — Или, может, он опасается, что Моргней заберет его маленькую дочурку. — Их отвратительный гогот показался Лютиену невыносимым. Юноша с трудом сдерживался, чтобы не потянуться за мечом.

Оливер пихнул его в бок и глазами указал на кошелек.

Лютиен кивнул и вытащил несколько золотых монет. Юноша высоко оценил жертву, принесенную другом, поскольку прекрасно знал, как тяжело было хафлингу расставаться со

своими трофеями!

— Вы уверены, что я опоздал? — спросил Лютиен циклопов. Те взглянули на него с любопытством, его хитрый тон явно подогрел их интерес.

Лютиен оглянулся по сторонам на уже почти опустевшую площадь, затем протянул к ним руку с монетами на ладони. Туго соображающие циклопы наконец поняли, в чем дело.

— Опоздал? — переспросил один. — Нет, ты как раз вовремя.

Одноглазый отошел в сторону и распахнул одну из высоких дверей, в то время как его напарник жадно сгреб взятку.

Лютиен и Оливер вошли в помещение с высоким потолком, размером примерно пять на пять футов. Прямо перед ними были такие же двери, как входные. Оба с облегчением вздохнули, когда циклопы ненадолго оставили их одних.

Лютиен потянулся к ручке внутренних дверей, но Оливер остановил его, прижав палец к губам. Вместо этого они приложились ухом к дереву и сумели расслышать громкий баритон, выкликающий какие-то имена, — налоговая переключка, догадался Лютиен.

Сюда они уже попали, но что делать теперь? Юноша посмотрел на Оливера, и хафлинг указал куда-то над плечом Лютиена. Следуя за его взглядом, Лютиен увидел, что помещение не совсем изолировано. На середине каждой боковой стены, на высоте десяти футов, виднелись отверстия, ведущие внутрь, в тайные проходы, тянущиеся в южном направлении вдоль передней стены здания.

На свет вновь появилась волшебная липучка, и друзья вскарабкались наверх. Они миновали несколько отверстий, выходящих на узкую галерею, опоясывавшую главный зал Собора. Здесь стало понятно, что по этому проходу слуги добирались до статуй и витражей Собора, когда приходило время их почистить.

Приятель поднялся по узкой лестнице, затем по другой и нашел проход, ведущий к арочному коридору. Тот, в свою очередь, выходил на соборный неф на высоте добрых пятидесяти футов от пола главного зала.

— Трифорий, — объяснил Оливер и хитро подмигнул, явно полагая, что отсюда они смогут наблюдать за событиями, находясь в относительной безопасности.

Они были, как заметил Лютиен, в пятидесяти футах от пола и при этом не более как на полпути к переплетениям гигантского свода, который и образовывал невероятную крышу всего здания. Снова юный Бедвир почувствовал себя крошечным и незначительным, ошеломленный размерами Собора.

Оливер к тому времени отошел на пару шагов вперед, но повернулся назад, увидев, что Лютиен остановился.

— Быстрее, — резко шепнул хафлинг, железной рукой возвращая юношу к действительности.

Они прокрались вдоль задней стены трифория. На передней стороне прохода, в центре каждой арки, находилась, как относительно новое добавление к убранству Собора, крылатая горгулья, ее гротескная рогатая голова глядела вниз на собравшихся. Оливер смотрел на статуи с видимым отвращением, и Лютиен от души согласился с ним, считая, что горгульи являются отвратительным пятном, пачкающим святой храм.

Друзья осторожно добрались до угла трифория, где проход сворачивал направо в южный трансепт. Наискосок от них Лютиен увидел трубы гигантского органа, а под ними место, где когда-то стоял хор, вознося гордую хвалу Господу. Теперь там копошились циклопы.

Область алтаря все еще была футах в ста от них, находясь в центре полукруглой апсиды в восточном конце Собора. Большая ее часть располагалась в нижней части Монфора, образуя часть городской разделительной стены.

Сперва взгляд Лютиена устремился вверх, привлеченный округлым, спиралеобразным устройством апсиды, хотя он понимал, что отсюда не видно более половины высоты всего здания. Он покачал головой и посмотрел ниже, на роскошные гобелены апсиды и в алтарь.

И здесь Лютиен впервые увидел печально известного Моркнея, герцога Монфорского.

Облаченный в красные одежды старый негодяй со скучающим выражением лица сидел в удобном кресле сразу за алтарем.

На возвышении в углу апсиды находился глашатай, выкликавший имена и размер налогов. Это был свирепого вида человек, по бокам которого располагались два здоровенных циклопа. Пожалуй, Лютиену еще не приходилось видеть таких огромных! Глашатай неспешно выкликнул имя, затем сделал паузу, ожидая вызванного налогоплательщика — владельца таверны в нижней части города. Тот, шаркая, выбрался из-за одной из деревянных скамей с высокими спинками и поспешил вперед со своей данью.

Лютиен скривился от отвращения, когда вызванный человек вручил циклопу мешок монет. Бедолага стоял склонив голову, пока мешок выворачивали прямо на алтарь и быстро подсчитывали содержимое. Затем сумма была сообщена Моркнею, который немного помедлил (Лютиен понимал, что тот просто хотел припугнуть торговца), затем рассеянно махнул рукой. Купец поспешно бросился к своей скамье, забрал двух детей, которые пришли с ним, и вылетел из Собора.

Процедура повторялась снова и снова. Большинству налогоплательщиков было позволено отправиться восвояси, но одному бедолаге, престарелому хозяину рыночного лотка, явно не хватило денег. Моркней прошептал что-то циклопу, стоявшему рядом с ним, и старика уволокли прочь. Старая женщина, вероятно его жена, горестно завопила, и ее тоже увели.

— Приятная обстановка, — тихо пробормотал Оливер.

Примерно через два часа после того, как друзья устроились на своем высоком наблюдательном пункте, а список дошел до половины, Моркней поднял костлявую руку. Глашатай у аналоя отступил назад, а его место занял другой:

— Заключение! — провозгласил новый распорядитель, и из первого ряда поднялась группа циклопов, таща за собой закованных мужчин, женщин и гномов.

— Вот наш спаситель, — сухо заметил Оливер, указывая на лохматого гнома. — Ну, есть какие-нибудь мысли о том, как подобраться к нему поближе?

Явный сарказм в тоне Оливера разгневал Лютиена, но ему нечего было ответить. Юноша с унынием осознал, что хафлинг прав. Он ничего не мог сделать, совсем ничего. Лютиен видел как минимум сорок циклопов в Соборе и не сомневался, что еще не менее сорока болтаются поблизости, не считая тех, у арестантских повозок за дверью северного трансепта. К тому же Моркней пользовался репутацией могучего волшебника, что делало любой план по освобождению Шаглина просто нелепым.

Обвинения были зачитаны, и арестантов приговорили к разным наказаниям. Четверо мужчин должны были отправиться с обозом в Принстаун — вероятно, они будут проданы в армию, как только доберутся до Эйвона, объяснил Оливер Лютиену. Трех женщин отдали служанками в дома различных друзей герцога — Оливеру не пришлось объяснять товарищу, какая мрачная судьба ожидала несчастных. А гномов, как и ожидалось, присудили к долгим срокам каторжного труда в шахтах.

Лютиен Бедвир беспомощно наблюдал за тем, как Шаглина потащили к боковой двери и дальше, к повозкам.

Вскоре опять начался сбор налогов, а Оливер вместе с пылающим яростью Лютиеном пробрались обратно вдоль трифория к потайному проходу. Затем они уступили дорогу какому-то освобожденному купцу и соскользнули вниз. Оливер забрал и спрятал липучку, затем поправил закрывающие лицо вуали и сделал Лютиену знак двигаться дальше.

Стражники-циклопы отпустили какие-то непристойные замечания по поводу «купца» и его невинной дочери, когда те прошли между ними, но Лютиен вряд ли услышал их. Он не сказал ни слова за всю дорогу до Крошечного Алькова, а затем принялся мерить шагами комнату, как запертый зверь.

Оливер, все еще в женском платье, заметил, что уже почти полдень и «Гнэльф» скоро откроется, но Лютиен никак не отреагировал на его слова.

— Ты ничего не можешь сделать! — наконец закричал Оливер, вскакивая на стул,

стоявший на дороге у Лютиена, чтобы сравняться с ним ростом. — Ничего!

— Они увезли его в шахты, — горестно сказал молодой человек, отворачиваясь от хафлинга. — Ну что ж, раз они повезли Шаглина в шахты, значит, я тоже еду в шахты.

— Клянусь всеми девственницами Эйвона, — пробормотал Оливер себе под нос, с размаху плюхнулся на стул и надвинул на глаза свой длинный черный парик.

20. ЦЕНА ПОЦЕЛУЯ

Друзья ждали более часа, прячась среди нагромождения валунов у скалистых подножий гор в четверти мили от южной стены Монфора. С этого места была видна узкая дорога, ведущая к шахтам. Ривердансер и Тредбар, радуясь тому, что вышли из города, паслись на маленькой полянке неподалеку. Оливер объяснил, что повозка с рабами не выедет из города, пока не закончится сбор налогов — на случай, если бы Моркней нашел других «добровольцев», которые предпочтут работу в шахтах уплате налога.

Лютиен планировал напасть на повозку здесь, задолго до того, как она доедет до шахты. Оливер придерживался другого мнения.

Лицо юного Бедвира вытянулось, когда повозка, подпрыгивая, показалась на дороге, охраняемая двумя десятками циклопов верхом на свирепых вепреконеях.

— Ну, теперь мы можем отправиться в «Гнэльф»? — спросил измученный хафлинг, но по той решимости, с которой разгневанный Лютиен бросился седлать своего коня, Оливер угадал ответ.

Они помчались по дороге, держась на приличном расстоянии позади повозки с арестантами. Иногда она выезжала на открытый участок дороги, и тогда преследователи придерживали лошадей.

— Это не слишком блестящая идея, — много раз повторял Оливер, но Лютиен не отвечал. Наконец, когда они уже проехали три мили, хафлинг остановил Тредбара. Лютиен проехал еще двадцать ярдов, затем остановил Ривердансера и обвиняюще посмотрел на друга.

— Гном... — начал он, но немедленно остановился, когда Оливер поднял руку. Хафлинг замер с закрытыми глазами, наклонив голову набок, и Лютиену казалось, что он нюхает воздух.

Тредбар, подчиняясь команде хозяина, проломился сквозь кусты у обочины дороги и исчез из вида. Лютиен с изумлением проводил Оливера глазами, затем услышал приближавшийся топот вепреконей и все понял.

У него уже не оставалось времени последовать примеру хафлинга! Опустив голову в густую гриву коня, Лютиен пришпорил Ривердансера и галопом помчался обратно к Монфору. Только через милю ему подвернулось место, где можно было свернуть с дороги. Лютиен спрыгнул с седла и схватил Ривердансера за уздечку, пытаясь успокоить нервное животное.

Он зря беспокоился, потому что отряд циклопов во весь опор пронесся мимо, и грохот тяжелых копыт вместе с громоханием пустой повозки заглушил все остальные звуки.

Несколько раз глубоко вздохнув, Лютиен вывел Ривердансера назад на дорогу, подождал минуту, чтобы убедиться, что все одноглазые проехали мимо, затем галопом поскакал в другую сторону. Он нашел Оливера на прежнем месте.

— Пора, — заметил хафлинг. — Мы должны добраться до гнома раньше, чем они отведут его на более низкие галереи шахты. Когда он попадет вниз... — Оливер не стал заканчивать свою мысль, так как Лютиен уже помчался вперед.

Вход в шахту, подпертый тяжелыми бревнами, напоминал неприметную пещерку в склоне горы.

Друзья привязали своих коней подальше, у обочины дороги, и подобрались к удобному для наблюдения месту за какими-то кустами. Циклопов поблизости не наблюдалось, вокруг царили тишина и покой.

— Вход не слишком-то хорошо охраняется, — заметил Лютиен.

— А с чего бы ему охраняться? — откликнулся Оливер.

Юноша пожал плечами и хотел выйти из-за кустов, но приятель схватил его за руку, и когда Лютиен оглянулся, хафлинг указал на другое отверстие, справа от входа в шахту.

— Может быть, это бараки, — прошептал Оливер. — Или, возможно, там они держат узников, прежде чем отправить их вниз.

Лютиен переводил взгляд с одного отверстия на другое.

— Которое? — наконец спросил он, поворачиваясь к другу.

Оливер широко развел руками и наконец указал на вход в шахту:

— Даже если этот гном, Шаглин, еще не там, они должны через это отверстие отправить его вниз.

Лютиен двинулся вперед, прижимаясь к стене, Оливер — сразу за ним. Юноша низко надвинул капюшон своей алой накидки и остановился у входа. Туннель был темным, очень длинным, и Лютиену пришлось задержаться, чтобы глаза привыкли к полумраку. Даже после этого он с трудом разглядел какие-то тени внутри.

Юноша поднял полу накидки, и Оливер проскользнул в спасительное укрытие. Затем Лютиен осторожно стал пробираться по стене, завернул за угол и оказался в шахте. Они дошли до поворота — вправо отходил боковой проход, возможно, ведущий к туннелям, начинавшимся у других входов в шахту. Дальше внизу в проходе, по которому они шли, друзья заметили мерцание факела и услышали топот циклопов.

Они бросились в боковой проход и затаились там, внимательно наблюдая за туннелем. Лютиен вынул свой лук и мгновенно собрал его, пока Оливер, распластавшись на полу, заглядывал за угол.

Свет факела приближался. Два циклопа появились из-за ближайшего поворота, бесечно разговаривая. Оливер поднял два пальца, обозначая количество врагов, и задержал поднятую руку, готовясь дать сигнал к нападению.

Лютиен натянул тетиву. Свет стал ярче, а звук тяжелых шагов циклопов — громче. Рука Оливера резко упала вниз, и юноша выпрыгнул в туннель.

Циклопы, находившиеся не более чем в десяти футах от него, подскочили от удивления. Меньше всего они ожидали нападения здесь, в шахте.

Лютиен промахнулся.

Он с трудом поверил в это, но так как один из циклопов подпрыгнул и извернулся, испуганно вскинув руку, стрела пролетела у него под мышкой, не принеся никакого существенного вреда.

Лютиен растерянно топтался на месте, сжимая в руках лук, который так не вовремя подвел хозяина. Циклопы взревели и бросились вперед, и, если бы Оливер не метнулся наперерез, Лютиену пришлось бы плохо.

Рапира и кинжал начали свой смертоносный танец, нанеся серьезный удар под ребро ближайшему циклопу и оцарапав второго прежде, чем те успели осознать присутствие еще одного врага.

Раненый циклоп попытался ударить хафлинга факелом. Его товарищ отступил на шаг, затем снова бросился вперед, изрыгая ругательства и размахивая тяжелой дубинкой.

Оливер откатился влево, назад к туннелю. Лютиен, вытащив меч, нырнул вслед за хафлингом. Вооруженный дубинкой циклоп, следивший за движениями Оливера, успел только разинуть рот, когда меч молодого человека вонзился ему в грудь.

Оливер перекувырнулся и моментально вскочил на ноги. Он поднырнул под замахнувшуюся факелом руку и ударил рапирой, еще и еще. Циклоп попятился, глядя на коротышку-хафлинга с величайшим изумлением. Затем он покачнулся и рухнул замертво.

Задержавшись на секунду, чтобы затоптать факел, друзья быстро двинулись вперед. Хафлинг не смог удержаться и на ходу поздравил товарища с удачным выстрелом. Вскоре впереди опять замаячил свет факела.

Туннель заканчивался уступом на высоте сорока футов, над полом большого овального

помещения. Здесь находились пять циклопов и, к облегчению друзей, два гнома, один из которых был с черными спутанными волосами, в кожаной жилетке. Обоих узников заковали в ручные и ножные кандалы, вокруг них стояли циклопы. Вся группа находилась в противоположном конце помещения перед круглой дырой, вырезанной в полу. Над дырой был установлен блок, соединенный толстым канатом с воротом на полу помещения, а два других каната спускались в само отверстие.

Один циклоп наклонился над дырой, слегка придерживая канат, пока другой крутил ворот. Лютиен уже приготовил стрелу, но Оливер с сомнением посмотрел на него, показав сперва на одну, а потом на другую стену помещения. Как минимум три туннеля выходили в него с разных сторон.

Лютиен понял опасения хафлинга. Этот высший уровень шахты, вероятно, предназначался для охраны, и те три туннеля, да и четвертый, по которому только что пришли Лютиен и Оливер, могли моментально наполниться циклопами при первых звуках битвы.

Но юноша понимал, что другого шанса не представится, поскольку этот механизм, очевидно, предназначался для отправки узников на нижние уровни. Если не поспешить, то Шаглин вместе с другим гномом навеки канут в глубины рудника.

Циклоп, склонившийся над дырой, кивнул головой, а затем что-то крикнул вниз. Ему откуда-то снизу ответил другой циклоп, потом еще один.

Первый циклоп внезапно дернулся и упал головой вниз в дыру. Четыре других циклопа, увидев стрелу в спине своего товарища, подняли глаза на выступ и увидели Лютиена, уже наложившего на тетиву новую стрелу. Юноша выстрелил, а затем поспешно выхватил из рук Оливера канат. Стрела всего лишь просвистела мимо подъемного механизма, однако крутивший его циклоп взвизгнул и отскочил.

Оливер, прицепив липучку к потолку подальше от уступа, прыгнул на спину Лютиена, и, как только юноша убрал свой складной лук, оба полетели на веревке вниз. Друзья закачались в воздухе подобно маятнику. Алый и фиолетовый плащи развевались у них за плечами. Лютиен направил прыжок к подъемному механизму, считая его сейчас самой важной целью.

Расчеты Оливера были достаточно точными. Хафлинг спрыгнул на землю, когда маятник оказался в самой нижней точке, пролетел оставшиеся три фута до земли и перекатился головой вперед, два раза перекувырнувшись.

Лютиен продолжал полет, направляясь к циклопу у подъемного механизма. Он согнул ноги и резко выбросил их вперед, пытаясь сбить циклопа в сторону, но юноша оказался слишком высоко, и, когда циклоп пригнулся, удар пришелся по пустому месту. Однако момент, в который циклоп отвлекся на юношу, дорого ему обошелся. Обернувшись, одноглазый увидел Оливера — или, скорее, кончик его рапиры. Острое лезвие пронзило живот циклопа, вспороло его до самых легких. Одноглазый упал, попытался последний раз вздохнуть, но это у него уже не получилось.

Через мгновение после своего неудачного удара ногами Лютиен оказался прямо над стволом шахты. Как и следовало ожидать, он увидел большую платформу, на которой находилось около полудюжины орущих циклопов футах в пятнадцати от горловины ствола. Но дальняя сторона отверстия была все еще вне досягаемости, когда веревка качнулась назад, туда, где ждали три вооруженных циклопа.

Лютиен успел спрыгнуть, яростно размахивая руками. Он сильно ударился подбородком о край отверстия и чуть не свалился внутрь. Застонав и откатившись в сторону, он поднялся на ноги и выхватил меч. Торопливо оглядевшись, юноша бросился к дальнему концу горловины. Один из циклопов кинулся к хафлингу. Другие, распахивая гномов, устремились навстречу Лютиену.

Циклопы вопили, рычали и призывали на помощь товарищей, крича о нападении зловещей Алой Тени.

— Я вижу, самый крупный направляется прямо ко мне, — спокойно заметил Оливер. И

действительно, тварь, оказавшаяся лицом к лицу с отважным хафлингом, отличалась огромными размерами и на редкость безобразной физиономией. К тому же циклоп предусмотрительно напялил на себя прочные доспехи. Оливер сомневался, что его рапира могла проткнуть броню такой толщины. В довершение картины одноглазый размахивал огромным боевым топором.

Топор с размаху ухнул вниз, а Оливер пулей бросился вперед, прокатившись между широко расставленными ногами циклопа.

Пока циклоп с ревом разворачивался, Оливер успел проскользнуть на прежнее место. Скоро они опять оказались лицом к лицу, причем за спиной Оливера находился ствол шахты и подъемный механизм.

Лютиен храбро ввязался в драку, отвлекая на себя остальных. Эти два циклопа тоже были в доспехах. Размахивая мечами, они смогли отразить первые удары юноши и отвести в сторону его клинок.

Лютиен сделал выпад вперед, но конец меча ударился о камень. В это время один из циклопов бросился на него, размахивая огромным мечом, заставив юношу резко отклониться в сторону. Он довольно легко разоружил упрямого циклопа, а затем перешел в яростное нападение.

Но атака была вновь отражена.

Рапира Оливера уже раза три соприкоснулась с грудной пластиной доспехов его противника, ее лезвие только сгибалось и не причиняло одноглазому ни малейшего вреда. Хафлинг надеялся утомить мускулистого циклопа, но скоро сам начал задыхаться, уклоняясь то в одну, то в другую сторону, чтобы не попасть под тяжелый боевой топор.

Он судорожно пытался изобрести новую тактику и надеялся, что в доспехах циклопа обнаружится хотя бы крохотная щелочка. Вместо этого он увидел связку ключей, болтавшуюся на поясе противника. Инстинктивно хафлинг оглянулся на Лютиена и продолжал наблюдать краем глаза за молодым человеком, ожидая нужного момента.

Лютиена сильно теснили, но он яростно сражался, сдерживая натиск циклопов. На мгновение оторвав взгляд от своих противников, он увидел, что гномы сумели снять цепь, которая приковывала их друг к другу за лодыжки. Нетрудно было догадаться, что узники не собирались наблюдать за происходящим со стороны.

Меч Лютиена метался из стороны в сторону. Его удары было легко отразить, но они требовали полного внимания противников.

Гномы с налету врезались в циклопов сзади, подтолкнув их под удар Лютиена.

Меч Лютиена метнулся направо, отбив вниз клинок одного из циклопов. Затем юный Бедвир быстро отскочил в сторону. Циклоп, не ожидавший подобного выпада, с разгону пролетел мимо, бестолково размахивая мечом. Лютиен не только с легкостью отразил нападение, но и умудрился выбить меч из руки одноглазого, так что тот со звоном полетел на каменный пол.

Он услышал, как Оливер выкрикнул его имя, и снова резко обернулся, ударив локтем в ребро циклопа, напавшего сзади. Тварь с воплем рухнула в горловину ствола шахты. Затем Лютиен бросился вперед, чтобы не дать падавшему циклопу ухватиться за него и утащить за собой.

Одним молниеносным движением рапира Оливера метнулась к противнику, скользнула по его боку, сквозь кольцо связки ключей. Клинок пошел вправо, сдергивая ключи с ремня тюремщика, затем вверх и снова влево — связка ключей взлетела в воздух.

И попала прямо в подставленную руку Лютиена Бедвир.

Юноша соскользнул на пол, понимая, что наиболее важные для него кандалы — те, что сковывают гномов между собой. Ему повезло — второй ключ подошел, замок щелкнул, а Лютиен прыгнул назад с мечом в руке навстречу оставшемуся циклопу.

Однако, несмотря на приобретенное преимущество, оба друга находились в тяжелом положении. Они очень устали, а в двух боковых туннелях уже замерцали факелы, раздались крики и топот множества ног. Солдаты на платформе в стволе шахты тоже не собирались

сидеть и ждать развития событий. Отвратительная физиономия циклопа появилась над горловиной, затем сбоку еще одна — циклопы карабкались вверх по канатам.

Тюремщик взревел от ярости, лишившись своих ключей. Чудовище бросилось вперед, размахивая огромным топором. Оливер изогнулся и отскочил в сторону, не пытаясь заблокировать удар топора, так как знал, что любой из его клинков либо сломается, либо будет выбит у него из рук мощным ударом тюремщика.

Топор полетел вниз, и Оливер скользнул налево, к подъемному механизму, и затем вскочил на обмотанный канатом барабан. Топор снова взметнулся у него над головой, хафлинг перекатился влево, уходя от удара. Звероподобный громила отличался завидным упрямством, но не блистал быстротой реакции. Он не успел остановить замах, и топор врезался в барабан подъемного механизма, до середины перерубив канат. Туповатый тюремщик изумленно моргнул, когда разлохмаченная пенька расползлась и с треском лопнула. Ему оставалось только беспомощно наблюдать, как оборванный конец каната заскользил по блоку и платформа (с дюжиной циклопов) грохнулась вниз!

— Я тебе очень признателен, — серьезно заметил Оливер.

Тюремщик взревел, взмахнул топором горизонтально, чуть не потеряв равновесие из-за необузданной силы собственного удара. Но его удар не достиг цели, так как хафлинг успел уже снова вспрыгнуть на барабан. Он сделал резкий выпад рапирой, воткнув ее прямо в налитый кровью глаз тюремщика.

Ослепленный циклоп дико взвыл и бестолково замахал боевым топором, попадая им то по камню, то по подъемному механизму. Оливер упал и откатился в сторону, от души наслаждаясь зрелищем (разумеется, если топор не оказывался в непосредственной близости от него!), и постепенно, выкрикивая насмешки и издеваясь, хафлинг сумел подманить тюремщика к самому краю горловины шахты.

По кивку Оливера Шаглин с разбега налетел на тюремщика сзади, и тот полетел вниз.

— Эх, надо было топор удержать, — проворчал гном, когда тюремщик вместе со своим оружием рухнул в шахту и исчез из вида.

Один на один Лютиен с легкостью парировал яростные наскоки своего противника. Он дал одноглазому возможность выплеснуть всю свою ярость в первом нападении и постепенно перешел в контратаку, тесня его одним хитроумным выпадом за другим.

Понимая, что он проигрывает, одноглазый, демонстрируя типичную для циклопов отвагу, повернулся и бросился бежать, стремясь присоединиться к товарищам, которые в это время появились в помещении из боковых проходов.

Итак, в течение нескольких секунд ряды циклопов значительно увеличились. Пожалуй, теперь их насчитывалось не меньше дюжины. Оливер с сомнением заглянул в шахту, но она пропадала во тьме, а у него не было даже веревки. Лютиену удалось снять оковы с Шаглина, затем он принялся работать над кандалами другого гнома. Шаглин тем временем подбежал и вытащил меч у первого циклопа, которого убил Оливер.

Однако циклопы все еще не двигались вперед, и Лютиен понимал, что они позволяют своим врагам подготовиться к битве только потому, что ожидают подкрепление.

— Что-то надо делать, — заключил Оливер, явно придя к тому же мрачному выводу.

Лютиен сунул меч в ножны и вынул лук, быстро собрал его, натянул тетиву и наложил стрелу. Только тогда циклопы сообразили, что это у него за странные палочки, и толкаясь, попытались убраться подальше от опасности.

Юноша попал одному из них в шею, и тот с воем упал. Другие завизжали, но не бросились в укрытие. Вместо этого они пошли в атаку прежде, чем Лютиен успел достать следующую стрелу.

— Это не совсем то, что я имел в виду, — сухо заметил Оливер.

В начавшейся сумятице отчаявшиеся друзья не услышали звонких щелчков тетивы, и все четверо с удивлением оглянулись, когда несколько нападающих циклопов зашатались и рухнули на каменный пол. Увидев стрелы, торчащие из их спин, все находившиеся в пещере на мгновение замерли, лихорадочно оглядываясь по сторонам. Все на том же уступе теперь

находилась группа невысоких, худощавых лучников, по всей вероятности, эльфов. С поразительной ловкостью они осыпали циклопов смертоносным ливнем стрел.

Одноглазые, толкаясь, обратились в бегство, из некоторых уже торчало по одной или две стрелы. В ответ стрелы и дротики со свистом полетели из боковых проходов, и хотя заявление Оливера о том, что циклопы не могут как следует прицелиться, оказалось правдой, одно только количество летящих снарядов представляло серьезную угрозу.

— Бегите! — раздался крик с уступа, и Лютиен узнал голос.

— Сиоба, — сообщил он Оливеру, бросаясь к стене и таща за собой хафлинга.

Лютиен схватил веревку Оливера и быстро дернул три раза, отцепляя липучку от потолка. Группа Сиобы уже спустила вниз одну веревку. Товарищ Шаглина по несчастью ухватился за нее и стал быстро карабкаться вверх. Стрела угодила в мускулистое плечо гнома, но он только поморщился и решительно продолжил подъем.

Лютиен забросил липучку на стену рядом с уступом и передал веревку Шаглину. Гном посадил Оливера себе на спину и полез вверх — Лютиен только потряс головой, в изумлении глядя на то, как быстро карабкается могучий гном.

Копье ударило в камень между ног юноши. Циклопы вырвались из всех трех проходов, бегущие впереди несли большие щиты, укрываясь ими от эльфийских стрел.

Лютиен хотел подождать, чтобы дать возможность Оливеру и Шаглину вскарабкаться доверху, поскольку не знал, какой вес может выдержать маленькая липучка, но у него не оставалось времени. Юноша подпрыгнул как можно выше, схватился за веревку, на всякий случай обмотав ее конец вокруг пояса, и начал карабкаться вверх на руках, стараясь по возможности опираться ногами о стену.

Это было вовсе не так легко, как казалось со стороны. Лютиен продвигался медленно, и его бы, конечно, схватили или проткнули длинными копьями, но Шаглин, оказавшись на уступе, мгновенно стряхнул со спины Оливера и схватился за веревку вместе с другим гномом. Оба принялись подтягивать ее вверх мощными рывками.

Стрелы, летевшие с противоположной стороны уступа, свистели мимо головы Лютиена, хуже того, стрелы летели и снизу. Юноша почувствовал удар по ноге и увидел, что из его каблука торчит стрела.

Затем мозолистые руки схватили его за плечи, втащили на уступ, и вся группа бросилась бежать. Они миновали нескольких мертвых циклопов, включая тех двоих, которых убили Лютиен с Оливером, и выскочили из туннеля, слыша позади топот преследователей, которым наконец удалось также забраться на уступ.

— У нас здесь лошади! — объяснил Лютиен Сиобе, и она кивнула и быстро поцеловала его, затем подтолкнула вслед за Оливером. Каттеры вместе с Шаглином и вторым гномом бросились в другую сторону и скрылись в кустарнике.

— Не могу поверить, что они пришли за нами, — заметил Лютиен, догнав хафлинга. Оливер уже был одной ногой в стремени Тредбара.

— Должно быть, ты здорово целуешься, — ответил товарищ. Затем Тредбар вылетел на дорогу, а следом за ним и Ривердансер.

Орда циклопов вырвалась из входа в шахту, завывая от ярости, но все, что они слышали, — это топот копыт скакунов Оливера и Лютиена.

21. НЕЖЕЛАТЕЛЬНОЕ ВНИМАНИЕ

Лютиен беспечно вошел в «Гнэльф», переждав некоторое время после того, как туда же отправился Оливер. Хафлинг строго-настрого велел товарищу действовать именно так. Спустя неделю после удачного побега с шахт Оливер все еще продолжал соблюдать осторожность и старался, чтобы их с Лютиеном пореже видели вместе. Лютиен не находил в этом большого смысла. В их районе Монфора было достаточно воров-хафлингов, чтобы запутать следы. Если преторианская гвардия разыскивала человека и не отходящего от него хафлинга, друзья с легкостью могли затеряться среди десятка подобных пар.

Однако Лютиен не спорил, предпочитая лишний раз подстраховаться.

«Гнэльф» был битком набит, как это случалось каждый вечер на этой неделе. Эльфы и гномы, хафлинги и люди сидели за каждым столиком — кроме одного. Вокруг него разместились группа преторианских стражников, увешанных оружием, с мрачными и свирепыми лицами.

Лютиен пробрался через толпу и с радостью обнаружил пустой табурет у стойки трактира рядом с Оливером.

— Оливер! — воскликнул он, изображая преувеличенный восторг. — Как я рад тебя видеть! Сколько мы уже не встречались? Месяц?

Хафлинг скептически взглянул на жизнерадостного молодого человека.

— Вы оба были здесь позапрошлым вечером, — сухо заметил Тасман, проходя мимо.

— Н-да, — слабо улыбнулся и пожал плечами Лютиен. Он оглядел толпу. — Сегодня опять куча народа.

— Они стремятся сюда посплетничать, — ответил трактирщик, придвигая Лютиену кружку эля через стойку, и повернулся к другому посетителю.

Юноша поднял кружку и сделал хороший глоток, прежде чем заметил молчание Оливера. У хафлинга было такое лицо, что сразу становилось ясно, как глубоко он погружен в свои мысли.

— Посплетничать, — начал Лютиен. Он собрался спросить, о чем говорят клиенты, но даже по обрывкам бесед, пробираясь внутрь, юноша успел уловить общий смысл и теперь знал ответ. Они говорили об Алой Тени. Один неряшливого вида тип, пьяно шаркая мимо стола циклопов, даже пробормотал: «Тень жива!» — и щелкнул пальцами у них под носом. Один из циклопов немедленно вскочил, чтобы придушить наглеца, но его напарник схватил его за руку и усадил на место.

— Наверняка будет драка, сказал Лютиен.

— И не первая на этой неделе, — мрачно отозвался Оливер.

Они оставались в «Гнэльфе» больше часа — Лютиен прислушивался к возбужденным разговорам, Оливер обдумывал ситуацию, так и не допив единственной кружки эля. Общая неудовлетворенность жизнью слышалась в речах всех посетителей трактира, и Лютиену внезапно показалось, что легенда, которой он стал, дала беднякам Монфора каплю надежды, что-то, вдохновляющее их поруганную гордость.

Легкой походкой он по сигналу Оливера вышел вслед за хафлингом из «Гнэльфа».

— Возможно, нам стоило еще посидеть там, — предположил Лютиен, когда они вдохнули свежего ночного воздуха, — там может произойти драка с циклопами, а эти скоты лучше вооружены, чем прочие посетители «Гнэльфа».

— Значит, посетители получают хороший урок и перестанут делать глупости, — резко ответил Оливер. Лютиен остановился и посмотрел на хафлинга, но тот продолжал идти. Молодой человек не знал, что именно беспокоит Оливера, но связь между возросшей тревогой хафлинга и назойливым вниманием к дружной паре, безусловно, существовала.

Оливер был на самом деле обеспокоен, он опасался, что вся история с воскресшей Алой Тенью быстро выходит из-под контроля. Хафлинга не волновало то, что население начало резко высказываться против тирании Моркнея и его разжиревших купцов, — отважный грабитель считал, что негодяи этого заслуживали. Но Оливера терзал страх, знакомый каждому вору, — они с Лютиеном привлекли слишком много нежелательного внимания со стороны могущественных врагов. Хафлинг всегда старался находиться в центре внимания, но в разумных пределах.

Лютиен быстро догнал его.

— Ты планируешь вылазку в верхний район сегодня ночью? — спросил молодой человек, и по его тону было понятно, что он надеется на отрицательный ответ.

Хафлинг посмотрел на юношу и приподнял бровь, словно высмеивая сам вопрос. Они еще не ограбили ни одной квартиры после освобождения Шаглина, и Оливер объяснил, что им лучше не соваться в верхнюю часть города как минимум месяц. Однако он понимал,

почему Лютиен спрашивает об этом.

— У тебя есть свои планы? — не столько спросил, сколько подтвердил собственные предположения хафлинг. Оливер легко мог угадать ответ. Лютиен собирался на свидание с Сиобой.

— Я встречу с Каттерами, — ответил Лютиен. — Хочу узнать, как поживают Шаглин и его товарищ.

— С ними все в порядке, — ответил Оливер. — Эльфам и гномам нетрудно поладить, так как и тех, и других преследуют люди.

— Я просто хочу убедиться, — заметил Лютиен.

— Конечно, — откликнулся Оливер с едкой улыбкой. — Но, может быть, сегодня тебе следовало бы пойти домой. На улице хорошо, а драка в «Гнэльфе» начнется еще до захода луны.

Разочарованный вид Лютиена чуть не заставил Оливера расхохотаться. Хафлинг вовсе не собирался удерживать юношу от свидания, он просто хотел немного подразнить приятеля. К тому же Оливер считал, что любовь никому не должна доставаться легко, — запретный плод слаще.

— Очень хорошо, — произнес хафлинг после длинной напряженной паузы. — Но постарайся вернуться не слишком поздно!

Лютиен бегом бросился в другую сторону, и Оливер наконец-то вслух хихикнул. Он улыбался всю дорогу до дома, его романтическая натура опять взяла верх над всеми тревогами.

* * *

В личных покоях герцога Моркнея допоздна горели многочисленные свечи. Группа купцов опять потребовала аудиенции, и герцог, слишком занятый делами, связанными с окончанием торгового сезона, не нашел времени принять их раньше.

Моркней легко мог угадать причину встречи — весь Монфор говорил только о побеге с шахты. Правитель не был сильно обеспокоен этими новостями — в конце концов, не первый узник сбежал и, вероятно, не последний. Но купцы, стоявшие перед роскошным столом герцога, судя по мрачным и обеспокоенным лицам, изрядно встревожились.

Герцог откинулся на спинку кресла и внимательно слушал вопли и жалобы купцов. Все они неизменно возвращались к таинственной Алой Тени.

— Они разрисовали алыми пятнами всю мою лавку! — пыхтел один из купцов.

— И мою! — одновременно откликнулись двое других.

— И почти на каждой улице Монфора на стенах написано: «Тень жива!» — добавил третий.

Моркней понимающе кивнул, он тоже видел наглые надписи. Кроме того, герцог понимал, что на стенах пишет отнюдь не Алая Тень. Скорее, появление таинственной фигуры послужило толчком для черни. У Моркнея вполне хватало ума понять, что подобные выходки представляли гораздо большую опасность, чем ограбления лавок.

Он вежливо выслушивал несвязные рассказы купцов еще час, хотя они уже начали повторяться. Герцог, разумеется, пообещал дать делу серьезный ход, но втайне Моркней надеялся, что эти беспорядки закончатся сами собой.

Король Гринспэрроу опять был недоволен размером налогов Монфора, и, по словам всех местных предпринимателей, зима ожидалась холодной.

И потому герцог почувствовал большое облегчение, когда капитан преторианской гвардии на следующий день прервал его завтрак сообщением, что обоз, отправленный в Эйвон, подвергся нападению. Именно к нему присоединили четырех человек, которые были осуждены в тот же день, что и гном Шаглин.

Капитан гвардии продемонстрировал потрепанную красную накидку, которая во многих местах несла на себе следы засохшей крови.

— Мы угробили этого хмыря, — заявил циклоп, — больше никаких Алых Теней не существует. И хафлинга угробили, про которого говорили, что он вечно находится в тени Тени. И еще семерых, — он поднял шесть пальцев, — которые были с ними.

— А обоз?

— Бодро движется вперед, — самодовольно ответил циклоп. — Я потерял четверых, но зато у нас теперь на два пленника больше, а Алая Тень и хафлинг мертвы, и их тащат на веревках позади.

Моркней взял порванную накидку и пообещал капитану, что он и его отряд будут должным образом вознаграждены. Затем герцог отпустил циклопа и неожиданно ощутил, что завтрак вкуснее, чем казался поначалу.

Однако позднее, по внезапному неприятному предчувствию, Моркней забрал трепаную накидку в свой личный кабинет. Он поискал в библиотеке особый том, затем порылся в ящиках стола в поисках нужных компонентов для колдовства. Алая Тень оставляла ни на что не похожие следы во время воровских экспедиций, силуэты волшебным образом возникали на стенах и витринах, и Моркней считал, что причиной этого была накидка.

Герцог разбросал экзотические травы и порошки на потрепанной ткани и прочел по книге заклинание. Компоненты мрачно засветились серебристо-синим, затем потемнели.

Моркней подождал еще минуту, затем еще. Ничего не происходило. Запятнанная кровью накидка оказалась самой обыкновенной.

Как и расписанные стены по всему городу, так и эта попытка нападения не была работой настоящей Алой Тени, а скорее неуклюжей выходкой какого-нибудь искателя славы.

Герцог Моркней уселся в большое кресло и поднес трясущуюся старческую руку к подбородку. Алая Тень быстро становилась реальной проблемой.

В тот вечер в «Гнэльфе» царило подавленное настроение. Всем моментально стало известно о том, что хафлинг по имени Коротышка Корсетбастер и вор по имени Грязный Абнер были убиты на дороге к востоку от Монфора. Алая Тень погибла, как говорили слухи, — и эти слухи Оливер де Берроуз не без удовольствия принял к сведению, когда вошел в таверну, чтобы встретиться там с Лютиеном после захода солнца.

— Да, говорят, Алой Тени больше нет, — сказал Тасман, наполняя их кружки.

Лютиену показалось, что выражение лица трактирщика не соответствует мрачному смыслу его слов. Юноша также попытался вспомнить, сколько времени прошло с тех пор, как Тасман спрашивал плату с него или Оливера. Или бесплатная выпивка предлагалась всем, кто снимал у трактирщика жилье?

Тасман отошел, чтобы обслужить другого посетителя, но позволил своему взгляду — понимающему взгляду, как показалось Лютиену, — задержаться на молодом человеке и хафлинге, сидящим рядом.

— Жаль Коротышку, — заметил Оливер. — Замечательный был хафлинг с замечательным толстым животом.

Однако, как и у Тасмана, чувства Оливера, по мнению Лютиена, не совпадали с его словами.

— Тебя это вовсе не волнует, — обвинил его молодой человек. — Несколько человек и твой замечательный хафлинг убиты.

— Воров каждый день убивают на улицах Монфора, — заметил Оливер и посмотрел прямо в карие глаза Лютиена. — Мы должны извлечь из этого выгоду.

— Выгоду? — Лютиен чуть не подавился этим словом.

— Наших денег не хватит на всю зиму, — объяснил Оливер. — А мне не нравится перспектива остаться на большой дороге и ежиться под снегом.

Лютиен обдумал его слова. Он с мрачным выражением склонился над своей кружкой эля. От всего этого во рту у него появился кислый привкус.

— Эх, если бы ты мог заставить свою замечательную накидку не оставлять следов, — добавил Оливер.

Лютиен угрюмо кивнул. «В этой недостойной жизни за все нужно платить, — думал он. — Платить своей совестью и сердцем». Люди погибали, олицетворяя собой Алую Тень и во имя ее, и теперь они с Оливером используют этот печальный факт себе во благо. Лютиен осушил свою кружку и сделал Тасману знак налить еще.

Оливер дернул его за руку и кивнул на дверь «Гнэльфа», затем прошептал, что разумнее будет смотреться отсюда.

Группа преторианских стражников вошла в таверну с самодовольными улыбками на безобразных лицах.

Вскоре после того, как Лютиен и Оливер вернулись домой, в «Гнэльфе» началось побоище. Трое людей и два циклона были убиты, многие ранены, а преторианских стражников оттеснили в верхний квартал города.

Герцог Моркней этой ночью опять бодрствовал. Полночь являлась лучшим временем для того, что он задумал. Именно тогда волшебные энергии находятся в наивысшей точке.

В своем личном кабинете герцог подошел к стене, сдвинул вбок большой гобелен, открывая огромное зеркало в золотой раме. Он сел в кресло прямо перед зеркалом, прочитал страницу из магической книги и бросил горсть хрустальной пыли в зеркало. Почти немедленно отражения в нем исчезли, взамен появилось клубящееся серое облако.

Моркней продолжал творить заклинания, посылая свои мысли — мысли об Алой Тени — в зеркало. Серое облако завихрилось и начало принимать форму, а Моркней наклонился вперед, думая, что скоро он сумеет опознать опасного вора.

Внезапно красная завеса пошла по всему зеркалу, скрывая все в его заколдованных глубинах.

Глаза Моркнея расширились от изумления. Он снова начал произносить заклинание, это заняло около часа, снова он осыпал зеркало ценным хрустальным порошком, но пробиться сквозь завесу не смог.

Герцог вернулся к своему столу, заваленному книгами и пергаменами, которые он сосредоточенно изучал весь день. Моркней нашел несколько ссылок на легендарную Алую Тень, вора, который досаждал гасконцам в дни их владычества. Но эти письменные свидетельства были так же туманны, как следы, оставляемые человеком, который носил эту накидку сейчас. Только одна ссылка упоминала о магическом свойстве алой накидки прятать ее владельца от любопытных глаз. Моркней снова оглянулся на красное зеркало. Очевидно, накидка могла спрятать своего обладателя и от магического взора.

Однако герцог не казался слишком разочарованным. Он многое узнал этой ночью, получив подтверждение тому, что воры на дороге были самозванцами, а настоящая Алая Тень по-прежнему жива. И мудрый Моркней не слишком огорчился из-за того, что накидка помешала ему увидеть желаемое. Он не смог увидеть Алую Тень в своем зеркале, но, возможно, он смог определить кое-кого еще, смог найти некую брешь в маскировке этого ловкого вора.

22. ПРИМАНКА

Пару дней спустя Оливер вошел в «Гнэльф» один. Как обычно, народу было полно и как обычно большинство разговоров касалось непрекращавшихся проделок Алой Тени.

Группа гномов за столом неподалеку от стойки, возле которой расположился Оливер, шепталась о том, что Алая Тень был убит при попытке освободить четырех узников. Мускулистые бородатые гномы подняли стаканы в память о храбрце.

— Он вовсе не убит! — яростно протестовал человек за соседним столом. — Он выходил на дело прошлой ночью, говорю вам! Прикончил одного купца! — Говорящий повернулся к своим соседям по столику, те закивали в знак согласия.

— Проткнул этого хмыря прямо вот здесь, — добавил один из них, тыча себе пальцем в грудь.

Оливера не удивили эти споры и заявления, он уже был свидетелем таких случаев у

себя в Гаскони. Вор становился легендой, и затем легенда хранилась и увековечивалась его подражателями. И это было не просто лестно. Часто обычные воры могли с легкостью выполнить работу, поскольку их жертвы были напуганы рассказами об известном разбойнике. Оливер вздохнул при мысли, что кто-то погиб, изображая Алую Тень. Кроме того, не исключено, что, если его и Лютиена схватят, их обвинят в убийстве купца, произошедшем этой ночью.

Но, с другой стороны, все это было и к лучшему. Подражатели собьют со следа тех, кто ищет Оливера и Лютиена. Если эти жадные купчики поверят, что Алой Тени больше нет, они, скорее всего, ослабят охрану.

Довольный хафлинг перестал прислушиваться к разговорам и огляделся в поисках подходящей дамы. Однако выбор был весьма небогатый, и Оливер вернулся к своей кружке эля. Затем он увидел Тасмана, стоявшего за стойкой на некотором расстоянии, — тот вытирал стаканы и мрачно на него поглядывал. Когда Оливер поймал его взгляд, трактирщик подошел и встал перед ним.

— Ты пришел один» — заметил Тасман.

— Юный Лютиен еще не умеет управлять своим сердцем, — ответил Оливер. — Он опять ушел этим вечером на свидание со своей любовью — на крыше под луной. — Хафлинг сочувственно вздохнул, вероятно, одобряя любовников. Оливер действительно был немного романтиком, и он помнил свою молодость в Гаскони, когда в каждом городе, из которого он уезжал, оставалось (по меньшей мере одно) разбитое сердце.

Тасман явно не разделял добродушного настроения хафлинга. Его лицо оставалось угрюмым.

— Ну, тогда он скоро вернется домой, — заявил он.

— О нет, — хитро ответил Оливер, неправильно поняв слова Тасмана. Однако, взглядевшись в мрачное лицо бармена, Оливер начал что-то понимать.

— Что ты имеешь в виду? — резко спросил он.

Тасман перегнулся через стойку бара и зашептал на ухо Оливеру:

— Сиоба, полуэльфийка, — объяснил он. — Ее взяли сегодня, и утром будут судить.

Оливер чуть не упал со своего табурета.

— Девушку обвинили в том, что она способствовала побегу с шахты, — продолжал Тасман. — Ее хозяин-купец сегодня днем отвез бедняжку во дворец Моркнея — очевидно, она даже не знала, что ее собираются арестовать.

Оливер попытался переварить эту информацию и постичь все ее последствия. Сиоба арестована? Почему сейчас? Хафлинг не мог не предположить, что здесь сыграли свою роль её отношения с Алой Тенью. Значит, волшебник-герцог узнал, кто такой Лютиен?

— Некоторые даже говорят, что она и есть Алая Тень, — продолжал Тасман, и Оливер вздрогнул, услышав это, уверенный теперь, что арест Сиобы — не простое совпадение. Они наверняка будут спрашивать ее об этом завтра утром в Соборе.

— Откуда ты это знаешь? — спросил хафлинг, хотя и понимал, что у Тасмана острый слух и он знает многое о жизни ночного «дна» Монфора. Это и было причиной того, что Оливера и Лютиена бесплатно кормили и поили в «Гнэльфе» последние недели. Вот почему мудрого Тасмана, казалось, забавляли рассказы о липовых Алых Тенях.

— Из этого никто не делает секрета, — жестко ответил трактирщик. — Во всех тавернах говорят об аресте полуэльфийки. Даже странно, что ты не услышал об этом раньше.

Заподозренных в воровстве в Монфоре арестовывали почти каждый день; так почему этот арест наделал столько шума?

Хафлинг считал, что знает ответ на этот вопрос. Слово «приманка» звучало у него в мозгу, когда он поспешно выходил из «Гнэльфа».

* * *

Оливер утратил свою «улыбку маленькой девочки», как только он и Лютиен прошли

между преторианскими стражниками, стоявшими у входа в Собор на следующее утро. Хафлинг с отвращением посмотрел на свое платье, удивляясь тому, что его снова понесло в этот Собор. Конечно, Оливер прекрасно понимал еще накануне ночью, когда рассказывал несчастному Лютиену об аресте Сиобы, что он снова окажется здесь.

Однако он вовсе не обязан радоваться этому обстоятельству.

— Мы можем только навредить ей, — объяснял он в сотый раз Лютиену, забрасывая свою волшебную липучку наверх. Лютиен схватился за веревку и почти взбежал по отвесной стене, затем втащил Оливера.

— Моркней мог только подозревать, что она что-то знает об Алой Тени, — продолжал Оливер, когда они достигли потайного прохода. — Но если нас сегодня здесь поймают, это тяжело отразится на той, кого ты любишь.

Не говоря уж о том, как это отразится на них обоих! Он предпочел промолчать об этом. Взволнованный хафлинг откинул с лица длинные черные волосы парика и сердито одернул платье, которое перекрутилось и задралось, пока он поднимался по стене.

— Я должен знать, — ответил Лютиен.

— А я видывал много ловушек с аналогичной приманкой и раньше, — заметил Оливер.

— И ты бросал свою любовь на произвол судьбы? — спросил Лютиен.

Оливер не ответил. Вопрос больно задел его, потому что однажды он действительно бросил восемнадцатилетнюю девушку из хафлингов. Оливер был очень молод, жил в деревне, и его карьера вора только начиналась. Местный землевладелец (единственный в деревне, у которого было что воровать) не мог поймать Оливера, но он узнал о его романе. Девушку схватили, а он убежал, оправдывая свои действия тем, что так будет лучше и для его возлюбленной.

Он так никогда и не узнал, что случилось с ней, и много раз впоследствии задавался вопросом, не была ли его «тактическая эвакуация» произведена из чистой трусости.

Поэтому сейчас он молча пошел за Лютиеном вверх, так же, как они это сделали во время своей первой вылазки в Собор. Оливер заметил, что сегодня циклопов было больше, чем в прошлый раз, и гораздо больше сельских жителей. Моркней явно планировал представление, и поэтому злобному герцогу требовалась публика.

Оливер схватил Лютиена за плечо и велел надеть алую накидку — сам хафлинг накинул пурпурный плащ поверх платья и насадил на голову изрядно помятую шляпу, — затем они выбрались на выступ, находящийся на высоте пятидесяти футов над обрамленным горгульями трифорием.

Они тихо и без помех добрались до угла южного трансепта, где Лютиен спрятался за горгульей. Оливер притаился за его спиной.

На первый взгляд судилище выглядело так же, как в первый раз, когда друзья рискнули проникнуть в величественное здание. Герцог Моркней в красном одеянии сидел в кресле позади огромного алтаря в восточном конце Собора со скучающим видом, пока его прислужники подсчитывали жалкую дань.

Лютиен наблюдал за этим не более секунды, затем сконцентрировал свое внимание на передних скамьях Собора. Там были усажены люди в серых одеждах узников — их охранял отряд циклопов. Только один из них был гномом, и Лютиен вздохнул с облегчением, увидев, что это не Шаглин. Рядом с ним сидело трое мужчин. Но еще три стройные фигурки принадлежали либо юношам, либо женщинам.

— Где ты? — прошептал юный Бедвир, продолжая внимательно рассматривать узников. И тогда одна из фигур на скамье шевельнулась, и Лютиен заметил прядь длинных пшеничных волос, выскользнувшую из-под капюшона. Инстинктивно молодой человек шагнул вперед, как будто собрался прыгнуть с уступа.

Оливер крепко вцепился в руку друга и даже не дрогнул, когда молодой человек яростно повернулся к нему. Лицо хафлинга напомнило Лютиену, что они вряд ли могут что-нибудь сделать.

— Все так же, как было с гномом, — прошептал Оливер. — Я не знаю, для чего мы

здесь.

— Я должен знать, — запротестовал Лютиен.

Оливер вздохнул. Что делать, он прекрасно понимал чувства юноши.

Сбор налогов продолжался еще полчаса, все, казалось, шло как обычно. И все же Оливер не мог избавиться от назойливого ощущения, что это был не обычный день в Соборе. Сиобу схватили с определенной целью, и слухи о ее аресте, как полагал хафлинг, тоже распространялись намеренно. И если Шаглин был арестован в качестве угрозы Алой Тени, то Сиобу арестовали, желая заманить Алую Тень в ловушку.

Оливер возмущенно взглянул на Лютиена и подумал, что молодой человек очень похож на пойманную сетью форель.

Человек, выкликавший должников с кафедры, собрал свои пергаменты и отошел в сторону, а другой занял его место, сделав знак преторианским стражникам приготовить заключенных. Семерых одетых в серое обвиняемых заставили встать и стали выкликать по именам.

Пожилого человека как минимум пятидесяти лет грубо выволокли из-за скамьи и толчком поставили перед алтарем. Он несколько раз спотыкался и упал бы головой вперед, но циклопы по бокам схватили несчастного и заставили стоять прямо.

Обвинение было вполне типичным: кража плаща из лавки. Был вызван пострадавший купец.

— Дело дрянь, — заметил Оливер. — Этот богатый человек, вероятно, друг герцога. Бедняга обречен.

Губы Лютиена сжались.

— А что, здесь когда-либо кого-то оправдывали? — угрюмо спросил он.

Ответ Оливера отнюдь не был неожиданным, но от этого он не стал менее болезненным.

— Нет.

Как и следовало ожидать, пожилой человек был объявлен виновным. Все его имущество, включая скромный домик в нижней части Монфора, отходило купцу; купцу также было дано право самолично отрубить левую руку осужденного, с тем чтобы выставить ее на видное место в своей лавке для устрашения будущих воров.

Пожилой человек слабо запротестовал, но циклопы уволокли его.

Следующим вышел гном, но Лютиен больше не пожелал смотреть на происходящее.

— Где Каттеры? — прошептал он. — Почему их здесь нет?

— Может быть, и есть, — откликнулся Оливер, и лицо молодого человека слегка просветлело.

— Однако они могут только смотреть, как и мы, — добавил хафлинг, поймав взгляд Лютиена. — Когда воров ловят, они остаются одни. Это то правило, которое люди улиц не могут нарушить.

Лютиен отвернулся от хафлинга и снова стал смотреть вниз, в сторону алтаря, где гном был объявлен виновным и приговорен к двум годам каторжной работы в шахте. Лютиен понимал практичность того, что только что объяснил Оливер. Если бы герцог Моркней ожидал, что воровская шайка попытается прийти сюда и спасти одного из своих пойманных сотоварищей, то его работа по поимке всех монфорских воров была бы весьма несложной.

Лютиен кивнул в знак согласия с его логикой — но если это действительно так, для чего он торчит здесь, в потайном коридоре Собора?

Сиобу вызвали последней — и Оливер не сомневался, что это не совпадение. Девушка встала со скамьи, и хотя ее руки были связаны, она гордо оттолкнула вцепившихся в нее циклопов, когда они потащили ее к аналою.

— Сиоба, рабыня, — громко провозгласил человек, оглядываясь на герцога. Моркней по-прежнему сохранял скучающий вид.

— Она находилась среди тех, кто совершил налет на шахту, — объявил человек.

— По чьим словам? — резко спросила полуэльфийка. Циклоп сзади сильно ткнул ее

древком копья, и Сиоба, сузив зеленые глаза, яростно взглянула на него через плечо.

— Такая храбрая, — прошептал Оливер, и в тоне его явственно слышалось сожаление. Теперь он крепко держался за Лютиенову алую накидку, наполовину ожидая, что дрожащий от ярости молодой человек прыгнет вниз с уступа.

— Заключенные говорят только тогда, когда им приказывают! — прорычал человек на возвышении.

— Какой смысл говорить в этом вместилище зла? — ответила Сиоба, и заработала еще один грубый толчок.

Лютиен испустил низкое утробное рычание, и Оливер мрачно покачал головой, более чем когда-либо ощущая, что им не стоило бы находиться в этом опасном месте.

— Она участвовала в набеге на шахту! — яростно закричал человек, оглядываясь на герцога. — И она — друг Алой...

Моркней сделал движение вперед в своем кресле, его поднятая рука немедленно заставила замолчать слишком шустрого холуя. Оливер не пропустил столь важного момента — герцог Моркней явно не хотел, чтобы это имя называли вслух.

Моркней взглянул на Сиобу. Его налитые кровью глаза словно светились каким-то внутренним магическим светом.

— Где гномы? — спокойно спросил он.

— Какие гномы? — удивилась Сиоба.

— Те двое, которых ты и твои... сообщники увезли из шахты, — объяснил Моркней, и сделанная им пауза опять убедила Оливера, что весь арест и суд были затеяны специально для них с Лютиеном.

Сиоба хмыкнула и покачала головой:

— Я — служанка, — спокойно сказала она, — и ничего больше.

— Кто хозяин этой рабыни? — спросил Моркней. Хозяин Сиобы встал с одной из передних скамей и поднял руку.

— Вы не виноваты, — объяснил герцог. — И потому вам возместят убытки. — Человек облегченно вздохнул, кивнул и снова сел.

— О, только не это, — тихо простонал Оливер. Лютиен переводил взгляд с купца на герцога и с герцога на девушку, ничего не понимая.

— А ты, — прорычал Моркней, вставая с кресла в первый раз за те два часа, что Оливер и Лютиен пробыли в Соборе. — Ты — виновна. — Моркней произнес это бесстрастно и уселся обратно, злобно усмехаясь. — Следующие пять дней наслаждайся пребыванием в моих темницах.

— Пять дней? — про себя повторил Лютиен. Неужели это весь приговор? Он опять услышал стон Оливера и понял, что Моркней еще не закончил.

— Потому что они будут твоими последними днями! — объявил злобный герцог. — Затем тебя повесят — на площади, носящей мое имя!

Толпа заволновалась, из нее даже послышался чей-то сочувственный возглас, и циклопы крепче ухватились за оружие, глядя по сторонам в ожидании беспорядков. Приговор был неожиданным. В правление Моркнея смертный приговор выносили исключительно за убийство человека, да и в этом случае, если убитый не был особо заметной личностью, приговор ограничивался пожизненным рабством.

Опять слово «приманка» застучало в мозгу Оливера. Он стал думать обо всех испытаниях, которые предстоят им обоим, потому что Лютиен, разумеется, никогда не позволит свершиться такой несправедливости. Юноша непременно попытается спасти Сиобу. Хафлинг понимал, что следующие пять дней он будет занят, устанавливая связь с Каттерами и со всеми, кто мог бы помочь им.

Однако отвлекшийся хафлинг быстро передумал, когда увидел, что Лютиен выпрямился на уступе, держа лук наготове.

С криком ярости юный Бедвир выстрелил, его стрела понеслась к креслу герцога Моркнея. Блеснула серебристая вспышка, и вот уже вместо одной воздух пересекали пять

стрел. Еще одна вспышка, и каждая из пяти стрел превратилась еще в пять. Третья вспышка — и двадцать пять стрел стали ста двадцатью пятью.

И все они летели к герцогу — Лютиен и Оливер с недоверием уставились вниз.

Но град стрел оказался нематериальным — все они оказались не чем иным, как тенями первой. Пройдя сквозь герцога и не причинив тому ни малейшего вреда, стрелы растаяли в воздухе. Моркней злобно усмехнулся и указал стражникам на Лютиена, стоявшего на краю выступа.

Лютиен почувствовал себя опрометчивым дураком, и эта мысль только укрепилась, когда он услышал за собой спокойный голос Оливера.

— Я не думаю, что это была хорошая идея.

23. СКАЖИ ИМ!

Лютиен попятился и чуть не упал с уступа, когда каменная горгулья ожила. Он взмахнул луком, ломая его о твердую голову статуи, и стал звать Оливера, но скоро увидел, что хафлинг, уже со своей огромной шляпой на голове, тоже оказался в трудном положении, так как зловещие статуи ожили по всему Собору, повинувшись зову своего хозяина-волшебника.

— Почему мне всегда приходится сражаться на каком-нибудь карнизе? — жалобно спросил хафлинг, подныривая под когтистую лапу и делая выпад вперед, — тут же он печально вздохнул, потому что его гибкая рапира только согнулась, не в состоянии проколоть твердую кожу горгульи.

К этому времени все собравшиеся в Соборе узнали о причине шума в трифории. Циклопы выкрикивали команды, человек на кафедре вопил: «Смерть преступникам!», а затем совершил серьезную ошибку, закричав:

— Смерть Алой Тени!

— Алая Тень! — закричали в разных концах зала. Люди вскакивали со своих мест, взволнованно показывая в сторону Лютиена. Момент оказался очень удачным для юного Бедвира, потому что ему удалось обрушить сокрушительный удар на горгулью, его меч скользнул по шее твари и глубоко врезался в твердое крыло. Лютиен мощно рванулся вперед, и горгулья свалилась с уступа. Она яростно махала крыльями, но из-за раны крыло не могло удержать ее в воздухе, и тварь по спирали рухнула на пол.

— Алая Тень! — завопило еще больше людей, а другие завизжали от ужаса, увидев ожившую горгулью.

Преследуемый двумя крылатыми монстрами, Оливер пронесся за спиной Лютиена к уступу на углу, где трифорий переходил в южный трансепт. Хафлинг торопливо нашарил и вытащил липучку и веревку, с тревогой прислушиваясь к нарастающему внизу шуму.

Меч Лютиена высекал искры, со звоном врезаясь в морду одной из горгулий. Юный Бедвир яростно сражался, стараясь сдержать натиск могучих тварей. Он понимал, что они с Оливером попали в очень трудное положение, потому что новые монстры показались в трифории с другой стороны, а еще несколько поднялись в воздух и медленно летели через открытое пространство трансепта.

Циклопы внизу быстро организовались, пытаясь сдержать толпу, в которой нарастала паника, — множество людей, подхватив на руки детей, с визгом бросились к западным дверям. Один циклоп потянулся к Сиобе, но моментально получил пинок в пах. Другому, находившемуся сбоку от нее, повезло еще меньше — стрела, выпущенная из задних рядов толпы, воткнулась ему между ребер.

Люди показывали на трифорий и призывали на помощь таинственного вора в алой накидке.

Оливер, освободив к этому моменту липучку и веревку, не преминул внести свою лепту в происходящее.

— Да! — закричал он как можно громче. — Алая Тень с нами! Ваш час свободы

пришел, храбрые жители Монфора!

— За Эриадор! — крикнул Лютиен, быстро поняв план хафлинга. — За Брюса Макдональда! — И тихо, с тревогой добавил: — Скорее, Оливер! — потому что горгульи двинулись вперед.

— К оружию, храбрые граждане Монфора! — крикнул хафлинг, раскрутил липучку и метнул ее в край свода. — Свобода в ваших руках! К оружию! Настало время героев! Храбрецы Монфора, к оружию!

Лютиен застонал, когда тяжелая лапа горгульи ударила его по плечу. Он полетел вперед, споткнулся и чуть не упал на Оливера. Обхватив хафлинга одной рукой, юный Бедвир схватился другой рукой за веревку и прыгнул.

Вид Лютиена и Оливера, когда они устремились к алтарю и герцогу-тирану, вытеснил панику и наполнил мужеством сердца поработанных жителей Монфора. Торговец, бережно прижимавший к себе мешок монет, который он собирался отдать в уплату налогов, им же и нанес первый удар ближайшему преторианскому стражнику и сбил его с ног. Толпа бросилась вперед, какой-то человек схватил оружие поверженного циклопа.

Около стены еще одного циклопа свалила с ног разъяренная толпа.

А сзади друзья Сиобы, Каттеры, вытащили свое спрятанное оружие и врезались в строй идущих в атаку циклопов.

Обвинитель эльфийки ринулся с возвышения, сжимая в руках кинжал. Он явно намеревался ударить им девушку, но наперерез ему бросился какой-то гном. Чиновник метнулся в северный трансепт, визгливо созывая стражников.

Сиоба и гном быстро огляделись, увидели своего тюремщика, который попытался спрятаться под одну из передних скамей, и бросились к нему в поисках ключей от кандалов.

Оливер и Лютиен пролетели уже больше полдороги к полу и апсиде, когда их встретила горгулья. Юноша отпустил товарища и освободил руку для меча, яростно им размахивая, в то время как веревка стала описывать круги в воздухе.

Оливер видел, что все больше горгулий устремлялось к ним. По мнению хафлинга, еще хуже было то, что они висели в воздухе, оставаясь открытой мишенью для разъяренного герцога-чародея. Оливер посмотрел вниз и тяжело вздохнул, а затем три раза быстро дернул за веревку.

Горгулья вцепилась в Лютиена, и все трое рухнули с высоты пятнадцати футов на пол. Падая, хафлинг ухитрился настолько сохранить присутствие духа, что сумел вскарабкаться на горгулью и приставить кончик своего кинжала к голове твари. Удар при падении оказался настолько сильным, что оружие вошло в голову ожившего монстра.

Лютиен первым вскочил на ноги, размахивая мечом, чтобы сдержать ближайших циклопов. Сосредоточившись на нем, те не отреагировали на приближавшуюся группу мужчин, но горгульи слетели вниз, почуяв добычу. Одного мужчину подняли в воздух, голова его была зажата в лапах горгульи, а от его собственных рук было мало пользы в борьбе с толстокожей тварью.

Во всем нефе кипел бунт, люди сражались любым оружием, которое смогли найти, и крики «Алая Тень!» раздавались снова и снова.

* * *

Герцог Моркней в ярости сжал костлявые кулаки, когда вызвавшие всю эту сумятицу Лютиен и Оливер упали в толпу, и прекратил творить заклинание, которое должно было поразить эту пару огнем. Оглянувшись, он осознал, что сосредоточиться только на этих двоих было бы не слишком умно; люди в Соборе сильно превосходили численностью циклопов, и, к удивлению герцога, многие ухитрились принести с собой оружие. Горгульи Моркнея отличались немалой силой, но не ловкостью, к тому же их было слишком мало.

Еще одна стрела полетела в сторону герцога, но тоже ударилась о магический барьер, распалась на множество стрел и растаяла, превратившись в бесплотную тень.

Моркнея бунт раздосадовал, но не беспокоил. Он знал, что рано или поздно это должно произойти, и хорошо подготовился. Собор стоял сотни лет, и в течение всего этого времени сотни людей, в основном те, кто помогал строить его или пожертвовал большие суммы на нужды церкви, погребались под каменным полом или в его толстых стенах.

Теперь мысли герцога Моркнея скользнули в обитель духов, достигли этих захороненных тел и вызвали их в мир живых. Стены и пол Собора содрогнулись. Каменные глыбы накренились, и руки, некоторые в лохмотьях, со сгнившей кожей, и другие, чья плоть окончательно истлела, вылезли на поверхность.

* * *

— Что это за кашу мы заварили? — спросил Лютиен, когда они с Оливером получили секундную передышку.

— Не знаю! — честно признался хафлинг. Затем оба в ужасе отпрянули назад, так как кошмарная голова с морщинистой плотью и глазами, утонувшими в пустых глазницах, вылезла из трещины в полу и уставилась на них.

Меч Лютиена разрубил оживший череп пополам.

— Есть только один способ! — крикнул Оливер, глядя на апсиду. — Все они сотворены Моркнеем!

Лютиен бросился вперед, обгоняя хафлинга. Два циклопа метнулись наперерез. Меч юного Бедвира пошел вперед, вверх и в сторону, выбив оружие из рук одного из циклопов. Лютиен двинулся на противника, его кулак ударил циклопа в лицо и свалил того на бок.

Затем, чисто инстинктивно, Лютиен резко наклонился, едва избежав сильного удара мечом со стороны второго циклопа. Он повернулся и ударил сам, вспоров врагу брюхо.

Оливер догнал его, перекатившись через голову и ухитрившись при этом метнуть кинжал. Тот несколько раз перевернулся в воздухе и вонзился в живот следующего преторианского стражника, пытавшегося перехватить их. Циклоп зашатался и взвыл, но его крик быстро перешел в бульканье, когда рапира Оливера пробила ему дыхательное горло.

Лютиен пролетел мимо Оливера, отбросив в сторону умирающего циклопа. На его пути стоял следующий одноглазый, который, защищаясь, поднял тяжелый меч.

Лютиен был гораздо проворнее циклопа. Он горизонтально рубанул мечом, отклонив оружие противника влево, затем, продолжая поворачиваться, совершил полный оборот и с размаху ударил одноглазого ногой по ребрам. Циклон с размаху упал на бок. Он был оглушен, но не сильно ранен. Однако стражник предпочел не связываться с Лютиеном и Оливером, а поискать добычу полегче.

Друзья прорвались уже к краю апсиды; между ними и герцогом Моркнеем больше никого не было. Герцог поднялся на ноги и спокойно наблюдал за происходящим.

Оливер нырнул под алтарь, Лютиен обогнул его слева. Внезапно герцог протянул вперед руку и швырнул горсть маленьких шариков.

Бусинки ударились об пол вокруг алтаря и взорвались, окутав друзей потоком искр и облаком густого дыма. Оливер вскрикнул, когда искры обожгли его и прилипли к одежде, но он сохранил присутствие духа настолько, чтобы метнуться под накидку Лютиена. Друзья, кашляя и задыхаясь, обнаружили, что герцог Моркней исчез.

Оливер, всегда бывший начеку, уловил легкое движение и указал на гобелен, висевший на стене. Лютиен помчался туда и отдернул его в сторону. Юноша обнаружил деревянную дверь, а за ней — узкую каменную лестницу внутри стены самой высокой башни Собора.

* * *

Сиоба и восемь Каттеров разделились и бросились в разные части Собора, пытаясь успокоить обезумевшую толпу и привести в какое-то подобие порядка взбунтовавшихся горожан. Один из Каттеров бросил девушке свой лук и колчан со стрелами, затем выхватил

меч и ринулся к двум циклопам. Однако на его пути уже остался только один, потому что Сиоба не преминула тут же использовать стрелу по назначению.

Дела у циклопов шли неважно, но их союзники горгульи и ожившие мертвецы вселяли ужас в сердца тех, кто пытался противостоять им.

Одна женщина, используя свою клюку как дубинку, сшибла со скелета голову, и ее глаза расширились от ужаса, когда отвратительное создание продолжало идти на нее. Она, безусловно, была бы убита, но один из гномов-узников, освободившись от своих кандалов, бросился на безглавую тварь, свалил на пол и принялся топтать, разбрасывая кости в разные стороны.

Сиоба оглянулась и увидела женщину с тремя детьми, которые пытались спрятаться под скамью, потому что горгулья нависла над ними, размахивая когтистыми лапами. Полуэльфийка пустила стрелу в горгулью, затем еще одну, и когда та повернулась к ней, несколько мужчин подпрыгнули со скамьи, схватили чудовище и свалили его своей тяжестью.

Сиоба поняла, что нет почти никакой разницы, куда бежать: схватка шла по всему нефу. Она бросилась к апсиде, думая найти Лютиена и Оливера и надеясь выстрелить в герцога Моркнея. Девушка пробилась сквозь толпу как раз в тот момент, когда гобелен вновь опустился, скрывая проход, в который проникли ее возлюбленный со своим приятелем-хафлингом.

* * *

Узкая винтовая лестница шла по спирали вокруг башни, и Лютиен с Оливером могли видеть только на два фута перед собой. Они пробежали мимо пары маленьких окон с толстыми каменными подоконниками, на которых стояли небольшие статуи, и Лютиен на всякий случай взмахнул перед собой мечом, ожидая, что те могут ожить и ввязаться в драку.

Поднявшись примерно на семьдесят ступенек, Лютиен резко остановился и повернулся к Оливеру, который был занят сворачиванием веревки от волшебной липучки. Юноша жестом показал, что надо замереть и прислушаться.

Они слышали монотонное заклинание, произносимое не так далеко от них, на той же винтовой лестнице.

Лютиен плашмя упал на камни и попытался свалить Оливера. Прежде чем удивленный хафлинг успел отреагировать, раздалось несколько взрывов, а удар молнии срикошетил от каменных стен. Молния с шипением пронеслась вниз — Лютиен почувствовал ожог на спине — и столь же неожиданно исчезла. Юноша поднял глаза, с ужасом ожидая увидеть почерневшее тело Оливера.

Хафлинг по-прежнему стоял, пытаясь поправить растрепанную шляпу и приладить поломанное оранжевое перо.

— Знаешь, — заметил он беспечно, — иногда невысокий рост не кажется мне таким уж недостатком.

Лютиен вскочил, и они вновь помчались наверх, причем юный Бедвир перепрыгивал через две ступеньки сразу, стремясь добраться до герцога раньше, чем тот успеет устроить еще какую-нибудь пакость.

Юноша не мог не заметить глубокие выемки в каменной стене в тех местах, куда ударила молния, и он горестно подумал, какого черта он здесь делает. Как вообще ситуация могла дойти до этого? Как вообще могло случиться, что он, сын эрла Бедвидрина, теперь преследует волшебника-герцога, карабкаясь вверх по лестнице самой высокой башни самого громадного здания Эриадора?

Юноша покачал головой, выбрасывая из головы вопрос, на который у него все равно не было ответа. Наконец бесконечный подъем все же подошел к концу, и юный Бедвир едва успел пригнуться, когда в голову ему полетел тяжелый топор. Два циклопа, один за другим, загродили лестницу.

Лютиен моментально схватился за меч, но у циклопа имелся крепкий щит. К тому же он стоял на несколько ступенек выше, а следовательно, обладал немалым преимуществом. Еще более опасным казался топор циклопа, который опускался вниз каждый раз, когда Лютиен пытался приблизиться, заставляя его отступить назад по лестнице.

— Пробивайся! — закричал Оливер позади него. — Мы должны добраться до этого колдуна раньше, чем он сумеет приготовить еще один сюрприз.

Лютиен понимал, что это легче сказать, чем сделать, потому что ему не справиться с крепкими и хорошо вооруженными противниками. На ровной земле они с Оливером уже уложили бы двух циклопов, но на лестнице дело выглядело весьма безнадежным.

Он уже даже подумывал повернуть назад и присоединиться к сражению в нефе, где они с Оливером могли принести реальную пользу.

Стрела вылетела из-за поворота лестницы и свистнула над головой Лютиена. Циклоп, который опустил щит вниз, чтобы защититься от ударов меча, получил ее прямо в грудь и качнулся назад.

Одноглазый инстинктивно поднял щит вверх, и тут же Лютиен воспользовался предоставленной возможностью, нанеся удар по коленям противника. Тот рухнул на ступени, а второй циклоп мигом повернулся и бросился бежать. Летящий кинжал Оливера поразил его в спину двумя ступеньками выше.

Лютиен прикончил первого циклопа, а второй с воем развернулся — как раз вовремя, чтобы в его грудь вонзилась вторая стрела.

Друзья поняли, что происходит, когда из-за поворота позади них появилась Сиоба.

— Беги! — подтолкнул Оливер Лютиена, опасаясь, что влюбленный молодой человек остановится и будет целую вечность глядеть нежными глазами на свою возлюбленную. К чести Лютиена, оказалось, что он уже бежит вверх, перепрыгивая через лежащих циклопов.

— Мы должны добраться до этого колдуна...

— Прежде чем он приготовит следующий сюрприз, — закончил за хафлинга Лютиен.

Они уже оставили позади ступенек двести, и ноги Лютиена отказывались служить измотанному хозяину. Юноша на секунду остановился и взглянул на хафлинга.

— Если мы будем ждать, этот типчик приготовит для нас что-нибудь сногшибательное, — сказал Оливер, откидывая с лица густые волосы парика.

Лютиен глубоко вздохнул и снова побежал вверх. Они поднялись еще на сто ступенек, и впереди явственно замерцал свет дня. Друзья вышли на площадку, затем вскарабкались на пять ступенек к самой крыше башни, круглому пространству примерно двадцати пяти футов в диаметре, которое было окружено низкой зубчатой стеной.

В центре круга стоял герцог Моркней, заливаясь хохотом. Голос его изменился, стал более низким, утробным и зловещим. Лютиен прыгнул на площадку, но тут же в ужасе остановился, потому что тело герцога резко покачнулось, начало изгибаться и вытягиваться.

И расти.

Кожа Моркнея стала темнеть и покрываться твердой чешуей на руках и шее. Его голова странно раздулась, появились огромные клыки и раздвоенный дрожащий язык. Вскоре лицо герцога окончательно превратилось в морду гигантского змея, а из верхней части головы выросли загнутые рога. Его красное одеяние к этому моменту уже казалось короткой юбочкой, потому что он стал вдвое выше, а его грудная клетка, такая узкая и костлявая раньше, теперь стала массивной, растянув до предела прежде просторную одежду. Из рукавов торчали длинные и мощные лапы, когтистые пальцы скребли воздух, было видно, как мучительно это превращение для герцога.

Слюна стекала из змеиной пасти, шипя, как кислота, когда она падала на камни между когтистыми лапами монстра. Передернув плечами, чудовище освободилось от красного одеяния, над его спиной развернулись перепончатые крылья, его черная плоть и чешуя дымились жаром Преисподней.

— Моркней, — прошептал Лютиен.

— Не думаю, — ответил Оливер. — Похоже, нам лучше снова спуститься вниз.

24. ДЕМОН

— Я больше не Моркней! — объявила тварь. — Взирайте на мощь Преотека и трепещите!

— Преотек? — испуганно прошептал Лютиен.

— Демон, ловкий колдун призвал на помощь демона, — задыхаясь, объяснил Оливер. Юноша понимал, что его одышка вызвана не только долгим бегом вверх по лестнице.

— Не хуже чем дракон, — прошептал Лютиен, стараясь успокоить и Оливера, и себя.

— Однако мы так и не победили дракона, — быстро напомнил ему хафлинг.

Демон оглянулся, его дыхание превращалось в пар в холодном октябрьском воздухе.

— Ах, — вздохнул он. — Как хорошо опять находиться в этом мире! Я хорошенько попирую — съем и тебя, и сотню других, пока Моркней не отправит меня снова в Преисподнюю!

Лютиен ни на минуту не усомнился в его словах. Ему случалось видеть таких же великанов, как Преотек, но никто, даже Бальтазар, не излучал такой могущественной и невыразимой злобы. Скольких людей поглотил этот демон? Лютиен задал себе этот вопрос и содрогнулся, не желая знать ответ.

Он услышал движение на ступенях и оглянулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как на последнюю площадку лестницы выходит Сиоба с луком в руках.

Лютиен глубоко вздохнул и выпрямился. Теперь юноша уже просто не мог отступить.

— Пойдем вместе, Оливер, — процедил он сквозь стиснутые зубы и крепко сжал меч, собираясь взглянуть судьбе в лицо.

Прежде чем хафлинг успел хотя бы посмотреть с недоверием на своего друга, Преотек вытянул когтистую руку и сжал массивный кулак.

Сильный порыв ветра внезапно подул слева от них, снося друзей в сторону. Сиоба выпустила стрелу в тот же миг, но ветер подхватил ее и отбросил в сторону.

Лютиен зажмурился и поднял руку, защищаясь от ветра. Его накидка отлетела вправо, хлестнув Оливера по лицу. Шляпа хафлинга слетела с головы и понеслась вверх по спирали. Инстинктивно Оливер подпрыгнул и поймал ее, уронив рапиру. Но через секунду он уже сам летел вверх тормашками. Когда хафлингу удалось выпрямиться, он уже находился высоко над зубчатым парапетом. Потрясенный Оливер был в добрых десяти футах от стены, когда змееподобное лицо Преотека злобно ухмыльнулось и демон испустил из зада струю отвратительного газа.

Хафлинг вскрикнул и исчез из вида.

Закричав от горя по потерянному другу, Лютиен бросился вперед, размахивая мечом. Стрелы Сиобы, одна за другой, сплошным потоком летели над его головой, нанося чудовищу удар за ударом, хотя Лютиен не мог сказать даже, ощущает ли их огромный Преотек.

Ему удалось дотянуться до врага мечом, но оружие было с силой отброшено назад. Лютиен упал на одно колено, пригнувшись, чтобы не попасть под устремленные к нему когти, затем снова вскочил на ноги и отпрыгнул назад, втянув живот, чтобы избежать удара лапы демона. Стрела ударила в шею Преотека, и демон зашипел. Лютиен сделал выпад вперед и порезал мечом мясистую внутреннюю часть огромного бедра демона. Юный Бедвир успел откинуть голову набок, когда клыкастая змеиная голова пролетела мимо него, но лапа с размаху угодила ему по плечу, прежде чем он успел восстановить равновесие, глубоко поцарапав его и отбросив в сторону.

У юноши хватило духа взмахнуть в падении мечом, удар пришелся Преотеку по пальцам.

Лютиен понял, что причинил боль демону, но почти пожалел об этом, потому что выходец из Преисподней повернулся к нему, яростно сверкая змеиными глазами.

Затем юноша увидел кое-что еще, какой-то проблеск в яростных глазах демона и легкое подрагивание змеиного брюха. Стрела вонзилась в шею демона.

Снова проблеск и дрожание, и у Лютиена возникло чувство, что Преотек был вовсе не так идеально защищен в своем временном плотском обиталище.

Демон выпрямился, возвышаясь над Лютиеном, как будто высмеивая его догадки. Он направил на него взгляд, и из глаз вылетели два потока яростного красного пламени, соединились воедино в нескольких дюймах от лица демона и, шипя, устремились через всю площадку в Сиобу, сбросив ее вниз по ступеням.

Лютиену показалось, что его сердце остановилось.

* * *

Повиснув сбоку от башни, Оливер снова плотно натянул шляпу. Она сидела на нем вполне нормально, но парик под ней развернулся задом наперед, и длинные черные пряди закрывали лицо, мешая смотреть. Его ноги и одно бедро болели от удара о камень, а руки ныли потому, что он отчаянно цеплялся за веревку волшебной липучки.

Перепуганный хафлинг понимал, что не может просто висеть здесь вечно, так что, наконец, он набрался храбрости посмотреть вверх, стряхнув с лица пряди волос. Его липучка — прекрасная, волшебная липучка — прочно зацепилась за изогнутую каменную стену, но недостаточно близко к кромке башни, чтобы хафлинг мог взобраться наверх, а у Оливера не хватало длины веревки, чтобы спуститься вниз.

Однако хафлинг высмотрел оконную нишу чуть левее и выше.

— Ты настоящий храбрец, — прошептал он сам себе, подтянулся и забросил ноги на стену. Хафлинг медленно продвигался вправо, затем, убедившись, что веревка достаточно натянулась, он наполовину побежал, наполовину полетел влево, словно маятник. Сделав рывок вперед, он ухитрился схватиться пальцами одной руки за край окна и с усилием заполз на карниз.

Оливер застонал, когда увидел, какая перед ним преграда. Он мог разбить цветное стекло, но оконный проем пересекали металлические изогнутые прутья, преграждающие доступ в башню.

Хафлинг заметил, что внизу собралась толпа, многие показывают на него, приглашая посмотреть своих сограждан. На расстоянии Оливер разглядел отряд преторианских стражников, спешивших вдоль улицы. Без сомнения, они отправлялись на подавление бунта в Соборе.

Хафлинг покачал головой и поправил шляпу, затем сделал три быстрых рывка, чтобы освободить липучку. Может, ему удастся прикрепить волшебное приспособление пониже и спуститься с башни достаточно быстро, чтобы не попасть стражникам в лапы, подумал он, но, к собственному удивлению, хафлинг обнаружил, что вместо этого бросает липучку вверх, выше по стене и ближе к следующему окну.

Связанный неразрывными узами дружбы, Оливер начал карабкаться вверх под нескончаемые крики толпы внизу.

— Иногда мне кажется, что наличие друга — не такая уж хорошая вещь, — бормотал хафлинг, но упрямо лез вверх.

* * *

Внутри Собора бунт превратился в бегство. Многие циклопы погибли, а оставшиеся рассеялись и спрятались, но толпа не могла противостоять ожившим мертвецам и злобным горгульям Моркнея. Каттеры старались теперь объединить обезумевшую толпу, чтобы она могла пробиться к выходу.

В данный момент восставших интересовало только бегство.

Циклопы, видимо, это поняли, горгульи — тоже, и куда бы ни бросалась толпа, она всюду натывалась на преграды.

А ужасные ожившие мертвецы стерегли каждый их шаг, хватая тех, кто был

недостаточно проворен, чтобы увернуться от их цепких костлявых рук.

* * *

Лютиен взревел и ринулся вперед, закричав от ярости. Он хотел поразить мерзкое создание, не заботясь больше о собственной безопасности. Две когтистые лапы потянулись к нему, но он яростно рубанул мечом, оставив глубокие раны на обеих.

Юноша опустил голову и бросился в бой, размахивая мечом и даже пиная огромного демона.

Тот явно понял, насколько опасна подобная ярость отчаяния, его перепончатые крылья расправились, поднимая тварь в воздух над башней.

— Ну, нет! — запротестовал Лютиен. Он даже не подумал о том, насколько опасно выпустить Преотека из зоны досягаемости его меча. Юноша просто рассвирепел при мысли, что адский демон может сбежать. Он прыгнул на чудовище, выставив вперед меч, и тут же получил неизбежный удар когтем по спине.

Он не почувствовал боли и даже не заметил, что рана кровоточит. Все, что ощущал Лютиен, — это гнев, и только гнев. Вся его сила сосредоточилась в мече. Клинок вонзился глубоко в брюхо Преотека. Дымящаяся зеленоватая липкая жидкость хлынула из раны на руку Лютиена, упрямый юный Бедвир закричал и стал поворачивать меч, стараясь выпотрошить тварь. Он посмотрел в глаза демона и снова увидел ту же легкую дрожь.

Тяжелая лапа Преотека ударила его по плечу, и Лютиен, оглушенный, рухнул на колени. Демон поднялся вверх, расправив крылья над Лютиеном, словно стервятник, парящий над незащитной жертвой.

Откуда-то издали юный Бедвир услышал голос — и узнал голос Сиобы.

— Ты, безобразный ублюдок! — закричала полуэльфийка и пустила еще одну стрелу, вонзившуюся в змеиный глаз твари.

* * *

Сиоба! Лютиен осознал это и вновь преисполнился сил. Юноша поднял меч и нанес удар, поразив тварь в воздухе.

Преотек тяжело рухнул вниз, насадившись на меч до рукоятки. Демон начал метаться, но затем остановился и с любопытством посмотрел вниз на Лютиена.

А юноша потрясенно уставился на свой меч, его рукоятка пульсировала вместе с биением огромного сердца твари.

С ревом, от которого раскололись камни, и дикими содроганиями Преотек отшатнулся к парпету, переломив меч у самой рукоятки.

Сиоба пустила в него еще одну стрелу, но это уже не имело значения. Демон содрогался в конвульсиях. Из его брюха хлестала красная и зеленая кровь и вываливались внутренности.

Лютиен стоял, борясь с дурнотой и болью, и смотрел в глаза чудовища, которое он считал уже побежденным.

Юноша опоздал всего на секунду, он метнулся в сторону, но из глаз демона вырвались потоки пламени, слились воедино и с ужасающим грохотом взорвались.

Лютиен перелетел через всю площадку, а Сиоба опять исчезла из вида, в этот раз скатившись по лестнице и сильно ударившись о нижнюю площадку, где она и осталась, испуская жалобные стоны.

Юноша потряс головой, пытаясь вспомнить, что с ним происходит. Когда он снова поднял глаза, Преотек стоял во весь свой огромный рост и издевательски хохотал.

— Ты думаешь, что твое смехотворное оружие может поразить меня? — взревел демон. Он засунул когтистую лапу прямо в распоротое брюхо и, хохоча, извлек оттуда покрытый слизью клинок Лютиена. — Я — Преотек, живущий вечно!

У Лютиена больше не оставалось сил сражаться с чудовищем. Он был побежден, теперь в этом не оставалось сомнений. К тому же если у Гринспэрроу действительно много таких союзников, как Преотек (о чем говорил ему Бринд Амор и что очевидно доказал Моркней), то тень скоро накроет весь Эриадор.

Лютиен с трудом поднимался с колен. Он желал хотя бы умереть с достоинством. Юноша перенес вес тела на одну ногу, но внезапно замер и уставился на монстра.

— Нет! — зарычал Преотек. Демон не смотрел на Лютиена. Казалось, он разговаривал с кем-то, находившимся внутри него самого. — Я сам желаю прикончить этого жалкого человечка! Его плоть станет моей пищей!

— Нет! — раздался в ответ голос герцога Моркнея. — Это сладостное убийство — мое!

Змеиная морда Преотека задрожала, затем странно изменилась, превращаясь в лицо герцога Моркнея. Затем оно опять на короткое время стало мордой Преотека, затем снова — лицом герцога.

Борьба продолжалась, и Лютиен понял, что другой возможности нанести удар больше не будет. Он с трудом подался вперед, пытаясь найти какое-нибудь оружие и силы для нападения.

Когда юноша снова взглянул через площадку, он увидел не Преотека, а костлявое нагое тело герцога Моркнея, который нагнулся, чтобы подобрать свое упавшее одеяние.

— Ты уже должен быть мертв, — заявил Моркней, увидев, что Лютиен с трудом встает на ноги. — Упрямый глупец! Гордись тем, что ты продержался против такого, как Преотек, несколько минут! Гордись, а потом ляг и умри.

Лютиен чуть не последовал этому совету. Он никогда не был так измотан, изранен и близок к смерти. Опустив голову, он вдруг заметил что-то, заставившее его снова выпрямиться и забыть о боли.

Рапира Оливера.

Под пренебрежительный смех герцога Моркнея юный Бедвир сделал шаг и подобрал маленький, тонкий клинок, затем постоял неподвижно, чтобы обрести равновесие, и упорно выпрямился во весь рост. Он направился через площадку к своему врагу.

Моркней все еще был наг и все еще смеялся, когда Лютиен приблизился, нацелив рапиру ему в грудь.

— Ты не веришь, что я могу победить тебя? — с изумлением спросил герцог. — Ты думаешь, что мне нужен Преотек или какой-нибудь другой демон, чтобы уничтожить простого бойца с мечом? Я отослал демона только потому, что я хотел прикончить тебя своими руками.

Издав яростный рев, Моркней поднял костлявые руки с когтистыми пальцами и начал творить заклинание.

Спина Лютиена внезапно выгнулась, и он замер на месте, его глаза расширились от ужаса и внезапной боли. Последние силы покидали его прямо на глазах. Казалось, злобный чародей каким-то образом высасывал его жизненную энергию.

— Нет! — попытался протестовать юноша, но он знал, что ему не под силу справиться с магическими способностями злобного герцога.

Моркней продолжал насыщаться, получая от этого извращенное удовольствие, злобно смеясь, будучи таким же порождением зла, как и вызванный им демон.

— Как ты мог даже помыслить, что ты в состоянии победить меня? — спросил герцог. — Да знаешь ли ты, кто я? Понимаешь ли ты теперь могущество братства Гринспэрроу?

Опять раздался издевательский смех, а у умирающего Лютиена даже не было сил протестовать. Его сердце бешено стучало, готовое разорваться от боли и отчаяния.

Внезапно веревочная петля упала через голову герцога и туго затянулась вокруг его плеч. Глаза Моркнея расширились от изумления, он проследил взглядом по всей длине веревки, уходящей куда-то в сторону, и увидел Оливера де Берроуза, который перелезал через зубчатую стену.

Хафлинг пожал плечами с извиняющейся улыбкой, он даже беззаботно помахал герцогу рукой. Моркней зарычал, собираясь обратить свой гнев против Оливера. Чародей больше не принимал в расчет Лютиена, полагая, что покончил с дерзким молодым человеком.

В ту же секунду юноша освободился от злых чар и бросился вперед, сделав выпад смертоносной рапирой. Острие вонзилось в обнаженную грудь герцога.

Одно бесконечное мгновение они стояли лицом к лицу — Моркней недоверчиво смотрел на странного молодого человека, на человека, который только что убил его. Герцог почему-то усмехнулся, затем обвис в руках Лютиена.

Глубоко внизу, в нефе, горгульи превратились в камень и рухнули на пол, а скелеты и сгнившие тела снова впали в свой вечный сон.

Оливер посмотрел вниз, на огромную толпу и отряд преторианских стражников, выходявший на площадь рядом с Собором.

— Перекинь его через стену! — крикнул сообразительный хафлинг Лютиену.

Юноша удивленно повернулся к Оливеру, который наконец перебрался через зубчатую стену на верхнюю площадку башни.

— Перебрось его через стену! — снова сказал хафлинг. — Пусть они увидят, что его повесили за костлявую шею!

Эта идея ужаснула Лютиена. Оливер подбежал к телу и оттолкнул друга прочь.

— Ты что, не понимаешь? — закричал хафлинг. — Им нужно его увидеть!

— Кому?

— Твоему народу! — крикнул Оливер и с невероятным приливом сил ухитрился перекинуть Моркнея через зубчатую стену. Петля соскользнула с плеч и затянулась вокруг шеи, его костлявая нагая фигура закачалась у боковой стены башни примерно на высоте ста футов над землей.

Но, несмотря на расстояние, бедняки Монфора, которые прозябали под его костлявой пятой много лет, конечно, должны были узнать своего мучителя.

И они узнали.

Ликующая толпа бросилась из Собора на улицы города, сметая все на своем пути.

— Что мы наделали? — ошеломленно спросил юный Бедвир, беспомощно глядя сверху на жестокое сражение.

Оливер пожал плечами:

— Кто знает? Единственное, в чем я уверен, так это в том, что воровать в отсутствие костлявого герцога будет гораздо лучше.

Практичный хафлинг, как всегда, старался извлечь выгоду из любой ситуации.

Лютиен тихо покачал головой, опять задаваясь вопросом, во что он ввязался. Удивляясь, как все это вообще могли произойти.

— Лютиен? — услышал он с края площадки и, резко обернувшись, увидел Сиобу, которая тяжело опиралась на зубчатую стену. Ее серое платье было разорвано в клочья.

Но девушка улыбалась.

ЭПИЛОГ

Снег толстым слоем лежал на тихих улицах Монфора, но почти каждую улицу покрывали алые пятна крови. Лютиен сидел на крыше одного из высоких зданий в нижней части города, глядя сверху на дома и замок.

Жители Монфора подняли восстание, и он, Алая Тень, невольно стал их предводителем. Многие погибли, и на сердце Лютиена тяжким грузом легла печаль. Он заряжался силой от тех, кто яростно дрался за свою свободу, от тех храбрецов, которые так долго страдали под пятой тирана и теперь не желали больше возвращаться в это состояние, даже если бы свобода стоила им жизни.

И, к изумлению Лютиена, они побеждали. Могучее и хорошо вооруженное войско

циклопов все еще контролировало внутреннюю часть города, защищая богатых купцов, которые процветали при герцоге Моркнее. Шли слухи, что войском командует виконт Обри.

Лютиен хорошо помнил этого человека и надеялся, что эти слухи верны.

В первые дни после гибели герцога продолжалась жестокая битва, каждый день погибали сотни мужчин, женщин и циклопов. Потом наступила зима, приостановив бои, заставив многих думать только о том, как спастись от мороза и голода. Сперва холод, казалось, был на руку купцам и циклопам в богатых кварталах города, но время шло, и люди Лютиена тоже научились находить в этом некоторые преимущества. Они контролировали внешнюю стену, а значит, любой ввоз товаров в город.

Отряд Сиобы, вместе с множеством свирепых гномов, продолжал сеять панику в стане врага. Даже сейчас они планировали устроить крупный набег на шахты, чтобы освободить порабощенных сородичей Шаглина.

Но Лютиен не мог избавиться от сомнений. Правильно ли он поступил, возглавив, быть может, безнадежное восстание? Сколько еще людей погибнет из-за того, что он выбрал именно такой путь? Люди пошли за Алой Тенью, но на что могут надеяться в будущем осажденные жители Монфора? Зима, видимо, ожидается нелегкая, а весна, скорее всего, будет обозначать приход армии из Эйвона (войска короля Гринспэрроу) в город, чтобы навести порядок.

И наказать восставших.

Лютиен глубоко вздохнул, заметив еще одного всадника, выезжавшего из ворот Монфора, — он отправлялся на север сообщить новости и попросить о помощи — хотя бы в форме продовольствия из ближайших деревень. Говорили о каких-то небольших сражениях в Порт-Чарлее на востоке, но Лютиен не слишком верил в это.

— Так я и знал, что ты здесь, наверху, — раздался голос сзади, и Лютиен, обернувшись, увидел Оливера, взбирающегося на крышу. — Осматриваешь свое королевство?

По хмурому лицу юноши было видно, что шутка не показалась ему смешной.

— Ну ладно, — примирительно сказал хафлинг, — я пришел только сказать, что к тебе — гость.

Лютиен с любопытством поднял бровь, когда на уступе крыши появилась женщина. Ее глаза были такими же темными, как у Сиобы, но из-под шляпы выбивались ярко-рыжие волосы. Она стояла, гордо выпрямившись, держа перед собой что-то завернутое в одеяло, не отводя взгляда от старого друга.

— Кэтрин, — прошептал Лютиен, не в состоянии произнести что-то большее внезапно пересохшими губами.

Девушка пересекла крышу и стала перед ним, протягивая сверток.

Лютиен с недоумением принял его.

Глаза юноши расширились от изумления, когда он снял одеяло и увидел «Ослепительный», драгоценный фамильный меч.

— От Гахриза, твоего отца и законного эрла Бедвидрина, — объяснила Кэтрин О'Хейл строгим и решительным голосом.

Лютиен внимательно смотрел в ее зеленые глаза, ища ответа сразу на множество вопросов.

— Авонеза в цепях, — произнесла Кэтрин. — И на всем острове Бедвидрин не осталось ни одного живого циклопа.

Лютиен почувствовал, что ему трудно дышать. Гахриз последовал его примеру и вступил в войну! Молодой человек огляделся, перевел взор с улыбающейся Кэтрин на сияющего Оливера, затем на покрытые снегом крыши притихшего города.

Вновь наступило время принимать решение. Но на этот раз Лютиен шел на это вполне осознанно, со всей ответственностью за сделанный выбор.

— Выйди, Оливер, — сказал молодой человек, — выйди и скажи людям, чтобы они мужались. Скажи им, что их война, война за их свободу, началась. — Лютиен опять

посмотрел в глаза гордой женщины из Хейла. — Выйди к ним, Оливер, — повторил он. — Скажи им, что они не одиноки.